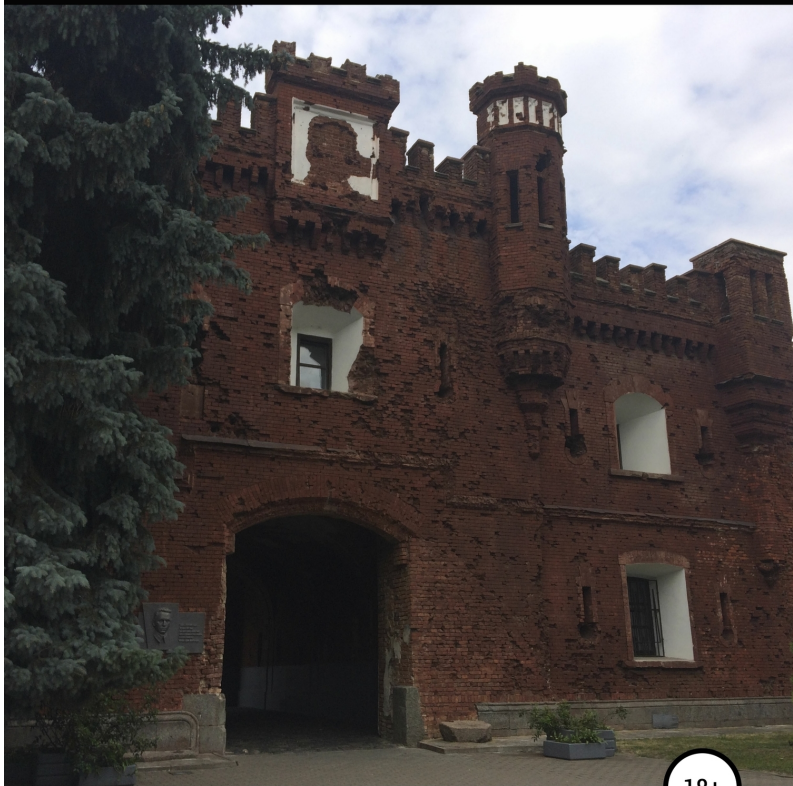

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

18+

© 2019 г.

Алексей Юрьевич Петров

Старая крепость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42207660

SelfPub; 2019

Аннотация

Желание примерить старый военный китель обернулось для Ивана провалом во времени. Очутившись в теле немецкого солдата накануне нападения Германии на СССР, перед героем встаёт вопрос: что делать? Пытаясь разобраться в сложившейся ситуации и принять единственно правильное решение, Иван оказывается в штурмовой группе, идущей в Брестскую крепость...

Содержание

Часть I Гроза на горизонте	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	70
Глава 7	79
Часть II Церковь Святого Николая	112
Глава 1	112
Глава 2	147
Глава 3	172
Глава 4	205
Глава 5	215
Глава 6	231
Часть III Покой нам только снится	259
Глава 1	259
Глава 2	270
Часть IV Восточный форт	292
Глава 1	292
Глава 2	323
Глава 3	335
Глава 4	355

Глава 5

372

Глава 6

378

Часть I Гроза на горизонте

Глава 1

– Макс, вставай! Хорош дрыхнуть, – твоя очередь дежурить! – кто-то, от кого нестерпимо несло чесноком, бесцеремонно тряс меня за плечо.

– Чёрт подери, Отто, от тебя разит как от охотника за вампирами, – мой ответ прозвучал раньше, чем я успел толком проснуться и сообразить что вообще происходит, – сколько ты взял с собой этого чеснока и когда уже он закончится?

– Терпи, Макс, – солдатам Великого Рейха нельзя страдать от нехватки витаминов, да и простуда тоже ни к чему, – хохотнул Отто и дыхнул со всей силы в мою сторону, – держи и ты волшебную чесночную защиту, мне не жалко.

– Отвали, Отто, это вовсе не смешно, – я рывком сел и теперь щурил глаза на тусклый свет лампы, который со сна мне казался слепящим прожектором.

– Ух, какие мы нежные, боже мой! – рассмеялся любитель чеснока, но дуть перестал – Да я у себя дома мог свободно съесть три головки чеснока и четыре луковицы за раз! Знаешь, как меня называли в деревне?

– Вонючка Отто? – предположил я меланхолично, пытаюсь сунуть ноги в сапоги.

– Чтоооо?! – он аж задохнулся от возмущения.

– Да вы заткнётесь уже или нет?! Ланге, Рюдигер! Ещё одно слово... – из глубины вагона раздался раздражённый голос обер-фельдфебеля Рауша.

Сон как рукой сняло, мы вытянулись по стойке «смирно» и практически синхронно гаркнули во весь голос:

– Так точно господин обер-фельдфебель!

– О, мой бог, что за два идиота! Тише! – простонал в темноте Рауш и продолжил:

– Рюдигер! Ланге! Если я услышу от вас ещё хоть одно слово, одно только слово, – клянусь, вы будете вечными дежурными, вечными, – вам это ясно?

– Так точно, господин обер-фельдфебель, – шёпотом ответили мы.

– Вольно, – произнёс Рауш и шумно отвернулся к стенке, натягивая на себя одеяло.

Я посмотрел на Отто и постучал кулаком себя по голове, показывая что думаю о своём напарнике. Тот не остался в долгу и поприветствовал меня согнутой рукой, положив вторую руку на локтевой сгиб первой. Международный жест, в переводе не нуждающийся. Я только рукой махнул. Довольные собой, мы разошлись, насколько это слово применимо к пространству товарного вагона, в котором мы ехали. Отто завалился спать, а я сел на лавку со стоящим на ней фонарём, – дежурить. Охранять, так сказать, покой и чуткий сон. Глянул на часы – 1:05, до назначенного сегодня раннего

подъёма почти два часа. Эшелон идёт ровно, колёсный перестук убаюкивает. Входная откатная дверь чуть приоткрыта, за нею ничего не видно, – темно. Чем бы таким заняться, чтобы не уснуть, – вот главный вопрос. Немного посидев и приведя ото сна мысли в порядок, решил проверить материальные ценности. Рядом, у стенки вагона, слева от входной двери, стояли пирамиды с оружием взвода, – неплохо бы пересчитать их содержимое. Отто – парень весёлый, мог и пошутить, поэтому считаю: 34 винтовки Каг 98к, 4 пулемёта MG-34, 6 пистолет-пулемётов MP-40, 10 пистолетов «P-08» и 50-мм миномёт. Амуниция, противогазы, ранцы, – всё это, соответственно, располагалось справа от двери. Взводная обозная лошадь и обе пехотные тележки с остальным имуществом и боеприпасами также ехали в нашем эшелоне, но отдельно. Куда нас везут – никто не знал. Догадывались, конечно, но всерьёз никто не верил, что будет война с русскими. Большинство считало, что грядут грандиозные маневры рядом с нашим восточным соседом. Показать свою мощь и отбить всякие нехорошие мысли, возникающие у большевиков.

На данный момент, главное для Германии, – победа в войне с Англией: эти чёртовы Томми совсем распоясались, и даже имеют наглость бомбить наши города! И, хотя, сухопутные сражения пока идут только в Африке, – война на два фронта была бы самоубийством и фюрер не должен её допустить. Воспоминания о первой мировой войне еще были

слишком свежи и никто не хотел повторения прошлых ошибок, тем более, – сейчас, во время так блестяще начавшейся кампании! Шутка ли, – ведь Германии удалось захватить практически всю Европу! Повержена Франция, разгромлена Польша, – остались только Томми. Зачем же лезть на русского медведя, имея за спиной коварных англичан? Война на два фронта недопустима. Так считало большинство наших солдат и унтер-офицеров. Нет, были, конечно, опьяненные успехами нашей армии молодые солдаты, которым казалось, что великому немецкому Вермахту всё по плечу и мы с лёгкостью рассеем орды диких азиатов... Но, повторюсь, такой настрой поддерживали далеко не все.

Признаюсь, я тоже был в числе скептиков, но совсем по другим причинам. Вовсе не потому, что был стар и осторожен, – как раз наоборот. Максу Ланге здесь только-только исполнилось девятнадцать, – прекрасный возраст для проявления юношеского максимализма, геройства, романтики и самоуверенных заявлений. Молодость – прекрасная пора, но в моём случае присутствует нюанс. Дело в том, что я вовсе не тот, за кого меня принимают окружающие. Нет, кривить душой не буду: мне довольно комфортно в теле молодого немецкого солдата. Да и разум мой не конфликтует с его внутренним миром, – у нас, образно говоря, случился полный симбиоз с первых мгновений вынужденного общения. Так что, помимо своих знаний и умений, я знаю всё, что знает и умеет Макс Ланге. Нет, я вовсе не призрак и не ино-

планетянин, хотя последнее утверждение спорное. Впрочем, первое, – тоже. Всё зависит от того, в каком мире/измерении я сейчас нахожусь. Стараюсь не забивать этим голову, но пока другим её, бедную, к сожалению, занять нечем.

С чего всё началось? Пожалуй, с решения померить вот такую же форму, которая сейчас сидит на мне как влитая. Конечно, исключительно ради интересного фото, – ради чего же ещё? Даже не форму, а один только китель, – брюк к нему в той лавке не было. Ну, как лавка? Просто небольшой такой стандартный магазинчик в десяток квадратных метров, где-то недалеко от центра Варшавы. Обычно в подобных торговых точках продают различные путеводители, брелоки, флажки, магниты на холодильник... Честно говоря, «что-нибудь на память» было куплено ещё в первый день пребывания в столице Польши и на кой чёрт меня понесло в ту лавку, – тот самый чёрт и знает. Как бы там ни было, – зашёл. Внутри обнаружился стандартный набор сувениров. В принципе, ничего особенного, – можно выходить и двигать дальше, что я и собирался, в итоге, сделать. И тут мой взгляд цепляется за какую-то пока неуловимую деталь, не вписывающуюся в концепцию подобного рода магазинчика. Приглядываюсь: сбоку скромно висит китель вермахта с погонами пехотного унтер-офицера, лентой «Железного креста 2-го класса», «Железным крестом 1-го класса», знаком за ранение 2-й степени, «Нагрудным пехотным штурмовым знаком» в серебре и ещё каким-то значком. Естественно, на тот

момент ни названий этих побрякушек, ни значения нашивок, и, уж тем более, воинских званий на погонах я не знал, – это только сейчас память Макса услужливо идентифицирует увиденное. И то, один из знаков даже херр Ланге не смог идентифицировать. Что уж говорить обо мне? А тогда я был от всего этого очень далёк... И был бы ещё дальше, если бы не стал тогда китель мерять...

Что ни говорите, – всё-таки у немцев красивая была форма: Хуго Босс и всё такое. Ну, нравится она мне! И, пока я глазел на китель, в абсолютно пустом магазинчике, буквально из ничего материализовался сухонький седой старичок. Я поздоровался по-русски, тот ответил на каком-то непонятном языке. Впрочем, это вполне мог бы быть и польский, – сказанных старичком слов я разобрать не смог. Знаете, пока смотришь фильм «Четыре танкиста и собака» – думаешь, что понимаешь польский, а как только с тобой окажется рядом поляк и зарядит своё «пше-прше», – поймёшь, насколько ты ошибался в своих лингвистических способностях.

Дедок внимательно на меня посмотрел и спросил:

– Pan Rosjanin?

– Русский, русский, – закивал я – Вот смотрю на китель ваш...

– Rosyjski mistrz może spróbować siebie w butach niemieckiego żołnierza, – указывая рукой на китель, произнес старичок. Он был максимально серьёзен, и мне бы тут включить заднюю, но нет...

– Спасибо, обязательно примерю, – бодро заулыбался я –
А вы меня сфотографируете?

Старичок как-то нехорошо усмехнулся и что-то пробормотал опять неразборчивое, протягивая мне китель. Пока я его одевал, седовласый всё что-то бормотал как заведённый, потирал ладони и периодически закатывал глаза.

Впрочем, мне было не до него, – китель пришёлся в пору, я повернулся полюбоваться на себя в профиль перед зеркалом. Повернулся в одну сторону, в другую, а потом вдруг всё вокруг буквально на полсекунды потемнело...

– ...ля! – отшатнулся я, увидев своё отражение – но получилось почему-то «Шайзе»!

Из зеркала на меня смотрел молодой белокурый немецкий солдат, – настоящий ариец. Я быстро оцупал лицо, вздрогнул, посмотрев на свои руки, – человек в зеркале делал то же самое. Ни хрена же себе! Это я превратился в немца, что ли? Что за шутки? Голова кругом! Додумать и сойти с ума прямо на месте, к счастью, не успел, – дневальный закричал «Выходи строиться!» Заслышав команду, белокурый немчик, в теле которого я очутился, довольно шустро побежал вниз во двор, где из стекающихся со всех сторон солдат уже формировались шеренги и колонны. Что характерно, – пока всё происходило без моего участия. Как кино от первого лица. Бежать не хотел, – побежал, строиться не планировал, – построился... Смотрю по сторонам: кругом немцы, как в фильмах про Великую Отечественную. Самое интересное, что я

прекрасно знал окружающих меня солдат и унтер-офицеров, а они знали меня. Как это вообще возможно?

К сожалению или счастью, но толком поразмыслить над таким фантастическим поворотом судьбы времени не было. Дальнейшие события вообще сплелись для меня в один суматошный клубок: наше подразделение в спешке собиралось, со всеми вытекающими, и убывало на погрузку в эшелон. Мы бегали из казармы к грузовикам, загружали различное имущество, потом нас направили на склады и мы грузили боеприпасы, после ужина опять грузили, но уже подводы...

Улучив минутку, я вытащил из нагрудного кармана свой зольдбух и официально прочёл то, что и так, в принципе, знал: рядовой Максимилиан Ланге, 15.07.1921 года рождения. Оказывается, – я теперь австриец, из Вены. В Вермахте служу с сентября 1940, в декабре зачислен в 3-й батальон 135-го пехотного полка 45-й пехотной дивизии. По должности, – помощник пулемётчика 2-го отделения 2-го взвода 10-й роты. Никогда в жизни не говорил на немецком, – и вот, на тебе: в 40 лет сподобился. Интересно, а по-русски я тоже шпрехаю? Оглянувшись по сторонам, проверил: легко и непринуждённо выматерился вполголоса. Уже хорошо. Я даже повеселел. Главное, – во сне что-нибудь не сказануть, так как посещать местное гестапо пока не входит в мои планы. Впрочем, внутренний голос заверил, что всё контролирует. Поверим, за неимением альтернативы. По крайней мере, вот

уже полсуток как я здесь, и пока никто из окружающих меня фашистов ничего подозрительного, вроде бы, не заметил.

Окинув взглядом вагон, присел на скамью. Камрады, под мерный стук колёс, спали. Мда, камрады-товарищи... Надо же так попасть, а! Все попаданцы как попаданцы, – у своих появляются, и только со мной всё вечно не так! Ну почему я немцем-то накануне войны очнулся? И что теперь делать? Хорошо, что сейчас как раз тот момент, когда никто не мешает и можно, наконец-то, собраться с мыслями. Ответа на вопрос «кто виноват?», – я, боюсь, не узнаю никогда, поэтому его пока задвинем. А вот вопрос «что делать?», – как всегда актуален. Вариантов, по большому счёту, всего два: или остаться с камрадами, – пройти миссию за вермахт, так сказать, или перебежать к товарищам, – и топить до победного конца за РККА. Первый вариант я всерьёз не рассматриваю, – вряд ли смогу убивать наших, хотя вот херр Ланге возмущенно считает, что они вовсе не наши. Поэтому, за основу возьмём второе: нужно рвать к товарищу Сталину. Не лично в Кремль, конечно, а в общем смысле. Каким образом это осуществить? Про то, что я из будущего, – не стоит даже и заикаться. Скажешь – или в психушку упекут, или к стенке прислонят. Ни то, ни другое меня не устраивает. Логичнее на допросе будет сказать, что я, – тайно сочувствующий коммунистам: Рот Фронт и всё такое. Допустим, мне поверят и дальше что? В реалиях июня 1941 года, – посадят в камеру приграничного городка до выяснения, где через пару дней

меня или освободит наступающий вермахт, или расстреляет перед отступлением караульный. Так, на всякий случай... Причём, немцы тоже явно не Железный Крест вручат при освобождении, – отнюдь не железный. А вот деревянный – вполне. Так что, до начала боевых действий сдаваться, – то ещё удовольствие. Плюс мой русский... Как объяснить владение языком? В школе учил? Или сделать вид, что не понимаю? Боюсь, с актёрскими данными у меня плохо, – расколлет меня особист. Расколлет, – как пить дать. И расстреляет как шпиона. Или, если судьба всё-таки соизволит улыбнуться, – то остаток войны я проведу в лагере для немецких военнопленных, где-нибудь на солнечной Колыме... Такая себе улыбка, честно говоря.

Я встал и подошёл к приоткрытой вагонной двери. Тёплый набегающий поток взъерошил волосы. Не видно ничего, кроме звёзд на небе. Только напротив угадывается тёмный даже на фоне неба лесной массив, тянет паровозным дымом. До рассвета ещё далеко, и нужно принимать какое-то решение. Если обер-фельдфебель Рауш не врёт, то сегодня ночью мы должны прибыть в место назначения. Где оно, – нам неизвестно, но если мы следуем из Варшавы на восток, то вариантов-то не особо и много... Ехать до Бреста тут ерунда, даже с такой скоростью, с какой движется наш эшелон. Так что, район определён мною достаточно точно. Границу, таким образом, скорее всего, будем пересекать севернее или южнее города. Очень надеюсь, что идти через Брест или, не дай Бог,

штурмовать Брестскую Крепость будем не мы. Что-то никак не вспомню: кто этим занимался у немцев? Надеюсь, не наша дивизия. Мы же австрийцы, значит... И тут меня словно током ударило. Стоп! Австрийцы... Земляки Фюрера... 45-я пехотная... 45-я пехотная дивизия Вермахта штурмовала Крепость! Точно! Я вспомнил! Ведь там, в Варшаве, мы как раз и учились штурмовать! Считай, круглыми сутками только этим и занимались! Макс Ланге услужливо напомнил, как наша рота тренировалась, отрабатывая тактику захвата укреплений и казематов, подобных Брестским, на каком-то заброшенном форту. Учились преодолевать водные преграды, закидывать рвы фашинами, подниматься в атаку вслед за воображаемым огневым валом нашей артиллерии... Меня прошиб холодный пот и я, в растерянности, бессильно опустился на скамью. Это, пожалуй, наихудший вариант для попаданца вроде меня... Что же делать?

Глава 2

Прибытие получилось неожиданным и каким-то будничным, что ли. Состав постепенно снижал скорость, – мы двигались всё медленнее и медленнее, пока паровоз не остановился окончательно. Лязгнули вагоны, эшелон встал. Выглянув в дверной проём, я услышал звонкий голос Рихарда Апфеля, – посыльного командира роты. Он бежал вдоль вагонов, подсвечивая себе фонариком, чтобы не упасть, и стучал по доскам теплушек:

– Подъём, 10-я рота! Построение перед вагонами, форма одежды повседневная!

Слева и справа от нас так же метались огни фонариков, – там тоже бегали посыльные и поднимали остальные роты нашего батальона. Всё, прибыли! Ни платформы, ни встречающего нас оркестра, – ничего. Только лес напротив.

Я повернулся к своим камрадам и заорал вглубь теплушки: «Подъём, второй взвод! Построение перед вагоном, форма одежды повседневная!», после чего с грохотом откатил дверь в сторону, впустив в вагон свежего воздуха. С удовлетворением и превосходством бодрствующего солдата над только что разбуженными товарищами, я наблюдал за суетой, поднятой взводом при подъёме. Здравомысленно рассудив, что воевать мы пока ни с кем не собираемся, запасные стволы к пулемёту и коробка с лентами решил на построение не брать.

Вполне достаточно и моего штатного «люгера». Со стойки с оружием я его выдернул очень даже вовремя: солдаты заканчивали одеваться и тянулись к оружию и амуниции. Как обычно, началась толчея, суета и неразбериха. Первые, самые шустрые, уже соскакивали на землю и занимали место в строю. Менее шустрых, подгоняли унтер-офицеры во главе с командиром взвода Раушем.

Спрыгнув на землю, занимаю своё место во второй шеренге, за первым номером нашего пулемётного расчёта, – обергефрайтером Йенсом Лерманом. Во взводе он имеет прозвище Викинг, за внешнее сходство с этим суровым древним воином. Высокий, светловолосый крепыш с цепким взглядом и массивным подбородком, немногословный, основательный в движениях и сдержанный на эмоции. Лерман старше меня на четыре года, он ветеран Польской и Французской кампаний. За бои при форсировании Эны награждён «Нагрудным пехотным штурмовым знаком» в серебре и знаком «За ранение 3-й степени». Несмотря на это, – нос не задирает, держится просто. В быту мы с ним неплохо ладим, да и в составе пулемётного расчёта понимаем друг друга с полуслова. За мной занимает место наш третий номер, – рядовой Эмиль Райзингер. Природа наградила его большими глазами навывкате и нескладным телосложением, в остальном же он абсолютно ничем не примечательный парень. Худой, щуплый, белобрысый, – типичный подрастающий ариец. Хотя мы с ним и ровесники, но выглядит он лет на семнадцать, – не

больше. Эмиль немного застенчив, но в целом, – парень компанейский.

– Как спалось? – подмигивая, интересуюсь у Райзингера.
– Бывало и лучше, – широко зевая, отвечает тот.

Справа, последним из взвода, втискивается мой ночной напарник, – Отто Рюдигер. Головная боль нашего отделения, в особенности его командира, унтер-офицера Винсхайма. Отто, – это человек, который постоянно впутывается в какие-то неприятности и имеет множество нареканий по службе. Он парень деревенский, простой, немного грубоватый, но наивный и к тому же тугодум. Плюс очень шумный, – громкость его голоса практически никак не регулируется. Внешне он выглядит как типичный сельский увалень, на которого по ошибке надели солдатскую форму. Родом Рюдигер из деревни Рамерсдорф, что под Линцем. Уж не знаю, – чем он там занимался до армии, но все его рассказы сводятся к описанию того, сколько он может съесть и выпить. Всё это дико раздражает унтер-офицера Винсхайма, для которого Отто, – объект особой любви. Вот и сейчас он взглядом сверлит Рюдигера, как будто хочет проделать в нём дыру. Однако, Отто даже не смотрит на своего командира отделения. Рюдигер в данный момент занят тем, что пытается поправить воротник своего мундира, не выпуская из руки ремня висящей на плече винтовки. Та бьёт стволом по каске и, в тишине замершего строя, раздаётся мелодичный перезвон. Я толкаю Отто в бок, однако Рюдигер лишь непонимающе на меня смот-

рит, не прекращая своего увлекательного занятия. Винсхайм что-то шипит вполоборота, но его прерывает команда обер-фельдфебеля Рауша.

– Взвоод! – все, даже Отто, на секунду замирают.

– Равняйся! – одновременный поворот голов.

– Смирно! – мы застываем как статуи.

– Господин обер-лейтенант! Второй взвод по Вашему приказанию построен!

В поле нашего зрения появляется командир роты, – обер-лейтенант Гренц. Ещё недостаточно рассвело и горящие перед строем фонари не могут пробить окружающую нас темноту. Но даже в их бледно-жёлтом свете видно, что Гренц вовсе не выглядит сонным, в отличие от нас, а вовсе наоборот: ротный бодр, свеж и подтянут.

– Вольно! – бросает он нашему обер-фельдфебелю, осматривая строй.

– Вольно! – эхом повторяет Рауш.

– Итак, господа! Ваша задача, – максимально быстро разгрузить и освободить вагон! Далее, форсированным маршем, в составе роты выдвинуться в пункт временной дислокации. Времени на подготовку к маршу – 10 минут. С рассветом ни нас, ни эшелона тут быть не должно. Для сдачи вагона, а также разгрузки имущества и лошадей, – оставляете двух человек. Они придут позже, в составе тылового обоза. Старший от тыловиков, – штабсфельдфебель Лёр, он будет находиться у штабного вагона. Вопросы? Вопросов нет.

Командуйте, господин обер-фельдфебель! – с этими словами, Гренц козырнул и зашагал в сторону третьего взвода.

Рауш, сложив руки за спиной, задумчиво оглядел наш строй и, наконец, произнёс:

– Все слышали? Повторять никому не нужно?

Поскольку мы молчали, взводный удовлетворённо кивнул и продолжил:

– С обозом пойдут Рюдигер и Кепке! Кепке, – старший. Остальным: пять минут на оправиться, потом пять минут на сборы. Кто что забудет, – пеняйте на себя! Командирам подразделений проверить. Рразойдись!

Строй распался: кто кинулся орошать ближайšie кустики, кто набирать из огромной бочки в кружки воды, чтобы почистить зубы... Я решил начать с зубов, потому что всё остальное можно сделать попозже и без очереди, что самое главное.

Времени хватило на всё, и уже через 10 минут мы стояли в полной боевой выкладке, готовые к маршу. Рауш что-то втолковывал остающимся Отто и Кепке. Если Рюдигер не проявлял никаких эмоций, то наш ездовой, гефрайтер Адольф Кепке, постоянно кивал головой на слова обер-фельдфебеля. Со стороны он был ну очень похож на китайского болванчика. У меня Кепке вызывал неприязнь, причём не столько из-за своего внешнего вида, – низенький, толстенький, кривоногий, с мелкими острыми зубами, – сколько из-за своего сволочного характера. Он считал себя очень

крутым гефрайтером, практически ровней унтер-офицерам, а с нами, обычными солдатами, общался очень высокомерно. Это вообще была нормальная практика для группы управления, к которой он имел счастье принадлежать. Попав не в обычное строевое подразделение и находясь в особых отношениях с начальством, такие индивидуумы быстро начинали считать себя выше других солдат. Но Кепке бил все рекорды по чрезмерному чувству собственного величия. Естественно, ездовой был самой презируемой фигурой из всей группы управления. В неё входили, помимо него, ещё денщик командира взвода, посыльный и горнист. Командовал этим подразделением раньше замкомвзвода, – обер-фельдфебель Рауш, но сейчас он замещал вакантную должность непосредственно командира взвода, поэтому группа управления осталась без твёрдой руки командира. Нормальным парнем в этом гадюшнике был только посыльный, – рядовой Герхард Штубе, недоучившийся студент-историк Венского университета. Компанейский, весёлый, жизнерадостный, – он единственный, кто не ставил себя выше остальных солдат. Штубе со всеми был в хороших отношениях: даже с Кепке посыльный находил общий язык. Прозвище у Герхарда, естественно, было «Студент». Денщик же и горнист были земляками из Линца. Оба маленькие и неказистые, – словно близнецы-братья. У них даже фамилии были одинаковые – Вебер. Имена разные, конечно, но по именам их мало кто звал, – в основном, по фамилиям или по прозвищам: ден-

щик был у нас Гензель, а горнист, – Гретхен. Их это жутко бесило, но поделаться с этим они ничего не могли. Впрочем, и мы старались прозвищами не злоупотреблять и пользовались ими, в основном, только в своём кругу.

Итак, со стороны головы эшелона раздался долгожданный свисток, – колонна тронулась в темноту. Оглядываюсь на наш вагон, – Отто достал платок и машет нам вслед, фальшиво вытирая несуществующие слёзы. Вот клоун! Толкаю Райзингера в бок:

– Смотри, как Отто по нам скучает. Не успели уйти – уже слёзы рекой.

Оборачиваясь, Эмиль усмехается:

– Вот придурок! Как его вообще в армию взяли?

Шагающий слева от меня Викинг тоже оглядывается, но ничего не говорит, – только качает головой. Пройдя вдоль всего эшелона, сворачиваем на грунтовку.

Мы идём по этой лесной дороге уже около часа, и сколько ещё так топать, – неизвестно. Солнце показалось из-за горизонта, но припекать ещё не начало, – температура пока вполне комфортная. Не холодно, но и не жарко. Пахнет лесом, где-то в его глубине поют птицы. Красота! Почти идиллическую картину портят только вездесущие комары, которые атакуют нас с упорством, достойным лучшего применения. Коробка с лентами и запасной ствол напоминают о себе всё чаще и весят с каждым пройденным десятком шагов

всё больше. Кроме оружия и боеприпасов, каждый из нас несёт за плечами ранец «торнистер» с притороченной к нему плащ-палаткой и одеялом, газбак, лопатку, сухарную сумку, флягу и прочее положенное имущество. Хорошо ещё, что каски разрешили снять и на голову ничего, кроме пилотки, не давит. Викинг рядом каждые сто шагов перекладывает свой MG-34 с плеча на плечо. Эмиль тоже тащит свои коробки с лентами на пределе сил. Всем тяжело, все устали. Давно смолкли разговоры и шуточки, – слышен только топот множества ног, тяжёлое дыхание соседей, да редкое чертыхание сбившего ногу солдата. И вот, когда казалось, что мы никогда уже не дойдём до казарм или чего ещё там для нас приготовлено, – раздался глас с небес:

– Веселей, парни! Осталось каких-то жалких полтора километра, – и мы дома!

Я сначала даже и не понял, почему голос обер-лейтенанта Гренца слышится вроде как сверху и даже мельком взглянул в светлеющий небосвод, но потом увидел ротного, проезжающего вдоль нашего растянувшегося строя на лошади. Викинг хмыкнул и тягуче сплюнул себе под ноги:

– Да уж, сидеть на лошади всяко веселее...

– Кто на что учился, Йенс! Был бы ты ротным, – тоже сейчас гарцевал перед нами! – подмигнул обернувшийся к Лерману обер-гефрайтер Модель, – старший стрелок нашего отделения.

– Будь я ротным, – вы бы у меня вообще бегом бежали, –

тяжело отдуваясь, произнёс Викинг, – Для профилактики.

– К счастью, бодливой корове господь рогов не даёт...

– Отставить разговоры в строю! – вмешивается в диалог Рауш, – Раз силы языком молоть есть, – то и вправду сейчас побежите у меня!

Тем временем, мы подтянулись к какому-то перекрестку: вернее, – к отходящей влево, вглубь леса, неприметной дорожке. Группа управления и первый взвод уже свернули на неё, теперь настала и наша очередь. Оглянувшись, я увидел колонну третьего взвода и пародию на строй наших ротных тыловиков, идущих замыкающими. Несмотря на то, что было уже довольно светло, следующих за ними 11-й и 12-й рот, не увидел: видимо, их скрывал изгиб дороги.

Лес расступился, и нашему взору открылась большая поляна с парой одноэтажных построек. Судя по запаху свежего дерева и несколькими огромным кучам стружки, – это лесопилка. По периметру поляны, в 10-15 метрах от опушки, видны большие палатки, расставленные среди деревьев. Ага, похоже, наш лагерь будет находиться именно здесь.

– А это ещё кто такие? – вытянув шею, спрашивает Эмиль.

Смотрю по направлению его взгляда и вижу какое-то подразделение, которое стоит напротив одного из домиков.

– А это, господин Райзингер, наши гостеприимные хозяйка из 9-й роты! – раздаётся сбоку голос Рауша, – Они тут уже неделю находятся, – готовят лагерь для всего батальона. Вон, палатки на всех поставили. Построили столовую, убор-

ные, облагородили территорию к нашему прибытию.

Колонна подходит ближе, уже можно разглядеть знакомые лица парней из 9-й роты. Нельзя сказать, что при виде нас их лица светятся от счастья, но мы их прекрасно понимаем. В сложившейся ситуации, другого ожидать было бы странно: впахивать тут неделю за весь батальон, а потом встречать «халявщиков», пришедших на всё готовенькое, да ещё и построившись в 4 утра, – так себе радость. Тем временем, батальон выстраивается по фронту. Посматриваем на прибывающие вслед за нами из леса роты: 11-я и 12-я подошли, больше никого. Интересно, а где остальные? В Варшаве в наш эшелон грузились ещё и два артиллерийских полковых подразделения: 13-я рота пехотных орудий и 14-я рота противотанковых орудий. Мы видели, как они в предрассветной темноте покидали состав, и думали, что «боги войны» следуют прямо за нами. Но нет, – видимо, отстали по дороге. Или вообще будут в другом месте дислоцироваться.

– Интересно, а где наши пушкари? – спрашиваю я у Викинга.

– Не знаю, – отмахивается Лерман. Видно, что он дико устал и всё пытается как-нибудь половчее перехватить свой MG-34, что, однако, ему не очень удаётся.

– Может, позже подойдут? – это Райзингер подал сзади голос.

– Конечно, попозже – им ведь ещё свои пушки разгружать! Это не мы: винтовочку подхватил, – и иди куда хочешь

налегке... Да, Лерман? Викинг не даст соврать, – обращаясь к нам, со смешком произносит Модель.

Он пытается поддеть Лермана, намекая на его вовсе не лёгкий одиннадцатикилограммовый пулемёт, но тот не настроен на веселье, поэтому просто игнорирует слова обер-гефрайтера. Модель, кстати, тоже ветеран, – воевал и в Польше, и во Франции. Он – единственный в нашем отделении, кто награждён «Железным крестом 2-го класса». Помимо этого, на груди старшего стрелка красуется, как и у Викинга, «Нагрудный пехотный штурмовой знак». К тому же, они с Лерманом давно знакомы и состоят в приятельских отношениях. Любой другой бы поостерегся подшучивать над пулемётчиком.

Наконец, перед батальоном вышел его командир, – гауптман Пракса, и произнёс короткую, но пламенную речь о том, что жить нам предстоит в этом лесочке. Светомаскировку не нарушать, распорядок дня соблюдать, расположение без приказа не покидать. Передал слово командирам рот и откланялся. Обычные общие фразы, – ничего более. Зачем мы здесь, надолго ли, – гауптман не сказал. Надеюсь, выступление следующего оратора будет более информативным.

Далее вышел наш командир роты, обер-лейтенант Гренц, и вкратце пересказал нам только что слышанную речь Праксы. В конце добавил, что подробно всё доведут командиры взводов и тоже ушёл. Ну что же, – делать нечего, послушаем взводного.

Обер-фельдфебель Рауш прошёлся перед строем, встал перед нами, как обычно заложив руки за спину, и сообщил, что размещаться мы будем в одной из палаток, – там, дескать, всё готово. Где уборные, кухня, столовая и вообще что где находится в этом лесу, – разбираться придётся самим. Пока же взводный может показать только место нашего расположения. Поскольку полевые кухни 9-й роты накормить горячей пищей весь батальон не смогут, а наши ещё в пути с обозом, – то на завтрак будем есть свой сухпай. Но это будет ещё только через два часа. А пока, – идём заселяться, назначаем дежурную службу и занимаемся личной гигиеной. Справа, в колонну по одному, за взводным, шагом! – марш! И мы побрели к палатке...

Глава 3

Наше парусиновое жилище оказалось симпатичным только снаружи. Внутри палатки не было ни полов, ни нар, ни пирамиды для оружия, – только голые стены. Так что, после завтрака, нам предстояло заниматься плотницким делом, – благо материала вокруг хватало. А пока, мы сложили ранцы и оружие на землю рядом с палаткой, под охрану суточного наряда. Мой напарник, Отто, ещё не вернулся, поэтому Рауш выделил в качестве временной замены рядового Михаэля Кляйна, – стрелка из моего отделения. Он парень спокойный и покладистый, так что проблем с ним не ожидалось. Оставив его на охране имущества и оружия, я решил последовать совету обер-фельдфебеля и заняться личной гигиеной. Метрах в пятидесяти от палатки находился дощатый сарай уборной, чуть ближе располагались умывальники. Как я понял, для каждой роты эти сооружения были свои.

Приведя себя в порядок, решил немного пройтись по лагерю и посмотреть что где. Пока ходил среди деревьев, – чуть не потерялся, но, на удачу, встретил своего знакомого из 1-го взвода: Ганса Тойчлера. Мы с ним жили в Линце в одном дворе до армии и учились в одной школе. Он всего на два года меня старше, но уже гефрайтер и командир отделения. Боевой опыт тоже имеется: Тойчлер повоевал под Олешнице в Польше и форсировал Эну во Франции. Мы оба обрадова-

лись встрече, но поговорить толком не удалось, – времени не было. Так, перекинулись парой фраз. Узнав, что я понятия не имею в какую сторону идти, чтобы добраться до своего взвода, Ганс рассмеялся:

– Ну и солдат из тебя, Макс! Заблудился в трёх соснах!

– Да тут ориентиров никаких: везде деревья да палатки одинаковые! – оправдываюсь я.

– Ладно, не заливай мне про географический кретицизм, – всё равно не поверю. Вон, там твои камрады стоят, сразу за расположением второго взвода, – вытянул руку, указывая направление, Тойчлер.

– Спасибо, Ганс! До встречи!

– Давай, Макс! Увидимся!

Распрощавшись с гефрайтером, я бодро зашагал в нужную сторону. Не успел пройти и пары десятков метров, как наткнулся на обер-фельдфебеля Рауша:

– Ланге?! Что это ты шатаешься по лагерю? Я же тебя лично назначил дневальным! Что ты делаешь здесь, если твоё место в палатке?

– Виноват, господин обер-фельдфебель! Шёл из уборной и заблудился! – бодро соврал я.

– Как можно заблудиться, если уборная находится вообще в другой стороне???

– Господин обер-фельдфебель, – сам не понимаю! Я – житель городской, к лесу не привык...

– Что за бред ты несёшь?

– Виноват!

– Вот именно! Городской житель... – хмыкнул Рауш, – Виноват – накажем. Рядовой Ланге!

– Я, господин обер-фельдфебель!

– Смирно! Объявляю Вам наказание: два часа занятий строевой подготовкой! Место и время проведения, – сегодня после отбоя, перед палаткой взвода! Доложите о наказании своему командиру отделения.

– Есть два часа занятий! – повторяю я, преданно смотря в глаза Рауша.

– Вольно. В расположение... Бегом... Марш!

Стремительно срываюсь с места и бегу к палатке что есть силы. Ну, надо же так попасться! Теперь, вместо нормального сна после смены, – два часа маршировать... Спасибо большое, господин обер-фельдфебель! Вот ведь фашистская морда!

К полудню подтянулись 13-я и 14-я роты, – они действительно долго выгружали лошадей и свои пушки. Чуть раньше появились тыловики-обозники вместе с нашим барахлом, полевыми кухнями и прочим имуществом. К этому времени, взвод как раз успел соорудить из досок пол и почти закончил сколачивать нары. Я пытался увильнуть от плотничьих работ, – мол, я же дневальный, – охраняю тут в теньке покой работающих камрадов... Однако, мой командир отделения, унтер-офицер Винсхайм, в крайне неллицеприятной манере объяснил мне, что я ошибаюсь. Эх, скуден, конечно,

немецкий язык на ругательства... То ли дело какой-нибудь наш сержант! Он так выдал бы, – любо-дорого послушать! А здесь что? Ну, никакой фантазии... Впрочем, когда слышишь громкую немецкую речь, то и так складывается впечатление, что тобою или сильно недовольны, или призывают воевать за Рейх... Никакой мелодичности. Другое дело, – немецкое авторское кино про какого-нибудь сантехника, зашедшего прочистить трубы к домохозяйке. Там – сплошное ласковое бормотание, но тебя всё-таки не отпускает ощущение, что кого-то сейчас всё равно ата-та. Удивительный для восприятия язык, в общем.

Как бы то ни было, а мне всё-таки пришлось таскать доски и вытаскивать потом из рук многочисленные занозы.

После обеда, Отто, наконец-таки, сменил Кляйна и, в процессе строительных работ, вкратце поведал о своих утренних приключениях:

– Как только вы ушли, – этот хорёк, Кепке, припахал меня приводить в порядок вагон, а сам ускакал, дескать, лошадей разгружать. И с концами! В итоге, я и вагон убирал, и потом повозки помогал разгружать, и лошадей! А этого Кепке я только тогда увидел, когда он прибежал откуда-то с ужасно деловой рожей и начал возмущаться, что я и коня нашего не покормил, и запряг плохо, и в тележку всё криво сложил! Мол, не доглядел олух Рюдигер: по-любому не хватает теперь чего-нибудь! Чуть не вмазал ему там!

– Да уж, вот действительно, – мерзкий тип, – поддержал

я Отто.

– И не говори! А уж как он вокруг штабсфельдфебеля Лёра увивался! Только что не лизал его! И так изогнётся, и эдак... Зажигалку-то первым подаст, любой шутке лейтенанта смеётся громче всех... Фу, мерзость! Видно, хочет подалее от нас свалить: ведь в полковом тылу всяко приятнее среди консервов прятаться, чем во взводе суетиться!

– Ну и как Лёр? Принимал ухаживания? – я начинаю смеяться, представляя, что мог вытворять перед штабсфельдфебелем Кепке.

Отто, глядя на меня, тоже начинает хихикать:

– Нет, тот держался невозмутимо и на нашего конюха внимания не обращал. Сватовство не удалось.

Далее, Рюдигер рассказал, как они ждали артиллеристов, которые уронили при разгрузке пушку, как долго формировали колонну. Потом не могли начать движение, – пропускали какую-то воинскую часть по дороге. В итоге, наконец, тронулись. Пока двигались, – их обгоняли бесконечные грузовики, и прошло даже несколько танков. Дороги забиты войсками. Что-то будет.

– Что будет? Война будет.

– Какая война? С кем? – Отто искренне недоумевает.

– Ну как же? – в свою очередь удивляюсь я – С Советским Союзом, конечно. Мы ведь у его границ сейчас находимся. И войска эти все не просто же так сюда стянули!

– Да брось, у нас с ними договор! Фюрер не допустит вой-

ну на два фронта!

– А для чего тогда столько войск здесь, а?

– Ты и вправду не догадываешься? – Отто с сомнением смотрит на меня, как будто ища на моём лице признаки умственной неполноценности.

– Мне очень хочется послушать твою версию, знаток.

– Это же элементарно, Макс! – доверительно наклонив голову в мою сторону, начинает свой рассказ Рюдигер.

– Как известно, в России грядёт антикоммунистическая революция, – поднимая палец вверх и многозначительно смотря мне в глаза, произносит он.

– Откуда такие сведения? – я искренне поражён подобной информацией.

– Разве Геббельс будет врать своему народу? – в еврейском стиле вопроса на вопрос восклицает Отто и тут же продолжает:

– Германия очень заинтересована в победе революционеров и, как может, поддерживает их. Ну, как в 1917 году было, помнишь?

– Смутно припоминаю.

– Вот поэтому мы и здесь, – как гарантия того, что готовы оказать помощь военной силой, если переворот столкнётся с проблемами. Хотя, это вряд ли произойдёт, – заговорщики сильны и представляют армейские круги. Так что, армия не выступит.

– Потрясающая гипотеза, давай дальше.

– Ну, и далее, в благодарность за поддержку, Германия от установившейся в России военной диктатуры, получает в аренду Украину с её огромными запасами продовольствия!

– Ты серьёзно?

– Конечно! Это уже, практически, решённый вопрос! У них море земли, – что им стоит отдать небольшой кусок, тем более всего лишь в аренду? Скажу больше: существует договорённость, что после этого вермахт проходит через Украину, Кавказ и выходит к Суэцкому каналу!

Тут я не выдержал и откровенно рассмеялся, слушая этот бред, который нёс Отто с абсолютно серьёзным лицом.

– Ничего смешного, между прочим! – обиделся Рюдигер, – Когда мы овладеем Суэцким каналом и перережем этот важнейший на Востоке путь, – западные державы будут вынуждены подписать с нами мирное соглашение!

– Да ты что? Прямо таки и подпишут? – продолжал веселиться я.

– Вот увидишь! Деваться им будет некуда!

Смахивая выступившие на глазах от смеха слёзы, я ответил:

– Это всё ерунда, Отто, – говорю тебе. В России не будет революции. Никакой Украины нам никто не отдаст и на Кавказ не пустит. Мы здесь для того, чтобы воевать с Советским Союзом. И я тебя уверяю, – не пройдёт и недели, как ты в этом убедишься!

– Твои слова настолько нелепы, что я даже не буду с тобой

спорить, – отмахнулся от меня Отто.

– Ну, это дело твоё. А я бы с удовольствием поспорил на твой оставшийся чеснок. Выиграл бы, – и выкинул его подальше, клянусь Богом! – подмигнул я Рюдигеру.

– Ха! Мне интересно: что бы ты отдал мне, когда я выиграю?

– Да что угодно! – я был абсолютно уверен в своей победе.

– Что угодно? – Отто в задумчивости закатил глаза и сделал сложное лицо.

– Что угодно.

Через пару секунд его лицо расцвело в улыбке до ушей, он хлопнул меня по плечу и сказал:

– Когда проиграешь, – будешь на карачках ползать по палатке при всём взводе, хрюкать и кричать «я больше никогда не буду спорить с Отто Рюдигером»! Идёт?

– Театральное представление против тонны чеснока? Идёт!

Мы скрепили наше пари рукопожатием и продолжили работать.

К вечеру наша палатка приобрела жилой вид. Внутри стояли новенькие двухъярусные сосновые нары, пирамида для оружия, появились пара столов и несколько длинных лавок. Восхитительно пахло свежими досками. Солдатские ранцы было решено запихать под нары, – возиться со стеллажами для них никому не хотелось. Мы с Отто сменились, передав бразды правления суточным нарядом парням из третьего от-

деления.

После ужина, по распоряжку, – свободное время до вечерней поверки. Кто-то сел писать письма, кто-то зашивать порванную во время сегодняшней работы форму, некоторые просто бесцельно болтались вокруг палатки. Выходить из расположения роты, обозначенного на местности широкой жёлтой лентой, натянутой между деревьями, запрещалось. Поскольку зашивать было нечего, – решил написать письмо родителям и сестре. Не то чтобы я этого сильно хотел, – просто интересно было, как вообще всё получится. Вышло на удивление легко. Я просто расслабился и дал возможность Максиму написать то, что он считал нужным. Ничего особенного: жив, здоров, привет родственникам, сестра пусть слушается родителей, с пламенным приветом ваш сын. Заклеил конверт и бросил в ящик для писем, – с утра ротный почтальон заберёт.

Как-то незаметно подошло время вечерней поверки. Живя в предместьях Варшавы, мы обычно ходили вечером на строевую прогулку, иногда даже с песней. Ну, это если настроение у обер-фельдфебеля будет. Здесь же, как оказалось, это правило отменили, чему все были несказанно рады. Как мне успел шепнуть с утра Ганс Тойчлер, – их взводный, лейтенант Вильч, собрал всех унтер-офицеров и показал на карте наше месторасположение. Оказывается, мы стоим совсем рядом с Тересполем, – немного севернее его. И граница с Россией от нас, примерно, в пяти – шести километрах по

прямой. Может быть, из-за соображений скрытности, нам и запретили строевую прогулку? Хотя... Дороги забиты войсками, днём перегоняют даже танки! К чему эти тщетные попытки замаскировать наше здесь нахождение? Ночная выгрузка, запрет на строевые песни... Ерунда какая-то! Это всё равно, что красться на цыпочках по грохочущему цеху Сталинградского тракторного. С другой стороны, – мы наверняка находимся в прямой видимости русских наблюдателей. Что значат какие-то жалкие 5-6 километров для человека с биноклем? Не бог весть какое расстояние! Так что, от явного обнаружения наш батальон спасают только деревья. Да, по сути, мы располагаемся действительно очень близко к границе!

Граница... Меня не оставляет мысль о моих дальнейших действиях, но прийти к какому-либо решению пока не удаётся. На настоящий момент, мне известно лишь то, что до Буга дойти нереально. Судя по всему, – войск вокруг предостаточно. Плюс пограничные наряды непосредственно на подходах к реке. Не удивлюсь, если они усиленные. «Затеряться в гуще войск» при правильной организации службы невозможно. А она сейчас правильная. Я вспоминаю читанных ранее писателей. Тех самых, – альтернативщиков из будущего. Их бы сюда! Сколько фантастических рассказов про переодевание в форму противника... Всё у них просто: переоделся, пристроился к строю солдат или колонне, – всё, тебя приняли за своего: в форме же! Такое ощущение, что из пи-

сателей никто никогда не служил в армии. Да через две недели службы ты будешь знать сослуживцев как облупленных! Про батальон не говорю, но весь личный состав своего родного взвода, не говоря уже об отделении, своё место в строю, и соседей, тебя окружающих, – запомнишь как «Отче наш». Ну, а остальных солдат роты будешь узнавать, как минимум, в лицо. И увидеть незнакомца, в таком случае, очень даже просто. Тем более, – не составляет труда отличить визгливый голос гефрайтера Кепке от прокуренного баса русского разведчика, только что убившего ездового и пытающегося выдать себя за него своим насквозь фальшивым «я, я!» Как можно их спутать??? Только полный имбецил или Красная шапочка из сказки не могут отличить знакомый голос от чужого и дать приблизиться неопознанным личностям на расстояние броска. Нет, такое может случиться, конечно, но это будет вариант из разряда один на тысячу.

В моём случае, и с формой, и с содержанием всё нормально, но самовольное оставление части... Буквально накануне войны... Без пропуска... По забитым войскам окрестностям... Да я даже до палатки первого взвода не дойду, – меня сразу сдадут как нарушителя, причём свои же!

Кстати, о нарушениях: как оказалось, после отбоя на дополнительные занятия по строевой подготовке пришёл не только я. Компанию мне составил вездесущий Отто «Чеснок» Рюдигер и толстяк Иоганн Грубер из миномётного расчёта. Первый отливал в кустик прямо напротив нашей палат-

ки, – лень до уборной было дойти, а второй сожрал весь свой сухпай на трое суток. Рюдигера поймал лично обер-фельдфебель Рауш, а Грубера – его командир расчёта, унтер-офицер Мюллер. Несмотря на предстоящее наказание, настроение у меня поднялось. Всё-таки, одному страдать не в пример хуже, чем с коллективом. От избытка чувств я даже промурлыкал хит «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Естественно, на русском. Коллеги по несчастью недоуменно на меня уставились, а Отто даже поинтересовался: что это было? Пришлось отбрехаться, что ещё когда-то давно, в школе, учил русский и вот, кое-что помню. Пронесло, конечно, но сердце чуть из груди не выскочило, – до того я замандражировал. Нужно быть осторожнее в дальнейшем.

Хотя, можно тему и развить. Сказать, что соседние пацаны во дворе были дети эмигрантов из России и пытались меня научить русскому. Ну, чтобы более-менее легализовать своё понимание языка, – на всякий случай. Чтобы никого не удивлял сей факт. Думаю, так спокойнее будет. Только сделать это нужно тонко, ненавязчиво.

Мои мысли прервали появившиеся обер-фельдфебель Рауш и унтер-офицер Винсхайм:

- Смирно! – заорал Отто, принимая строевую стойку.
- О, боже! Команда «смирно!» после отбоя не подаётся, рядовой Рюдигер, – поморщившись, произнёс Рауш.
- Бери этих двоих и начинай, Курт, – это он уже Винсхайму, – а с Рюдигером я, пожалуй, поработаю лично.

Поскольку ходить строевым среди деревьев было явно неудобно, – мы отправились на поляну рядом с лесопилкой.

Только приступили к шагистике под зычные команды Винсхайма, как появился лейтенант Вильч, – дежурный по батальону.

– Господин унтер – офицер, а что здесь происходит?!

– Унтер-офицер Винсхайм! – вскинул руку к виску Курт, – провожу строевые занятия с провинившимися солдатами, господин лейтенант!

– Это похвально. Поддержание дисциплины в подразделении, – важнейшая задача командира отделения. Тем не менее, осмелюсь спросить: почему нужно маршировать в темноте и под окнами расположения офицерского состава? Вам разве не довели порядок наложения дисциплинарных взысканий в пункте временной дислокации?

– Никак нет, господин лейтенант! – Курт вытянулся по стойке «смирно!» и ел глазами Вильча.

– Странно... Вы же из 2-го взвода, верно? Неужели оберфельдфебель Рауш вам ничего не сказал?

– Ничего, господин лейтенант!

– Ну, тогда пойдёмте в ваше расположение, господин унтер-офицер, поинтересуемся у Рауша причиной столь странной забывчивости. Заодно и на то, как разместился второй взвод, посмотрю. Командуйте, – отступая в сторону, кивнул на нас Вильч.

В душе радуясь неожиданному освобождению от ненавист-

ных строевых занятий, мы направились к лесу. Вот и наша палатка. Но что это? В вечерней тишине, окутавшей лагерь, ясно доносится чья-то речь. Слышалась она со стороны уборной, которая располагалась несколько на отшибе по отношению к палаткам роты. Сделав знак следовать за ним, лейтенант Вильч двинулся вперёд. Чем ближе мы подходили, тем явственнее слышались команды:

– Лечь! Встать! Лечь! Встать!

– Чёрт, да это же Рауш! – воскликнул я, узнав голос нашего обер-фельдфебеля.

Лейтенант никак не отреагировал на мою реплику и шагнул за угол дощатого барака, являющегося нашим ватерклозетом.

Судя по всему, Рауш тоже узнал мой голос:

– Эй, кто там шляется по темноте? Это ты, Ланге? Не рано ли Винсхайм закончил... Господин лейтенант! – наш взводный, наконец, заметил Вильча.

– Да, это я, господин обер-фельдфебель. Смотрю, воспитываете личный состав?

– Так точно, воспитываем!

– Воспитание – это хорошо. Но ещё лучше, если оно не идёт вразрез с приказами командования. Понимаете, на что я Вам намекаю?

К сожалению, в спустившихся сумерках мне не было видно лиц, но то, что наш взводный смутился, – я почувствовал даже на расстоянии.

– Кхм... Я понимаю о чём Вы, господин лейтенант. Разрешите отправить солдат спать?

– Разрешаю.

– Всем отбой, Винсхайм старший. Приду – проверю. Свободны!

Мы повернулись и побрели к палатке. Чем там закончился разговор Вильча с Раушем я не знаю, но не думаю, что нашему взводному сильно попало. Всё-таки, несмотря на разницу в званиях, должности-то они занимали одинаковые. Когда вошли в палатку, я спросил Винсхайма:

– Курт, про что лейтенант говорил? Здесь что, свой особенный закон? Какой-нибудь лесной Устав?

– Не слышал об этом, – покачал он головой – нам тоже никто ничего не говорил. Но, думаю, мы скоро всё узнаем. Давай в койку, «отбой!» была команда!

О, да: уж чего-чего, а команда «отбой», – самая любимая. Как говаривал Ведьмак, – меня уговаривать не нужно. Поэтому, раздевшись, я сноровисто забрался на свой второй ярус и почти мгновенно уснул. Устал так, что вырубился даже несмотря на «запах молодых львов», который уже плотно стоял в палатке взвода. Засыпая, в голове мелькнуло удивление, что суровый мужской аромат с лёгкостью перебил запах свежего дерева, которым просто пропиталась наша палатка сегодня. Ну, арийцы, ну дают! Хоть бы носки стирали перед отбоем! Тоже мне, – раса господ...

Глава 4

Следующий день начинался вполне обычно: подъём, зарядка, личная гигиена, утреннее построение. Глядя сощуренными со сна глазами на вскакивающих с двухъярусных нар полуголых людей, сначала вообще не понял где нахожусь и что, собственно, происходит. Длилось это замешательство буквально пару секунд, но я всё-таки успел мысленно выматериться: чёрт, а я ведь по-прежнему здесь... За ночь ничего не поменялось. Нет, ну а вдруг? Рраз – и проснулся бы дома, подивившись столь чудному сну. Пришлось присоединиться к подгоняемым криками командиров отделений доблестным солдатам Вермахта и покинуть особо уютную в 6 утра постель. Я сел на своём втором ярусе и, свесив ноги, стал наблюдать за метаниями рядового Рюдигера. Судя по всему, бедолага Отто был полностью дезориентирован и не понимал где находится. Впрочем, это и не удивительно: позавчера – казарма в Варшаве, вчера – теплушка в эшелоне, сегодня – палатка в лесу... Добавьте к этому ободряющие выкрики и свистки унтер-офицеров для полноты картины, чтобы иметь полное представление о происходящем.

– Боже, ну зачем так орать? – страдальчески пыхтел внизу Эмиль, пытавшийся, прыгая на одной ноге, попасть второй в сапог.

– Это они вымещают свою злость за то, что их подняли на

15 минут раньше нас, – предположил я.

– Ланге! Была команда «Подъём!» или она тебя не касается?

О, я заслужил персональное обращение от Винсхайма. Нужно как-то отреагировать. Оправдаться тем, что спрыгнуть вниз мешает скачущий на одной ноге Эмиль и мечущийся до сих пор ошалевший Отто, мне помешал последний. Рюдигер наконец-то вспомнил, кто он и где находится. Оценив ситуацию и ужаснувшись тому, что может и не уложиться в норматив по подъёму, Отто принял решение ускориться. Казалось бы: ну что может помешать нормальному солдату выбежать из палатки? Правильно: нормальному – ничего. Рядовой Отто Рюдигер не был нормальным солдатом, поэтому на всём скаку протаранил головой одну из подпорок палатки. Как говорится: вижу цель – не вижу препятствий. Палатку тряхнуло. Мне кажется, к этому столкновению он тщательно подготовился. Потому что бежал в трусах и каске. Единственный из взвода. Что заставило нашего Отто надеть каску вместо сапог – загадка. Но факт остаётся фактом: он не только каску надел, но ещё и застегнул ремешок под подбородком.

Нужно признать – бежал Отто красиво. Но недолго. Встретив неожиданное препятствие в виде здорового бруса, Рюдигер изменил траекторию, по которой до этого двигался. Проще говоря – упал аккуратно на пирамиду с карабинами. В боулинге это, кажется, называется «страйк». Ко-

гда затих звук последнего упавшего Кар-98k, в палатке воцарилась гробовая тишина.

Пользуясь случаем, я спрыгнул на пол и буквально в два движения надел сапоги. Чего там Эмиль мучился? В такие широкие голенища да с такими, как у него, худыми ногами можно и с закрытыми глазами попадать. Пока влезал в сапоги, – кинул мельком взгляд по сторонам. Курт стоял с выпученными глазами и беззвучно открывал и закрывал рот, Эмиль застыл столбом перед упавшим Отто. Беккер, дневальный из третьего отделения, уже было вышедший из палатки, обернулся на шум, да так и замер у самого выхода. Первым в себя пришёл, как ни странно, человек-таран Рюдигер. Он завозился на полу, пытаясь выбраться из-под груды оружия. И сразу всё ожило и задвигалось. Унтер-офицер Винсхайм снова обрёл голос и, страшно ругаясь, кинулся к упавшему Отто, которого уже пытался поднять Эмиль. Немного подумав, к процессу присоединился и я. Беккер же, тем временем, выскочил из палатки. Докладывать помчался, – подумал я и не ошибся. Буквально через несколько секунд на пороге возникла фигура обер-фельдфебеля Рауша, сопровождаемая Беккером. Он что-то говорил взводному, но тот его не слушал, а молча смотрел на открывшуюся его взору картину, широко расставив ноги и, как обычно, держа руки за спиной. Со стороны эти двое здорово смахивали на Шерхана и Табаки.

– Почему-то я даже не удивлён, – наконец, произнёс Рауш.

Мы приняли строевую стойку. Отто, услышав знакомый голос, но не видя откуда он доносится, из-за сползшей на глаза каски, вскинул руку в воинском приветствии и бодро доложил в пустоту:

– Виноват, господин обер-фельдфебель!

– Ау, Рюдигер! Я здесь.

Отто приподнял каску, определил своё местоположение в пространстве и развернулся, наконец, лицом к взводному.

– Так точно, господин обер-фельдфебель!

– Мда... Значит так. Вы двое, – кивнул в нашу сторону Рауш, – Пока взвод на зарядке, – приводите здесь всё в порядок. Через 20 минут пирамида на месте, карабины расставлены. Задача ясна?

– Так точно! – хором ответили мы с Эмилем.

– Вы, унтер-офицер Винсхайм, – отведёте Рюдигера в медпункт на предмет полученных травм и возможности дальнейшего исполнения им служебных обязанностей. Выполнять! – и, круто развернувшись, вышел из палатки.

Пока Отто одевался, а мы устанавливали на место пирамиду и выставляли карабины, наш командир отделения, расхаживая по палатке и, заламывая в самых драматических местах руки, высказывал всё, что думает о рядовом Рюдигере. Как о человеке и как о солдате. Взывая к небесам, спрашивал: в чём он, унтер-офицер Курт Винсхайм, провинился перед Богом? За что ему достался такой подчинённый? За какие грехи?

– Ты знаешь, Рюдигер, что будет, если ты выкинешь что-нибудь этакое в военное время, а? Да тебя просто расстреляют! Шлёпнут – и всё! Ты это понимаешь?

Отто понимал, но благоразумно помалкивал.

– Нет, Рюдигер, ты не понимаешь! – не унимался Курт – Потому что, когда тебя расстреляют, спросят: а кто у него был командиром отделения? Ах, это унтер-офицер Винсхайм! Подать его сюда! Как же Вы выполняли свои обязанности, любезный, если Ваш подчинённый такое вытворяет?! А я что? А мне и сказать-то нечего! И тогда меня тоже расстреляют, Рюдигер! За компанию! И меня это совершенно не устраивает, понимаешь?

Ходивший до этого из угла в угол Винсхайм, наконец остановился напротив Отто:

– Официально предупреждаю: ещё одно замечание – и я буду ходатайствовать о твоём переводе, Рюдигер, из моего отделения. Да что там из отделения, – из взвода! Оберфельдфебель Рауш меня в этом вопросе с радостью поддержит! В обоз! Туда пойдёшь, лошадям хвосты крутить! Ясно?

– Так точно, господин унтер-офицер! – вытянулся потенциальный обозник.

– За мной!

После того, как Винсхайм увёл Рюдигера в медпункт, мы с Эмилом быстренько закончили расставлять карабины, заправили свои койки и тоже стали одеваться.

– Отто балансирует на грани, – сказал я, натягивая китель.

– Он же не специально. С каждым такое могло случиться, – незамедлительно ответил Райзингер.

– Могло, но ни с кем из сорока человек не случилось.

– Это просто случайность, согласись.

– По большому счёту, – да. Но эта последняя капля переполнила, мне кажется, чашу терпения нашего командования.

– Факт, – согласился Эмиль.

– Рюдигер в Вермахте почти 10 месяцев. Мы же вместе пришли, помнишь?

Райзингер утвердительно кивнул.

– Отто, как и мы, проходил начальное обучение, выучил кучу Уставов, Положений и Правил, так?

– Так. Но я не пойму к чему ты клонишь. Он и тогда вечно попадал в различные истории.

– Верно. Все попадали, но он чаще всех. Тогда это можно было списать на то, что мы были очень далеки от армии. Но, с тех пор прошло целых полгода. Полгода, Карл!

– Какой ещё Карл? – Райзингер недоуменно вытаращился на меня.

– Не обращай внимания, это из фильма одного...

– Какого?

– Не помню названия, вспомню, – скажу, – с раздражением ответил я, – сейчас речь не об этом. Вот из нас, молодых, пришедших в полк, – сколько стали бы, вместо рядом стоящей уборной, отливать в кусты на глазах командира взвода? Или лечь спать на посту у знамени части в карауле? Причём

днём? А как он потерял карабин на первом нашем полевом выходе, который потом всем взводом искали?

– Да никто, пожалуй, – засмеялся Эмиль, – А с карабином весело тогда вышло.

– Это точно. Он его бросил, потому что, видите ли, тяжело нести.

– Как его тогда не посадили – ума не приложу.

– Не стали дело раздувать: такое пятно на репутации части и командования никому не нужно, – пожал плечами я.

– Да, скорее всего, ты прав.

Снаружи послышался приближающийся топот: взвод прибыл с физзарядки. В палатку стали забегать взмыленные солдаты.

– Пойдём-ка, Эмиль, зубы почистим, а то потом воды не достанется, – предложил я Райзингеру.

Предложение встретило молчаливое одобрение с его стороны и мы, прихватив мыльно-рыльные принадлежности, отправились к умывальникам.

На утреннем построении Рюдигер уже был в строю. Как всегда, серьёзен, как всегда, – с мощным чесночным выхлопом. Всё как обычно. Когда он успевает нажраться своего чеснока, – я не понимаю. Вместо чистки зубов, похоже. Спрашиваю как здоровье. Всё в норме, медики ничего у него не нашли: так, пару синяков, ерунда. Крепкий парень.

Стоим, ждём Рауша, но тот сегодня запаздывает. Неспроста это. Чувствую – что-то будет, какую-то новость он нам

принесёт. Сегодня 18 июня и новость, по моему мнению, может быть только одна: через четыре дня война. Но поделить-ся своим предположением я ни с кем не успеваю: звучит команда «Смирно!» и строй застывает. Не спеша, появляется обер-фельдфебель Рауш. В руках у него какие-то бумаги. Ну, точно, – сейчас зачитает приказ Адольфа Алоизыча, я выиграю пари и выкину, наконец, нахрен весь чеснок Отто. Сердце бешено колотится.

– Господа солдаты! Получен приказ! – Рауш держит перед собой лист бумаги.

Вот оно! Началось!

– Для осуществления погрузочно-разгрузочных работ, в порядке трудовой повинности, от нашего взвода выделяют-ся...

Что? Какие погрузки? А как же война? – моему недоумению нет предела. Ерунда какая-то! Впрочем, может Рауш в конце об этом сообщит? Ладно, подождём.

– Рядовой Рюдигер!

– Я!

Ну, это ожидаемо... Кого же ещё? Старый косячник едет на трудотерапию.

– Рядовой Грубер!

– Я!

С этим тоже всё понятно, обжора.

– И рядовой Ланге!

Ланге, – знакомая фамилия...

– Рядовой Ланге! – повторяет Рауш и смотрит на строй.

Чёрт, да это же моя фамилия!

– Я!

– Старший группы. После завтрака прибываете сюда. Вопросы? Вопросов нет. Первая шеренга, – два шага вперёд, вторая, – шаг вперёд, шагом... марш! Кру-гом! Командирам отделений и лицам, их замещающим, приступить к телесному осмотру!

Как? И это всё? А как же приказ? Война? Когда же всё начнётся? Я обескуражен. Может, – это действительно другой мир и войны 22 июня не будет? Ничего не понимаю.

После осмотра и опроса на предмет жалоб и заявлений, мы двигаем в столовую на завтрак. Вот что-что, а кормят в Вермахте хорошо. На завтрак макароны с мясом, белый хлеб, масло, джем, молоко, кофе. Перловки недоваренной и недосоленной нет, унтер-офицеры через минуту взводы не поднимают, как в нашей армии, в чайнике с молоком сухофрукты не плавают, жирные ложки и вилки из пальцев не выскальзывают. Лепота!

Позавтракав, взвод убыл на занятия, а мы вернулись в расположение. Пока шли, – камрады гадали: куда нас направят и что мы грузить будем. Грубер и Отто в один голос мечтали о продовольствии. Я пессимистично сказал:

– Не важно: что грузить. Главное, – чтобы не старым армейским способом.

– Что за способ? – поинтересовался Грубер.

– Да, я о таком тоже не слышал, – помотал головой Рюдигер.

– Ну как же? – удивился я, – Старый армейский способ: круглое, – носить, квадратное, – катать.

– Как это? – искренне удивился Отто.

– Зачем? – подхватил Иоганн.

– Это чтобы интереснее было.

– Да что же тут интересного? Это же глупо! – возмутился обычно флегматичный Грубер.

– Кто вообще будет нести то, что можно катить? И катить то, что удобнее нести?

– Скучные вы люди. Уйду я от вас. Ничего не понимаете в воспитании солдата, – махнул я рукой.

– Как это уйдёшь? Куда уйдёшь? – засуетился Отто.

– Как связаны разгрузка и воспитание? – впал в ступор Иоганн.

Господи, какие они тугие! Или издеваются? Я остановился и с самым решительным видом развернулся в сторону недоумевающих немцев:

– Вы и вправду ничего не понимаете или просто прикидываетесь?

– Не понимаем, – за обоих ответил Грубер. Отто согласно закивал головой.

– Хорошо. Представьте, что вы, – два командира. Отделения, взвода, – не важно. Главное, – у вас есть подчинённые. И подчинённые эти постоянно нарушают дисциплину, попа-

дают в истории и вообще ведут себя не так, как вам хотелось бы. Без уголовных перегибов, конечно, – поспешил поправиться я, видя желание камрадов предать злостных нарушителей суду.

– Взыскания и прочие дисциплинарные наказания воздействия на этих подчинённых не оказывают. Представили?

– Представили.

– Отлично. И вот, в такой ситуации, вам улыбнулась удача: ваше отделение послали разгружать вагон.

– Да уж, так себе удача, – протянул Отто.

– Не перебивай. Допустим, в вагоне оказался щебень. Россыпью. Подчинённых вы оставили у вагона, а сами пошли к начальнику станции. Тот говорит: вагон, – вон там, а лопаты и тачки, – лежат вот здесь. Вы возвращаетесь к подчинённым с этой ценной информацией и говорите: вот вагон, вот лопаты, а тачек нет. Носим щебень в грузовик на лопатах.

– Как так? – возмущается Иоганн, – Зачем обманывать солдат и заставлять их заниматься таким неэффективным трудом?

– А ты подумай, – усмехаюсь я.

– Я, кажется, понял, – расцветает в улыбке Отто.

– Что ты понял? – с раздражением спрашивает у него Грубер.

– Таким образом можно наказать недисциплинированных солдат!

– Сомнительное наказание, – бурчит Иоганн, – при этом

они даже не будут знать за что.

– В этом случае, ничего глобально не поменяется, – парирую я, – Даже зная, за какие проступки их подвергают дисциплинарным взысканиям, – это ведь не заставляло горе-солдат взяться за ум.

– В принципе, логично...

– Но это, – не единственная причина применить старый армейский способ, – подмигиваю камрадам я.

– А какая же ещё? – чуть не хором восклицают солдаты.

– Это отличный способ занять личный состав. Вы же понимаете, что солдат, не занятый делом, – потенциальный преступник?

– Да в какой старой армии так поступают? – не выдерживает Грубер, – Я что-то о такой дикости не слышал!

– Чтобы занять солдат, – есть планы, программы подготовки, различные учебные мероприятия, стрельбы, наконец! – вторит ему Рюдигер.

– Солдат не может быть ничем не занят! – почти кричит Грубер.

– Мы постоянно при деле! Солдат живёт согласно распорядку дня!

Глядя на их раскрасневшиеся, возбуждённые праведным гневом лица, я понял, что идея объяснить им очевидные для российской армии вещи была не самой удачной. А ведь это самое безобидное. Подумаешь, – армейский способ! Вот как бы я объяснял им, например, смысл выражения «когда во-

енно-морская мысль заходит в тупик, – начинается большая приборка»? Эх, орднунг, мать его ити...

– Ладно, хорош орать. Способ старый, у нас не применяется. Наверное. Но это не точно. Пошли!

Нашего обер-фельдфебеля пришлось опять ждать. Впрочем, начальство, как известно, не опаздывает. Несмотря на раннее утро, солнце уже припекало вовсю, поэтому мы расположились в тени одного из деревьев, благо их было вокруг полно. Камрады сидели тихо, – видимо, переваривали последнюю информацию. Я тоже предпочёл помалкивать. Вообще, правильно говорят: «язык мой – враг мой». Не в первый раз уже убеждаюсь в правоте этого выражения.

Наконец, появился Рауш. Что и где будем грузить, – он не знал. Сказал только, что убываем на целый день, и кормёжка будет на месте. От нашего батальона старшим назначен мой старый знакомый, – гефрайтер Ганс Тойчлер, из первого взвода. На время работ мы подчиняемся ему. Сбор через десять минут, перед штабом батальона, то бишь, – зданием лесопилки. Пожелав удачи, обер-фельдфебель Рауш шагнул в палатку. Ну, а мы двинулись к штабу: искать Ганса.

Глава 5

Тойчлер был уже на месте. Я доложил ему о прибытии и гефрайтер поставил аккуратные галочки напротив наших фамилий в своём списке. Затем он, кивком головы, указал на остальных коллег по залётам:

– Пока ждём машину, – располагайтесь. К 9:00 должна прибыть.

Солдаты-штрафники сидели в тени лесопилки, переговариваясь между собой. Увидев подходящих Рюдигера и Грубера, коллектив оживился:

– Смотрите, парни, кто почтил нас своим присутствием!

– Да это знаменитая головная боль десятой роты, – рядовой Рюдигер!

– А второй, наверное, его ученик! Самого способного выбрал, не иначе! Что, Отто, – готовишь себе замену? – неслось со всех сторон.

Рюдигер лишь усмехался, пожимая тянущиеся к нему руки, после чего бесцеремонно влез между двумя солдатами и уселся у стены. А вот Иоганн, судя по всему, был здорово смущён таким приёмом и стоял перед развеселившимися камрадами, переминаясь с ноги на ногу. Зубоскальство и подначки в его сторону продолжались.

– Хорош, ребята! Совсем засмущали парня! Иди сюда, присаживайся! – раздался сбоку голос Баумана, – солдата

из 3-го взвода нашей роты. Мы с Бауманом были вместе «в учебке». Интересно: как это его угораздило сюда попасть? По-моему, весь батальон в курсе, что рядовой Бауман у нас на редкость покладист, миролюбив и вообще: положительнее самого плюса. Да у него даже имя Леопольд! «Давайте жить дружно» и всё в этом роде. Впрочем, время узнать причину залёта Баумана у меня ещё будет, надеюсь. А пока же я остаюсь стоять рядом с Тойчлером, чтобы поболтать и узнать, по-приятельски, какие-нибудь интересные новости.

– Как дела, Ганс? Что нового слышно?

– Дела нормально: обустроиваемся. Новостей особых-то и нет. Говорили с лейтенантом, но наш Вильч тоже не знает как надолго и зачем мы здесь. А что у тебя? Расскажи, как тебя вообще угораздило сюда попасть, Макс? Ладно Отто, – но вот тебя здесь встретить не ожидал!

– Как угораздило? За оставление места расположения взвода без разрешения. Помнишь, – вчера в лагере встретились?

– Вот уж причина так причина! А я и забыл, что Рауш у вас – старший уставник, – засмеялся Ганс.

– Да уж, с уставами он на «ты»... Слушай, а что мы грузить-то едем, – не в курсе?

– Честно говоря, – не знаю, – признался Тойчлер, – В штабе, пока за списками ходил, слышал, что едем в местечко Тересполь. Но что там нас ожидает, – не в курсе абсолютно.

– Ну да, Тересполь, всё сходится, – кажется, вслух произ-

нёс я.

– Что сходится?

– Да так, это я о своём, – не обращай внимания. Вон, смотри: не наша машина пылит?

Из-за поворота лесной дороги, по которой мы шли вчера утром, показался не спеша едущий крытый грузовик. За ним, скрытые в клубах пыли, угадывались очертания ещё одного транспортного средства. Машина оказалась не одна, а целых две. Мини-колонну возглавлял новенький тентованный «Опель-Молния», тянувший на двухосном прицепе какую-то небольшую пушку. Единственное, что приходило на ум, глядя на неё, – это виденные когда-то давно корабельные зенитные автоматы. Вторым шёл открытый полугусеничный тягач SdKfz 7, тянувший здоровенную «восемь-восемь», также на двухосном прицепе. В машине и в тягаче гордо восседали полностью покрытые пылью солдаты, – нужно думать, расчёты этих самых орудий. Обдав нас клубами пыли, колонна остановилась напротив.

Из кабины грузовика выбрался офицер и уверенно зашагал к крыльцу штаба. Как в кино, в этот момент распахнулась дверь, и на пороге показался гауптман Пракса в сопровождении командира нашей роты, обер-лейтенанта Гренца. Поскольку, стояли мы с Гансом достаточно близко, то невольно слышали часть разговора офицеров. Оказалось, что прибывшего зовут лейтенант Энгельхардт и он является командиром штурмовой группы 3-й батареи 26-го зенитно-артилл-

лерийского полка, которая придаётся 135-му полку, а конкретно, – нашему батальону. Далее, лейтенант поинтересовался: где ему разместить технику и личный состав? Пракса, приглашающим жестом, предложил Энгельхардту войти, и офицеры скрылись внутри.

Солдаты лейтенанта дисциплинированно сидели на своих местах, с интересом поглядывая на наш, вскочивший при появлении командира батальона на ноги, отряд. Перекинуться хотя бы парой слов с вновь прибывшими мы не успели: пока думали как бы это ловчее сделать, – из штаба вновь вышел обер-лейтенант Гренц с какой-то бумагой. Он передал её подскочившему Тойчлеру и что-то отрывисто сказал. Ганс кивнул в ответ и скомандовал построение. Ещё раз проверив по списку личный состав, гефрайтер сообщил нам, что машины не будет и до места погрузочно-разгрузочных работ придётся идти пешком. Благо, это не так далеко: за лесом. Нельзя сказать, что мы сильно опечалились этой новостью, но, как известно, – лучше всё-таки плохо ехать, чем хорошо идти.

Как только наша колонна вышла из леса, что окружал лесопилку, на большую дорогу, – выяснилось, что по ней нескончаемым потоком двигаются войска и обозы в обоих направлениях. Стало ясно, что пересечь её строем не получится. Поэтому, Тойчлер повёл нас вдоль дороги, по краю леса. Вскоре лес кончился, и мы зашагали по полю.

Меня всегда поражал этот стиль польских дорог, когда

деревья подступают вплотную к дорожному полотну, а обочина, – чисто символическое понятие. Причём, даже в поле картина не меняется: высокая насыпь дороги с кастрированной обочиной, на которую даже крестьянской тележке съехать не получится: сразу пробку создаст. Так что, не было ничего удивительного в том, что заторы периодически создавались, а дороги были забиты. Вот и сейчас, на 2/3 полосы раскорячился трофейный французский грузовик Ситроен с парящим радиатором. Пользуясь временным отсутствием трафика, мы быстро вскарабкались на дорогу и пристроились за каким-то конным обозом. Пыллил он нещадно, поэтому видок у нас был, наверное, тот ещё. Как оказалось, идти оставалось совсем немного: мы пересекли железную дорогу и, минут через десять, добрались до предместья Тересполья. Там нас уже ждали грузчики из других подразделений полка. Поскольку мы пришли последними, – распорядившийся здесь лейтенант скомандовал занимать место в хвосте строя и повёл нас дальше. Навскидку, штрафников было не менее сотни. Если смотреть в масштабах полка, – совсем немного.

Судя по частым свисткам паровозов, – здесь где-то рядом был вокзал. Логично предположить, что пойдём разгружать вагоны. Однако, лейтенант повёл нас вовсе не в Тересполь, как мы ожидали, а наоборот, из него. Выйдя на перекресток, с которого мы заходили в местечко, – строй повернул направо и, пройдя буквально с километр, остановился. Слева был съезд с дорожной насыпи, который никуда не вёл: просто

упирался в поле. К этому съезду при нас подъехал грузовик, спустился вниз и остановился. Тотчас же к нему со стороны небольшой рощицы подбежали солдаты и стали разгружать ящики. Одни разгружали, другие принимали, третьи переносили. Процессом руководил артиллерийский унтер-офицер. Перед строем вышел наш лейтенант и поведал о том, чем мы будем сейчас заниматься. В принципе, мы и так догадывались, но прояснить ситуацию было не лишним.

– Итак, за этой рощицей находится позиция реактивных установок. Прислуга, в силу сжатых сроков и своей малочисленности, не успевает принять боеприпасы. Поэтому, – вся надежда на вас. Сейчас вон тот прекрасный унтер-офицер разделит отряд на команды, и вы начнёте работать. Как известно, лучший отдых, – это смена вида деятельности, поэтому после обеда поменяемся с солдатами 133-го полка, которые сейчас грузят боеприпасы в грузовики на вокзале. Они грузят – вы выгружаете до обеда, вы грузите – они выгружают после. Вопросы?

– А когда обед, господин лейтенант? – этот вопрос задаёт кто-то не из нашего батальона.

– Обед будет своевременно, – с таким нажимом на это слово отвечает лейтенант, что желание что-либо спрашивать пропадает само собой.

Тем временем, к строю подходит уже упоминавшийся артиллерийский унтер-офицер:

– Унтер-офицер Штаубе!

Этот Штаубе очень легко и просто делит нас на команды:

– По порядку рассчитайсь!

– Первый!

– Второй!

– ...Тридцать третий!

– С первого по одиннадцатый – на грузовики, с двенадцатого – на переноску! Разгружаем быстро, но аккуратно! Носим – ещё быстрее и ещё аккуратнее! Ящики не кидать! Если рванёт, – костей не соберёте!

На этом инструктаж был окончен и мы стали спускаться с дороги в поле.

Ну, что вам сказать? Боеприпасы эти оказались совсем не лёгкими! Каждый снаряд был упакован в индивидуальную деревянную клетку, и вся эта конструкция весила около 40 кг. Как оказалось, это были боеприпасы для реактивных установок «Nebelwerfer». Мы их, естественно, называли «Туманомётами»: именно так и звучало это по-немецки. Команда на машинах работала попарно: две пары сгружали, каждая по одному контейнеру, – две пары внизу принимали и складывали в штабеля. Гефрайтер Ганс Тойчлер оказывал моральную поддержку. Несуны тоже работали парами. Подошли к штабелю, взяли вдвоём клетку, – и потащили. Тащить не то, чтобы далеко, но ходить с таким весом... Устали мы прилично.

Сначала, подтаскивали боеприпасы на позиции рядом с «Туманомётами»: это самая дальняя дистанция, метров 150

от грузовиков. Потом – поближе, на запасные позиции. Это метров 100 нести, уже не так далеко. Работа адская. Чёртовы фашисты, – работают как автоматы, раз в час убогий перерыв на 5 минут, – и снова вперёд, сачкануть вообще не вариант. Ещё и с Бауманом в пару попал. Пытался с ним поговорить. береги силы, – отвечает, – они нам понадобятся. Так и не узнал: за что его сюда отправили? Ну, не очень-то и хотелось. Из того, чего хотелось «очень», – это пить, лечь и всё.

Обед приехал, как ни странно, по распорядку: ровно в 13:00. Думаю, никогда ещё солдаты с таким единодушием не бросали свои занятия и не устремлялись бегом к полевым кухням! Откуда только силы взялись?! Пообедав, – повеселели. Тем более, выяснилось, что идущие обратно порожняком машины перевезут нас на вокзал. А вот парням из 133-го придётся топтать пешком. Пока ехали, – глазели по сторонам. Всё то же, что и утром: войск очень много. По всему чувствуется, – идёт подготовка к чему-то грандиозному. Непонятно только: почему, вдруг, забили на маскировку и внаглую перемещают войска днём? Торопятся?

Местечко Тересполь оказалось небольшим, но буквально нашпигованным войсками посёлком. Куда ни глянь, – везде мышинового цвета мундиры. Гражданских практически не видно. Приехали к вокзалу, там нас встретил новый артиллерист: на этот раз фельдфебель. Поскольку, к вагону машинам не подъехать, – одна команда разгружала и складывала, а вторая, – загружала сложенное в грузовики.

На вокзале мы упарились чуть меньше, конечно, чем в поле, но особой радости осознание этого факта не доставляло. Вагоны кончились ближе к шести вечера, и ещё около часа мы сидели, бессильно привалившись к какому-то пакгаузу, в ожидании дальнейших команд. Эшелонов было, на удивление, немного. Танков я вообще, например, не видел. В основном, – боеприпасы, продовольствие, обмундирование. Наконец, пришёл лейтенант и приказал самостоятельно добираться до своих подразделений. Знали бы, – уже давно в столовой своей лесной сидели... А так, – пришлось лишний час голодными сидеть.

До расположения добрались часам к восьми. К счастью, ужин на нас оставили, поэтому по взводам мы расходились в хорошем настроении. По пути узнал у Ганса, как тот попал в штрафники. Всё оказалось до банального просто, – он вызвался добровольцем. Говорит, скучно стало в лесу сидеть, – хотелось разнообразия. Мда... Впрочем, ему работать-то особо и не пришлось. Так, помогал иногда, конечно. В основном же, – о чём-то беседовал с артиллерийским унтер-офицером, да на ящиках сидел. Ещё Ганс по секрету рассказал, что «туманомёты» готовятся открывать огонь туда, через Буг.

– Значит, всё-таки война, – констатировал я вполне очевидный для меня факт.

– Надеюсь, обойдёмся демонстрацией силы, – уверенно ответил Тойчлер, – Во-первых, у нас пакт, во-вторых война

на два фронта, – это приговор Рейху. И фюрер никогда на это не пойдёт.

Я не стал возражать и мы, попросившись, разошлись.

По прибытию в палатку взвода, – доложился обер-фельдфебелю Раушу о возвращении и успешном окончании погрузочно-разгрузочных работ. Оглядев нас, грязных и пыльных, взводный приказал до вечерней поверки привести себя в порядок. Редкий случай, когда приказы начальства совпадают с твоими собственными желаниями.

Помывка в Вермахте, как и в Красной Армии, тоже осуществлялась по субботам, а это ещё два дня ждать. Естественно, ради нас баню топить никто не собирался. Пришлось кое-как споласкиваться в умывальниках, которые представляли собой два желоба, стоявшие один над другим. Рядом, на подпорках, располагалась металлическая цистерна с водой. Раз в сутки наши тыловики пополняли её с помощью водовозки. Из цистерны вода попадала в верхний желоб. Из верхнего, через отверстия, вода стекала в нижний, а оттуда, – в специальную яму, на слив. Отверстия в верхнем желобе затыкались деревянными палочками, которые нужно было вынимать для прохода воды, а потом ставить на место. По-русски такая деревянная палочка называется чопик. В немецком языке такого слова нет, поэтому все звали эту конструкцию краном. Не бог весть какое чудо инженерной мысли, конечно, но почистить зубы и умыться вполне хватало. Брились у нас единицы, так что никто над умывальником

дольше минуты не торчал, соответственно времени на гигиену хватало всем.

До поверки оставался ещё час, поэтому мы, не особо и торопясь, побрели стираться. Плохо, конечно, что не было тазов, – это я не про машины, – зато Рауш приказал Кепке выдать нам вёдра. Тот поворчал, как обычно, но деваться некуда: пришлось доставать из закровов. Конечно, нормальные оцинкованные подошли бы куда лучше, но и складным брезентовым мы тоже были рады. Ведёр ездовой из жадности выделил всего два. Одно из них, пользуясь случаем, я сразу забрал себе, а Груберу с Отто отдал второе. Ожидал от них возмущений, но парни, видать, так устали, что даже ничего и не сказали. Вот и ладушки.

Камрады наши в это время занимались кто чем, – по распорядку значилось свободное время. В основном, писали письма или возились с обмундированием. Я взял сменный комплект формы из ранца, мыло, полотенце и, немного подумав, бритву. Несмотря на то, что Ланге вполне мог ещё бриться раз в неделю, – я решил сделать это сегодня. Во-первых, – на всякий случай. По глупости, из-за небритой морды лица, схлопотать замечание и опять угодить таскать снаряды мне совсем не улыбалось. Во-вторых, – нужно набить руку. Лично я никогда опасной бритвой не брился в своей жизни, а мой белокурый ариец только начал этим заниматься. Так что, практика нужна.

У умывальников было довольно оживлённо: камрады го-

товились к скорому отбою, стирая носки и чистя зубы заранее. Что же, – это вполне логично. Потому что, после окончания вечерней поверки, на вечерний туалет даётся всего 10-15 минут. Можно и не успеть постираться.

Несмотря на то, что уже наступали сумерки, – видно было пока сносно. И я решил начать с бритья. По-быстрому скинув форму и замочив её в ведре, закрепил зеркало на желобе и начал вспоминать процесс. Так как и я, и Макс представление об этом всё-таки имели, то первый этап прошёл идеально. Поелозить мокрой кисточкой по куску мыла и намазаться получившейся пеной удалось без каких-либо проблем. Дальше всё осложнилось. Нет, я уверенно достал свой «Золинген» и даже раскрыл бритву. Но, мать моя – женщина, какая же она острая и огромная! Осторожненько провёл по щеке, – вроде бы нормально, крови нет. Как её держать-то правильно? Вспомнил Суинни Тодда, но это мало помогло.

– С прибытием, Макс! Как поездка? – раздавшийся сзади голос Лермана заставил меня вздрогнуть.

– Чёрт, Йенс! Я чуть не порезался!

– Да уж, с тебя станется, – засмеялся Викинг, занимая место рядом со мной. Судя по всему, он тоже пришёл бриться.

– Если так держать бритву, то вскоре у меня не будет второго номера. Смотрю, ты этому нехитрому искусству так и не научился?

– Неудобно и непривычно, – честно признался я.

– Это дело поправимое. Смотри и учись.

Быстро намылившись, Викинг быстрыми аккуратными движениями, буквально за минуту, побрился. При этом он не забывал параллельно рассказывать что-то про «расслабленную кисть», «мягкое скольжение» и прочие узкоспециализированные вещи. Я смотрел как зачарованный. Нет, до этого, конечно, не раз видел процесс в исполнении других солдат, но этот мастер был прямо вот рядом.

Не буду долго описывать свои мучения, но Йенс, в итоге, научил меня довольно сносно орудовать бритвой.

– Главное, – действовать уверенно и не думать о том, что можешь порезаться. А то так и случится. Вообще, – здесь нужна практика.

– В принципе, согласен, – ответил я Лерману, заклеивая кусочком газеты четвёртый порез.

Викинг ободряюще хлопнул меня по плечу и ушёл. На смену ему появился Эмиль, который дописал своё длинное письмо домой и пришёл постираться. Поболтали, поделились последними новостями. Я рассказал, как мы грузили боеприпасы целый день, он, – про взводные занятия. Вместо занятия по тактике, – сидели полтора часа чистили оружие, потому что не пришёл назначенный на это дело офицер. Зато, на следующем всё было как нужно. Совместно с первым взводом отрабатывали передвижение на поле боя: ползали, бегали и атаковали третий взвод, который изображал противника в обороне. Затем менялись. На следующем занятии кидали учебные гранаты. Не самое скучное времяпровождение.

ние. Завтра планируется примерно то же самое. Выстирав форму, я развесил её за палаткой, где была организована сушилка из натянутых между деревьями верёвок. Ну, вроде все дела сделаны. Осталось сдать ведро ездовому, пройти вечернюю поверку и отбиться.

Глава 6

Утренний подъём прошёл, на этот раз, без эксцессов. Пробегая строем во время утренней зарядки вокруг расположения батальона, неожиданно выяснилось, что ночью куда-то ушли наши «велосипедисты» из 11-й роты и артиллеристы из 13-й роты пехотных орудий. Это всё было очень странно, никто ничего не знал и не понимал. По поводу внезапного исчезновения двух рот строились самые разнообразные догадки. Самая ходовая из них гласила, что нашу дивизию начали выводить и вскоре мы опять окажемся во Франции, поближе к Томми. Лично я считал, что началось скрытное выдвижение на исходные позиции. Понятное дело, ни с кем своими предположениями делиться не стал. После завтрака начались занятия. Сначала, – в составе взвода, потом, – в составе роты. Мы отрабатывали наступательные действия. Без выстрелов, взрывов, криков и прочего обязательного антуража любого сражения, – подразделения выполняли команды относительно неплохо. Очень хорошо были слышны выкрики и свистки наших командиров. Не знаю, что будет на поле боя, – на тренировках же всё выглядело достойно. Поскольку, я в своё время служил на флоте, то пехотные принципы атаки и обороны как-то прошли мимо меня. По книгам и фильмам знаю, что сначала артподготовка, потом, – в атаку цепями. Здесь всё было несколько иначе. Упор

делался на мощное огневое прикрытие: пулемёты. Пока те подавляли противника, стрелки подбирались на расстояние броска гранаты. Причём никакой не цепью, а по очереди, по 2-3 человека, короткими перебежками. Остальные в это время прикрывают продвижение товарищей. Откидав гранаты, стрелки стремительным рывком сокращают дистанцию и врываются в окопы ошеломлённого противника. Управление солдатами осуществляют унтер-офицеры, находящиеся с ними в одних боевых порядках. Они же выбирают места для расположения пулемётов. Чуть сзади, чтобы наблюдать картину боя целиком, располагается командир взвода. Вместе с ним находятся посыльный, горнист и денщик-ординарец. Команды отдаются голосом и специальными свистками. Всё очень организовано и чётко. Не удивительно, что Вермахт так быстро завоевал Европу. Тренировались мы до обеда. Все взмокли, но никто не роптал, – это вообще было не принято у немцев. Понимали, что пот экономит кровь. Следующее занятие началось уже после обеда, и было больше похоже на политинформацию. Наш взвод собрали в палатке, перед нами вышел лейтенант Кирш из штаба полка и выступил с лекцией об особой миссии германского народа. Коснулся он и военного превосходства, новых видов вооружений и блестящих побед Вермахта. Из действительно полезного была, пожалуй, информация о новой раскраске боевых самолётов люфтваффе. Теперь они будут нести на фюзеляже ярко-жёлтое кольцо шириной полметра, а концы крыльев

снизу на 1/3 их длины будут выкрашены также в ярко-жёлтый цвет. На эту тему мы даже поспорили с Викингом:

– Йенс, новая раскраска наших самолётов вводится неспроста, ты согласен? – спросил я у него в перерыве занятий.

– Видимо, настала пора, – пожал плечами Лерман.

– Настала пора отличать наши самолёты от не наших. Значит, в скором времени ожидается их большое количество в небе. Подумай: здесь, на границе с Советским Союзом, – откуда взяться большому количеству самолётов, которые нужно друг от друга отличать?

– При чём здесь это? – недоумённо посмотрел на меня Йенс, – Геринг решил, что так будет красивее, – вот и вся загадка. А то ты, я чувствую, сейчас наговоришь тут предположений...

– Когда вы наступали в Польше и Франции и видели над головой самолёты, – были сомнения, что они не наши? – не сдавался я.

– Какие там сомнения? – удивился Викинг, – ясное дело, что у лягушатников или поляков уже не было авиации. Все их самолёты догорали на аэродромах. Полное господство в небе асов Геринга.

– Вот! Поэтому вам и не нужно было их различать, – других-то в небе не было, верно? – вопрошал я Лермана.

– Я же тебе сказал: полное господство люфтваффе!

– Ну, а теперь подумай. Находясь на границе с Россией,

которая располагает очень большим количеством самолётов, даже большим, чем у Геринга, – я поднял указательный палец вверх, – наши люфтваффе вдруг озадачились отличительной раскраской. Совпадение? Не думаю! – процитировал я одного известного последователя доктора Геббельса.

– Ну, не знаю... – потёр подбородок Викинг, – Рациональное зерно в твоих рассуждениях, конечно, есть... Но, война на два фронта... Не думаю, что Фюрер опять наступит на те же грабли!

– Рад бы с этим согласиться, но, сдаётся мне, что всё указывает именно на такой вариант развития событий.

– Война на два фронта, – приговор Рейху, – упрямо продолжал гнуть своё Лерман.

– Видимо, в Берлине другого мнения, – развёл руками я.

– Ладно, что спорить? Поживём – увидим, – Викинг поднялся, – Пошли, – построение объявили.

Вечером, после ужина, обер-фельдфебель Рауш неожиданно объявил о том, что сейчас состоится помывка в бане. Известие было встречено с восторгом, особенно после сегодняшних ползаний по полю.

Баня представляла собой большую палатку, разделённую на две части. Меньшая служила раздевалкой, в большей мылись. Там стояли деревянные лавки и металлические печи со встроенными в них котлами. Рядом находились баки с холодной водой. Вода от печей кипела и испарялась, в результате чего в палатке стояла жара и туманом висела пелена па-

ра. В общем и целом, – довольно сносно, особенно в полевых условиях. Зашёл, взял шайку, налил воды, – и мойся на здоровье.

Всё шло как по маслу, камрады тёрли друг другу спины мочалками, со всех сторон раздавались весёлые возгласы и радостные голоса. Так получилось, что, из-за поднимавшегося от котлов с водой пара, видимость была весьма ограничена. И, этот факт сыграл с нашим Отто злую шутку. Точнее, шутка должна была быть доброй. По крайней мере, так задумал Рюдигер. Ну, – что может быть добрее шайки холодной воды, вылитой на своего товарища Иоганна Грубера? Отто и предположить не мог, что, пока он ходил набирать холодную воду, его предполагаемая жертва отошла потереть спинку обер-гефрайтеру Моделю, по его просьбе. Вернувшись с полным тазом, Рюдигер идентифицировал ближайшую фигуру как Грубера. Определив цель, Отто, с идиотской улыбкой, вылил на предполагаемого Иоганна шайку холодной воды, заранее заливаясь смехом.

Унтер-офицер Курт Винсхайм до сего момента считал себя стойким солдатом. Он много повидал: прошёл польскую и французскую кампании, форсировал под огнём Эну, был контужен. Но, когда на тебя выливают таз холодной воды, – никакое самообладание не спасает. Курт выгнулся дугой, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, и стремительно обернулся. Естественно, за спиной он увидел того, кого предпочёл бы не видеть никогда. Улыбка мигом слетела

с лица Отто и он застыл, прикрываясь шайкой от разъярённого Винсхайма. Боже, как тот орал на бедолагу Рюдигера!

Ближе к вечеру, приехал гефрайтер Кепке и привёз сухой паёк на трое суток. Мы, недоумённо глядя друг на друга, стали укладывать провизию в ранцы и сухарные сумки: нам ничего не говорили, поэтому никто ничего не понимал. Судя по всему, мы скоро куда-то отправимся. Но куда? Предположений была масса, но точной информации не знал никто. Никто, кроме меня. Я был на сто процентов уверен, что дело пахнет нападением на СССР, ибо ни на секунду не верил в нелепые теории моих камрадов о каком-то военном перевороте в России или открытом для нас пути на Кавказ.

Ночью нашу роту подняли по тревоге и куда-то повели. Шли повзводно, с интервалами в несколько минут. На пути стояли солдаты и обозначали путь с помощью карманных фонариков со светофильтрами. Со стороны это смотрелось красиво: как цепочка уходящих в темноту огоньков. Вскоре, мы вышли на какую-то дорогу. Немного пройдя по ней, свернули в сторону. Куда идём, – предположений не было. Особый акцент делался на соблюдение тишины, поэтому даже поделиться с товарищами своими мыслями было невозможно.

В итоге, конечным пунктом оказались какие-то казематы в толще земляного вала. Нас загнали внутрь с приказом носа не высовывать наружу. Через бойницы в передней части вала была видна река. Судя по всему, – это Буг. Сразу же от бой-

ниц разогнали любопытствующих и выставили караульных. Через час, подошло ещё одно подразделение. Им оказалась наша 12-я пулемётная рота. Места, как ни странно хватило на всех. Честно говоря, в палатках было лучше: лес, свежий воздух. В казематах же было дико холодно и пахло сыростью. чувствовалось, что давненько здесь никто не жил. Из мебели в наличии были только старые деревянные нары, на которых мы и расположились. Пришёл обер-фельдфебель Рауш и сказал, что батальон находится в 30 метрах от границы и о нашем здесь появлении никто знать не должен. Поэтому, все выходы из казематов, без специального разрешения, запрещены. Подъём переносится на 10 утра, всем спать, отбой. Команду эту мы любим, так что упрашивать было никого не нужно.

Следующий день был, наверное, самым скучным из всех. Мы сидели в казематах, занимаясь бесконечной чисткой оружия. В перерывах между чисткой, – читали Уставы и Наставления. Газет не видели уже давно, – даже наших армейских «Die Wehrmacht» и «Signal». Скука страшная. И все разговоры только об одном: зачем всё-таки мы здесь, почему в такой тайне и как долго ещё это будет продолжаться? Командиры наши помочь ничем не могли: они знали не больше нашего. Ближе к ночи, как только начало темнеть, к нам со свитой прибыл лично гауптман Пракса. Он прошёл по казематам, поздоровался с солдатами и сказал, что здесь будет батальонный КП. Кроме того, командир батальона пред-

ставил двух армейских корреспондентов из уже упоминавшихся «Die Wermacht» и «Signal», а также двух операторов из «Deutsche Wohenschau». Просил оказывать им посильную помощь и содействие. К сожалению, имён этих военкоров я не запомнил.

Через некоторое время после ухода Праксы на КП, прибежал посыльный и сообщил, что собирают командиров взводов. Наш Рауш тут же проследовал за ним. Мы сидели и гадали: к чему вся эта суета, на ночь глядя, и чем это может обернуться для нас. Через полчаса, вернулся наш взводный и сообщил, что принято решение в тёмное время суток выставлять дополнительные два караула в сторону дороги, по которой мы сюда пришли. Сейчас караулы обеспечивает первый взвод лейтенанта Вильча, завтра, – мы. Состав и количество караульных Рауш доведёт с утра. Кроме того, выделяются команды от каждого взвода для получения на подразделение боеприпасов. Выход, – в полночь. Склад в двух километрах от наших позиций. Ближе подвезти не смогли из-за требований скрытности. Мда, идти нагруженными совсем не близко. Шархаться в ночи с ящиками мин, патронов и гранат выпало на долю первого и миномётного отделений. Остальные, – по распорядку, отбой в 23:00.

- Что думаешь, Эмиль? – подсаживаюсь к Райзингеру.
- Думаю, что что-то начинается, – откликается тот.
- Войной пахнет...
- Опять ты со своей войной, – недовольно бурчит с сосед-

них нар Отто.

– У тебя есть другие предположения?

– Я про них тебе уже говорил. Боеприпасы и наше подтягивание к границам России, – это всё для демонстрации военной силы и пресечения провокаций, – менторским тоном произносит Рюдигер.

– Да ты, я гляжу, всё, что угодно, можешь объяснить, – качаю головой я.

– А ты всё свести к войне.

– Скоро узнаем, – примирительно произносит Райзингер.

– Это точно...

Глава 7

С самого подъёма события стремительно набирают обороты. Оказывается, ночью к нам присоединились новые силы: отделение из восьми огнемётчиков во главе с унтер-офицером, и сапёрный взвод от 133-го полка под командой лейтенанта. Сапёры принесли с собой лодки и фашины, огнемётчики, – ранцевые огнемёты. Дело явно начинает пахнуть керосином.

Сразу после завтрака, мы получаем вооружение и боеприпасы, которые ребята доставили ночью. Помимо трёх обойм к своему P-08, я, как второй номер пулемётного расчёта, несу: два сменных ствола к нашему MG-34, четыре малых патронных короба «Gurttrommel 34» с лентой на 50 патронов каждый и один большой патронный короб «Patronenkasten 34/41» с двумя лентами на 200 и 100 патронов соответственно. Эмиль, – наш третий номер, помимо обойм к Kar98k, тащит два 300-патронных короба. Ну и первый номер, Викинг, – помимо пулемёта, заряженного 50-патронной лентой из «Gurttrommel 34», несёт ещё два таких же малых короба. Итого, на расчёт у нас получается примерно около 1250 патронов. Почему я говорю «около»? Потому что, на самом деле, ленты рассчитаны на 197 и 97 патронов. Ну, а мы их количество просто округляем, для простоты подсчётов.

Кстати, это намного больше, чем у пулемётного расчёта

Красной Армии. Если мне не изменяет память, то для ДП-27 в пехотном взводе был определен боезапас в 6 дисковых магазинов по 47 патронов в каждом, то есть 282 патрона на ствол против 1250 у немцев. Существенная разница, – согласитесь.

Теперь всё это богатство нужно проверить, пустые ленты, – снарядить патронами, а процесс их набивки, – дело не быстрое. Впрочем, для этих целей у нас есть специальная машинка для снаряжения патронных лент: «Gurtfuller 34». Эмиль уже достал её и закрепил на столе. Ящик с патронами тоже здесь. Ну что, начинаем? Засыпаю сверху в приёмник патроны, Эмиль протягивает ленту, и приступаем. Один поправляет патроны, другой крутит ручку. Дело знакомое, так что работа спорится.

Смотрю в угол каземата, где сложены в штабеля ящики с боеприпасами: их явно больше, чем, даже, из расчёта два боекомплекта на ствол. В принципе, всё логично: завтра уже 22 июня 1941 года, – война, как-никак, начинается. Если, конечно, верны мои предположения, и я нахожусь не в каком-нибудь другом измерении. Странно только, что до сих пор мы не в курсе событий: уже 21-е число, а солдаты о завтрашнем дне ни сном, ни духом. Интересно, в той, моей истории, – всё так же было? Честно говоря, не интересовался что там у немцев происходило в канун нападения.

После снаряжения лент и укладки носимого боекомплекта, обер-фельдфебель Рауш объявил состав караула на ночь.

На дежурство заступают третье и четвёртое отделение. Хорошая новость, потому что я, честно говоря, думал, что в караул пойдём мы. Логику начальства мне не понять. Впрочем, это не так уж и важно. И так есть о чём подумать.

Время прекратило свой сумасшедший утренний бег и до полудня тянулось невыносимо медленно. Рауша опять вызвали на КП, в который уже раз за это утро. Мы вновь чистим оружие, слушая зачитываемые командирами отделений по очереди статьи из Устава. Прекрасное времяпровождение.

Наконец, наступило время обеда. Я уж думал, – не дождусь. И тут случилась приятная неожиданность: снабженцы в больших термосах принесли суп и кофе. Камрады воодушевились, – сухомятка не всем по душе. После приёма пищи, объявили общий сбор во дворе. Это было что-то новенькое: раньше строились повзводно внутри казематов, ибо вся рота ни в один из них целиком не помещалась. Щурясь на солнечный свет, мы начали выстраиваться в каре перед кирпичными стенами. Реки отсюда видно не было, – сзади её загораживал вал, а с боков, – изгибы казематов и кустарник. В центр, в абсолютной тишине, вышел гауптман Пракса. Действительно, подавать команды и здороваться с полутысячей солдат, стоящих в 30 метрах от русской границы, было бы неосмотрительно. Обведя взглядом строй, командир батальона произнёс:

– Господа! Внимание! Вышестоящим командованием мне поручено довести до вас обращение фюрера немецкой нации

Адольфа Гитлера!

Тишина, и до этого ничем не нарушаемая, стояла просто гробовая. Пракса стал зачитывать текст с листка, что держал перед собой:

– «Солдаты Восточного фронта! Подавленный тяжёлыми заботами, обречённый на многомесячное молчание, я решил, что пришёл час, когда я с вами, мои солдаты, могу говорить открыто...»

Честно говоря, как и все окружающие, – впервые слышу это обращение. Думал, что немцам зачитывали просто приказ о нападении на Советскую Россию. Оказывается, тут прямо целая речь... Обращение было очень длинным. В нём раскрывалась сложившаяся международная обстановка и причины начала войны против СССР. Клеймились «усилия еврейских поджигателей войны», упоминался какой-то неизвестный мне ультиматум Молотова и ответ на него Гитлера... То, что я услышал, было невероятно!

– «На нашей границе стоят 160 русских дивизий. В течение многих недель постоянно происходят нарушения этой границы, не только у нас, но и на Крайнем Севере, и в Румынии», – продолжал зачитывать Пракса, – «В течение ночи с 17-го на 18-е июня 1941 года советские вооружённые отряды снова углубились на германскую территорию и возвратились обратно только после продолжительного боя».

Это вообще о чём? Тут одно из двух: или это действительно было, но мы ничего об этом не знаем, или этого никогда не

было. И тогда я, получается, в другом мире? Голова кругом.

– «Формации германского Восточного фронта простираются от Восточной Пруссии до Карпат. Германские и румынские солдаты объединены под командованием главы румынского государства, Антонеску, от берегов Прута, вдоль Дуная, и до Чёрного моря. Задача этого фронта, таким образом, не защита отдельной страны, а защита всей Европы и спасение всех. Поэтому, я решил сегодня снова вручить судьбу и будущее Германии и германского народа в ваши руки, руки немецких солдат. И да поможет нам Бог в этом сражении!» – Пракса закончил читать. Немного помолчал, давая время переварить услышанное, и следующей фразой подтвердил мои предположения:

– Солдаты! Мы вступаем в войну с Россией! Сегодня ночью, внезапным ударом мы атакуем позиции большевиков! Командирам рот приступить к формированию штурмовых групп и довести задачу каждой! Разойдись!

Я шёл как пыльным мешком пришибленный. Неужели это правда и Советский Союз действительно планировал военное вторжение? Нет, я читал о подобных версиях, но всерьёз их, конечно, не воспринимал. Да как такое можно вообще принять? А эта провокация, или как это назвать, в ночь с 17 на 18 июня, о которой говорилось в воззвании? Я ничего о ней никогда не слышал. Ох, как же всё запутано...

Не успели мы вернуться, как обер-фельдфебель Рауш объявил взводу построение. Хмуро оглядев нас, он произ-

нёс:

– Сейчас перед взводом с важной информацией выступит обер-лейтенант Хофмайер, из штаба полка. Слушаем внимательно, потому что сто раз повторять никто не будет. Это понятно, рядовой Рюдигер? – найдя глазами Отто, поинтересовался Рауш.

– Так точно, господин обер-фельдфебель! – отчеканил любитель чеснока.

– Взвод, смирно!

– Вольно! – махнул рукой вошедший в каземат офицер с погонами обер-лейтенанта. Судя по всему, это и есть Хофмайер. Худощавый, невысокий блондин, лет тридцати, в очках. Мне он чем-то напомнил давно виденную фотографию Гимmlера. В руках обер-лейтенант держал коричневую кожаную папку, из которой тут же начал доставать какие-то бумаги.

– Меня зовут Хофмайер, обер-лейтенант Хофмайер. Я прибыл к вам из Отдела Пропаганды, чтобы раскрыть некоторые аспекты предстоящих боевых действий в отношении нашего противника, – Советской России.

Достав отпечатанные на машинке листы, он осмотрел нас поверх очков, видимо, ожидая какой-то реакции. Не дождав-шись её, Хофмайер продолжил:

– Сейчас я зачитаю несколько документов и дам свои комментарии по ним, дабы у вас не возникло недопонимания. В случае появления вопросов, – ответу на них после прочте-

ния. Итак, начнём. Документ первый: «Директива для поведения войск в России».

«1. Большевизм – смертельный враг национал-социалистического немецкого народа. Борьба Германии ведётся против этого вредного мировоззрения и его носителей.

2. Эта борьба требует не считающихся ни с чем и энергичных мер против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев, и полного устранения любого активного или пассивного сопротивления.

3. По отношению ко всем военнослужащим Красной Армии – в том числе пленным – нужно проявлять осторожность и самую тщательную бдительность, считаясь с их коварством при ведении войны. Особенно скрытны, непредсказуемы, коварны и бесчувственны азиатские солдаты Красной Армии.

4. При пленении воинских подразделений нужно сразу отделить командиров от рядовых солдат.

5. Немецкий солдат вступает в СССР, не имеющий однородного населения. СССР – это государственное образование, объединившее множество славянских, кавказских и азиатских народов и силой удерживаемых большевистскими властителями. В СССР сильно развит иудаизм.

6. Большая часть русского населения, особенно обеднённое большевистской системой сельское население, недоброжелательно к большевизму, внутренне противостоит ему. В небольшевистском русском человеке национальное самосо-

знание связано с глубоким религиозным чувством. Радость и благодарность при освобождении от большевизма часто будет выражаться в церковной форме. Не нужно предотвращать или мешать благодарственным молебнам и процессиям.

7. В беседах с населением и в поведении по отношению к женщинам приказана самая большая осторожность. Многие русские понимают немецкий язык, не говоря об этом. В занятой области, особенно на предприятиях, будет действовать вражеская разведка, стремясь получать сообщения о важном военном оборудовании и мероприятиях. Поэтому любые проявления необдуманности, тщеславия и доверчивости могут иметь самые тяжёлые последствия.

8. Любое имущество, взятое у хозяев на основе расписок, и военные трофеи, в частности продукты и корма, горючее и предметы одежды нужно беречь и охранять. Каждая растрата и расточительство вредят подразделению, грабежи по военно-уголовным законам влекут за собой самые тяжёлые наказания.

9. Осторожность при использовании захваченных продуктов! Разрешается пользоваться только кипячёной водой, во избежание тифа и холеры. Каждое соприкосновение с населением влечёт гигиенические опасности. Защита собственного здоровья – солдатская обязанность».

– Есть вопросы по услышанному? – опять глянул поверх очков на наш строй Хофмайер. Вопросов не было.

– Отлично! Продолжим. Документ второй: «Особые распоряжения по снабжению» отдела тыла в части касающейся, а именно, – обращение с военнопленными.

«Пункты сбора военнопленных на нашем участке наступления предусматриваются на Центральном острове, на востоке Тереспоя и юго-восточнее – у бункера на развилке дорог, в 1.5 км от него. Более подробную информацию до вас доведут командиры подразделений. Привод туда пленных необходимо осуществлять под достаточной охраной, далее передавая подразделениям 45-го полевого запасного батальона, которые будут осуществлять их приёмку. Колонны военнопленных не должны использовать пути подвоза и магистралей, а командиры и политкомиссары должны отделяться от рядовых солдат. Непокорность их резко пресекается, а добросовестный труд, наоборот, вознаграждается достаточным питанием и хорошим обеспечением».

Ага, вот откуда эти фразы в кино и книгах на плохом русском, типа «кто бутет карашо рапотат, – бутет карашо кармит»... Мотивацию придумали, гады... И куда пленных девать будут, какими дорогами водить, – всё предусмотрели.

– Третий документ: «О военной подсудности в районе «Барбаросса». Для тех, кто не в курсе, – так называется операция по вторжению в Советскую Россию, – вновь обвёл нас взглядом Хофмайер, оторвавшись от чтения.

– Странное название, – вырвалось у меня невольно. Несмотря на то, что произнёс я это негромко, – обер-лейте-

нант мою фразу всё-таки услышал.

– Кто это сказал?

– Ланге! – с возмущением вскинулся было обер-фельдфебель Рауш, но Хофмайер успокаивающим жестом остановил нашего взводного.

– Рядовой Ланге! – бодро доложил я, в душе проклиная себя за несдержанность.

– И чем же Вам показалось странным название операции, рядовой Ланге? – поинтересовался Хофмайер.

– Вы имеете что-то против нашего великого и знаменитого своими победами предка, – Фридриха Первого Барбароссы?

– Никак нет, господин обер-лейтенант, против его побед я ничего плохого не имею!

– Так в чём же тогда дело, Ланге? – недоумённо развел руки в стороны Хофмайер.

– Просто мне показалось странным, господин обер-лейтенант, что такая масштабная операция названа в честь человека, который умер, упав в реку с коня и захлебнувшись в воде.

Гробовая тишина. Так, похоже, мою шутку, столь популярную 80 лет вперёд, никто не оценил... Затянувшуюся паузу прервал обер-лейтенант:

– Не ожидал таких слов от немца... Знание Вами истории весьма похвально, рядовой. Надеюсь, что Вы также знаете, что все люди смертны. И любой, даже весьма великий и ува-

жаемый человек, будь он выдающийся музыкант, полковник или учёный муж, – рано или поздно закончит свой жизненный путь. Важно не то, как человек умер, дожив до преклонных лет. Важно то, что он сделал, пока жил. А Фридрих Барбаросса сделал немало. Поэтому Ваше замечание считаю абсолютно неуместным, господин Ланге! А Вашему командиру должно быть стыдно за такого подчинённого! – лицо Хофмайера даже пятнами покрылось от возмущения.

– Рядовой Ланге будет наказан, господин обер-лейтенант! – выскочил вперёд Рауш.

– Да уж сделайте одолжение, обер-фельдфебель! Распустили своих солдат! Что Вы выскочили из строя? Команда была?

– Никак нет, господин обер-лейтенант, я думал... – начал было растерявшийся Рауш, но закончить ему не дали:

– Встаньте в строй, обер-фельдфебель! – резким голосом приказал Хофмайер.

– Есть встать в строй! – отчеканил наш взводный и, катнув желваки, выполнил команду. На меня он не смотрел, но чувство надвигающейся на меня после роспуска строя большой полярной лисички не покидало. Как говорится, «песец подкрался незаметно, хоть виден был издалека». Ну, ё-моё, кто за язык-то меня вечно тянет?

Проводив Рауша взглядом, обер-лейтенант, продолжил, как ни в чём не бывало:

– Итак, продолжаем. Документ третий: «О военной под-

судности на территории операции «Барбаросса».

«Подсудность военным судам служит, в первую очередь, сохранению воинской дисциплины. Расширение района военных действий на Востоке... а также особенности противника, делают необходимым, чтобы военные суды ставили перед собой только те задачи, которые... для них посильны... то есть ограничили бы свою подсудность рамками, необходимыми для выполнения основной задачи. Это, однако, будет возможно лишь в том случае, если войска сами беспощадно будут себя ограждать от всякого рода угроз со стороны гражданского населения. Соответственно этому, для района «Барбаросса» (район военных действий, тыл армии и район политического управления) устанавливаются следующие правила:

Пункт первый.

1. Преступления враждебных гражданских лиц впредь до дальнейших распоряжений изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов.

2. Партизаны должны беспощадно уничтожаться войсками в бою и при преследовании.

3. Всякие иные нападения враждебных гражданских лиц на Вооружённые Силы, входящих в их состав лиц и обслуживающий войска персонал, также должны подавляться войсками на месте с применением самых крайних мер для уничтожения нападающего.

4. Там, где будет пропущено время для подобных меро-

приятый, или они сразу были невозможны, заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает должны ли они быть расстреляны.

В отношении населённых пунктов, в которых Вооружённые Силы подверглись коварному или предательскому нападению, должны быть немедленно применены распоряжения офицера, занимающего должность не ниже командира батальона, массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников.

5. Категорически воспрещается сохранять заподозренных для предания их суду после введения этих судов для местного населения.

6. В местностях, достаточно усмирённых, командующие группами армий вправе, по согласованию с соответствующими командующими Военно-Морскими и Военно-Воздушными силами, устанавливать подсудность гражданских лиц военным судам. Для районов политического управления распоряжение об этом отдаётся начальником штаба Верховного Главнокомандования Вооружённых Сил.

Пункт второй. Отношение к преступлениям, совершенным военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к местному населению.

1. Возбуждение преследования за действия, совершённые военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновре-

менно составляют воинское преступление или проступок.

2. При обсуждении подобных действий необходимо в каждой стадии процесса учитывать, что поражение Германии в 1918 г., последовавший за ним период страданий германского народа, а также борьба против национал-социализма, потребовавшая бесчисленных кровавых жертв, являлись результатом большевистского влияния, чего ни один немец не забыл.

3. Поэтому судебный начальник должен тщательно разобраться – необходимо ли в подобных случаях возбуждение дисциплинарного или судебного преследования. Судебный начальник предписывает судебное рассмотрение дела лишь в том случае, если это требуется по соображениям воинской дисциплины и обеспечения безопасности войск. Это относится к тяжёлым проступкам, связанным с половой распущенностью, с проявлением преступных наклонностей или к проступкам, могущим привести к разложению войск. Не подлежат, как правило, смягчению приговоры за бессмысленное уничтожение помещений и запасов или других трофеев во вред собственным войскам.

4. При осуждении предлагается чрезвычайно критически относиться к показаниям враждебных гражданских лиц...»

Вот это охренеть! Ну, Адольф Алоизыч, ну ты и гад, конечно... Освободил солдата от гнёта ответственности... Делай, что хочешь, – и ничего тебе за это не будет! Впрочем, даже это вам, фашистские морды, победить нас не помогло... К

счастью, подумал я об этом не вслух, а про себя. На сегодня норма неконтролируемых слов и так уже перевыполнена.

– Надеюсь, комментировать эту директиву не нужно? – посмотрел на нас Хофмайер, – Она даёт вам право максимально обезопасить свою жизнь и жизнь своих товарищей от враждебных проявлений со стороны гражданских лиц. Далее. Документ четвёртый: «Указание об обращении с политическими комиссарами».

«В борьбе с большевизмом на соблюдение врагом принципов гуманности или международного права рассчитывать нельзя! Особенно жестокого и диктуемого ненавистью бесчеловечного обращения с нашими военнопленными следует ожидать от всякого рода комиссаров, этих подлинных носителей сопротивления. Войска должны осознавать следующее:

1. В нынешней войне пощада этим элементам и соблюдение в отношении их международных правил неуместны. Они представляют собой угрозу нашей безопасности и быстрому освобождению нами захваченных областей.

2. Политические комиссары – инициаторы варварских азиатских методов ведения войны. Поэтому против них следует немедленно и без всяких задержек действовать со всей беспощадностью. Если же они оказывают вооружённое сопротивление, следует немедленно устранять их силой оружия.

В остальном действуют следующие положения:

Во фронтовых областях:

1. Обращаться с действующими против наших войск политическими комиссарами согласно «Указу о военной подсудности в районе «Барбаросса». То же самое относится к комиссарам всех видов и должностей, даже только подозреваемых в сопротивлении, саботаже или подстрекательстве к ним. Основой являются указания «О поведении войск в России».

2. Опознать политических комиссаров в качестве органов можно по особому знаку различия – красной звезде с вытканым на ней серпом и молотом на рукаве.

Их надлежит немедленно, то есть прямо на поле боя, отделять от всех остальных военнопленных. Это необходимо, чтобы лишить их всякой возможности оказывать влияние на взятых в плен солдат. Комиссары в качестве солдат не признаются; никакая международно-правовая защита к ним не применяется. После произведённой сортировки их следует уничтожить.

3. Политических комиссаров, которые не виновны ни в каких вражеских действиях или только подозреваются в них, первоначально не уничтожать. Только в ходе дальнейшего продвижения вглубь страны может быть решён вопрос о том, следует ли их оставить на месте или же передать в руки зондеркоманд. Следует стремиться, чтобы те производили следствие сами. При решении вопроса «о виновности или невиновности» в принципе личное впечатление имеет зна-

чение большее, чем, по всей вероятности, недоказуемый состав преступления.

4. Все вышеназванные меры не должны задерживать проведение операций. Поэтому планомерные поиски и «чистку» полевым войскам запретить.

Во фронтовом тылу:

Комиссаров, схваченных во фронтовом тылу при вызывающем сомнение поведении, следует передавать айнзацгруппам или айнзацкомандам Службы Безопасности». Хофмайер замолчал, переворачивая страницы.

Так, об этом Указе я что-то слышал. Если не ошибаюсь, то в моём времени он был известен как «Приказ о комиссарах».

– На этом закончим, – произнёс обер-лейтенант, – я довёл до вашего сведения все необходимые документы в части касающейся. Удачи на полях сражений! Честь имею! – с этими словами он отдал воинское приветствие и, круто повернувшись, вышел из каземата.

Ну, всё, Хофмайер ушёл. А сейчас Рауш примется за рядового Ланге, – обреченно подумал я и внутренне приготовился к крикам и брызгам слюней от орущего мне в лицо обер-фельдфебеля. Но я ошибался. Наш взводный вышел перед строем:

– Итак, вы всё слышали. Рейх даёт нам карт-бланш и было бы глупо этим не воспользоваться, не так ли?

– Это что же получается, господин обер-фельдфебель, – подал голос Викинг, – я могу пристрелить любого русского,

и мне за это ничего не будет? Всё равно какого: ребёнка, старика, женщину?

– Не совсем так, но суть отражена верно. Есть условие. Небольшое. Вы можете пристрелить любого русского только в том случае, если он предпринимает враждебные действия. Ну а уж оценка враждебности этих действий, – целиком ваша прерогатива.

– Ух ты, здорово! – радостно осклабился Рюдигер, – Ну, мы им покажем!

– Как бы совесть потом не заела, покажет он... – с неприязнью покосился на него Викинг.

– Не переживайте, господин обер-гефрайтер, – с совестью я уж как-нибудь договорюсь – подмигнул ему Отто и снова заулыбался.

– Ладно, взвод, – перейдём к более насущным делам, – остановил разгорающийся конфликт Рауш. Он достал из планшета какую-то бумагу.

– В соответствии с приказом командира батальона, наш второй взвод, практически в полном составе, за исключением ездового Кепке, теперь становится второй штурмовой группой. Командиром её, естественно, назначаюсь я. Как видите, практически ничего не поменялось. Кроме того, в нашу группу дополнительно включили огнемётчика. Вот он, знакомьтесь: гефрайтер Юрген Клинсмани!

С этими словами он протянул руку и поманил к себе кого-то с левого фланга нашего строя. Несмотря на характер-

ные имя и фамилию, на бывшего немецкого футболиста и тренера сборных США и Германии, огнемётчик похож не был. Перед нашими взорами предстал коренастый невысокий паренёк лет двадцати. Ничего необычного в нём не было, – хоть сейчас на вербовочный плакат войск СС. Впрочем, его бы туда не взяли: он, конечно, выглядел как истинный ариец, но своим ростом метр шестьдесят испортил бы всю селекцию этим бравым парням.

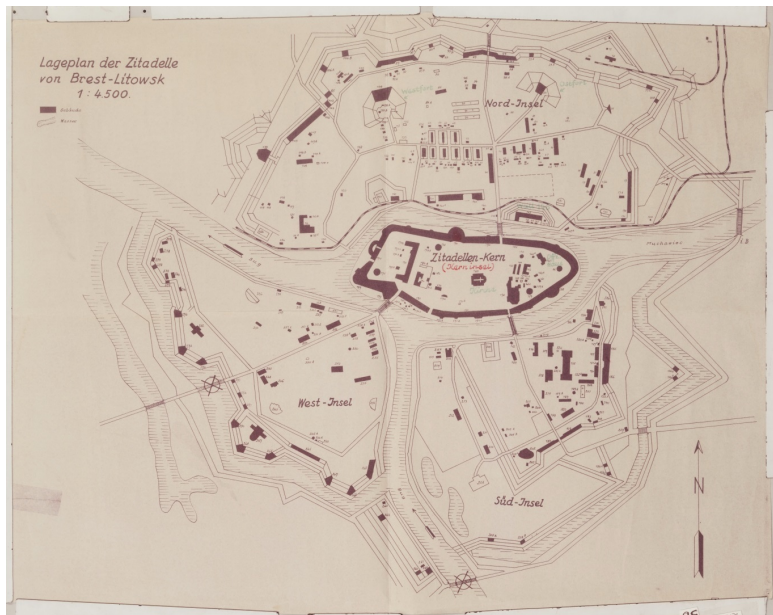
– Гефрайтер Клинсмманн войдёт в группу управления и подчиняться будет напрямую мне. Теперь о предстоящем деле. Вкратце, план таков: после артподготовки, по команде, мы всей группой форсируем Буг на лодках, что любезно предоставили для этой цели сапёры. У меня есть схема крепости и наш маршрут следования, – он помахал перед собой сложенным листком. К сожалению, схема всего одна, поэтому ещё пять экземпляров для всех унтер-офицеров нам сделает большой любитель истории и мыслей вслух рядовой Ланге. Я не требую зеркальных копий, но сходство должно иметь место. Задача ясна, историк? – это он уже мне.

– Так точно, господин обер-фельдфебель! – я немного растерян, – не ожидал, что отделаюсь так легко.

– Прекрасно! Держи схему. Бумагу и карандаши найдёшь сам. Времени даю три часа, до ужина. На построения можешь не ходить. Выполни!

– Есть! – беру рисунок и иду к дальней стенке каземата, к столу. Выставляю поудобнее лампу и рассматриваю вы-

данный Раушем листок. В верхнем левом углу надпись: карта цитадели Брест-Литовска. Масштаб 1:4500. И коротенькая легенда, всего две надписи: здания и вода. Основную часть листа занимает старательно вычерченная схема крепости. Сделана она от руки или напечатана в типографии, – сказать не берусь, но выполнена схема довольно качественно.

Показавшаяся сначала лёгкой задача, при ближайшем рассмотрении, оказалась весьма трудной. Начну с того, что чертёжник из меня так себе: те линии, которые должны быть прямыми, у меня такими не получаются. Что по линейке, что от руки, – выходит практически одинаково. Но это ещё полбеды. Больше всего меня пугает объём работы, точнее, – наличие множества мелких объектов, которые должны присутствовать на плане. Вырисовывать и закрашивать крохотные, в масштабе листка, отдельно стоящие здания при столь отвратительном освещении, – то ещё удовольствие. И всё в пяти экземплярах, да за три часа! Эх, жаль нет ксерокса под рукой... Хотя...

– Герхард! Студент! – заорал я в сторону гудящей как улей солдатской массы, судя по всему оживлённо обсуждающей последние новости, столь круто повернувшие их жизнь. Они так шумели, что кричать пришлось не один раз.

– Кто меня зовёт? – из-за спин камрадов показался, наконец, наш посыльный.

– Герхард, это я!

– О, Макс! Чертишь? – подходя, спросил Штубе.

– Ага, весь в процессе. Хочу попросить тебя об одном одолжении.

– Помочь с рисованием? Нет, извини, старик, я, – пас. Тебе поручили, – тебе и отдуваться. Да и черчу я как курица лапой, – засмеялся Герхард.

– Нарисую я сам, не переживай. А от тебя я вот что хочу: мне бы копировальной бумаги на пять экземпляров раздобыть... У тебя же есть знакомые писари в штабе батальона? КП Праксы сейчас здесь... С меня пачка «Экштейна»!

– Хм, а ведь ты прав, чёртов гений! КП здесь, да и Зонне тоже при нём...

– Ты Зонне скажи: если нужно будет бумагу вернуть, – я верну, без проблем.

Вижу, что Студент колеблется, и решаю увеличить гонопар.

– Герхард, давай так: ему пачку и тебе. Две пачки «Экштейна», пойдёт? Вот, смотри! – с этими словами достаю из кармана сигареты и кладу на стол. Против такого приёма он точно устоять не сможет.

– Ладно, попробую, жди здесь – заядлый поклонник табака, Студент смахивает со стола курево и, заговорщицки подмигивая, ныряет в полумрак каземата.

В голове моей, тем временем, русский Иван в очередной раз яростно спорит с немцем Максом. Один доказывает, что это противоестественно: просить об одолжении у своего товарища и предлагать за это какие-то материальные блага. Другой, – что это абсолютно нормально: немцы даже сигареты друг у друга не стреляют, а просят в долг. Ну, никакого братства, короче говоря, нет у проклятых фашистов. Интересно, на войне да под пулями так же будет?

– «Ганс, у меня кончились патроны!»

– «О, у меня как раз ещё есть две ленты, Фриц!»

– «Одолжишь?»

– «Нет, извини, Ганс, – ты мне ещё сигарету с позавчера не вернул! Только наличные!»

– «Хорошо, Фриц! У меня как раз есть! По два-сорок за ленту, как обычно?»

– «Ну что ты, Ганс! Я же не торгаш, чтобы наживаться на своём товарище! Для тебя по два-тридцать!»

– «Спасибо за скидку, Фриц! Вот, держи 5 рейхспфенигов!»

– «Чёрт, Ганс, у меня не будет сдачи!»

– «Действительно, Фриц, – как-то не по-немецки! Эй, ребята! Кто разменяет 5 пфеннигов?»

И такие голоса на фоне взрывов и стрельбы:

– «Я разменяю! Как раз продал гранату Иоганну, – сейчас подползу к вам!»

Голос Макса в голове возмущённо фыркнул и попросил не перегибать палку и не путать немцев с евреями. Меня вообще время от времени забавлял этот диалог русского и немца. Нет, можно было, конечно, совсем задавить внутри себя истинного Макса Ланге, но я так не делал: просто загонял его, когда нужно, поглубже. Иначе среди фашистов не выжить. Всё-таки, он лучше знает местные реалии, как себя вести и что делать со своими соплеменниками. Кстати, Макс уже не так горячо реагирует на «фашистов». По первости постоянно поправлял, что они, – немцы, на крайний случай, – наци-

сты, и к фашистам – итальянцам отношения не имеют. Я ему сочувствовал, но помочь ничем не мог, – привычка-с! Как были немецко-фашистскими захватчиками, – так и остались. Да, я знаю, что вы ничего не захватывали, а освобождали и вообще, всё было по любви и они сами хотели, ага. А вот и Герхард!

– Гляжу, ты не с пустыми руками?

– А то! Держи: вот тебе копировальной бумаги, как просил, – пять листов. Возвращать не нужно. От Зонне привет: обращайся, если что будет нужно, – Штубе сунул мне листы, хлопнул по плечу и с достоинством удалился.

Вообще-то, конечно, я просил бумаги из расчёта на пять экземпляров, ну да ладно – сделаю шестой в качестве запасного. Как именно делать, – я уже придумал: сверху кладём экземпляр Рауша, под него копирку, затем чистый лист, ещё копирку, опять лист и так далее. Но, немного подумав, решил от этого плана отказаться. Во-первых, таким способом не получится сделать шестого экземпляра. Во-вторых, Рауш не разрешал ничего чирикать на своей схеме. Ну что же, значит, придётся вспомнить молодость и попытаться скопировать с первоисточника. Прикинув с чего начать и как всё расположить, я принялся за работу.

Через три часа всё было готово, – даже хватило времени почётче обвести свой «неучтённый» экземпляр схемы. Собрав листы, отправился к Раушу.

– Господин обер-фельдфебель! Ваше приказание выпол-

нено, – планы готовы! – я протянул взводному плоды своего труда. На мой взгляд, получилось неплохо. Не как оригинал, конечно, но всё же...

Рауш взял схемы, нашёл свою, сравнил с остальными:

– Мда... Не Лиске, конечно... Ну да ладно, – сойдёт, – одобрительно кивнул он, – Господа унтер-офицеры, прошу ко мне, – наш Ланге нарисовал для вас планы!

Пока собирались командиры отделений, я отирался рядом, надеясь услышать что-нибудь важное из разговоров начальства. Однако, бдительное око обер-фельдфебеля разглядело мои телодвижения, а сам Рауш приказал покинуть унтер-офицерский угол. Ну и ладно, не очень-то и хотелось. Тоже мне, «тайная вечеря». Кстати, интересно, – почему на той знаменитой картине Христос с учениками сидят не как при нормальном застолье, а за одной стороной стола? Впрочем, вопрос риторический, из разряда «я – художник, я так вижу».

После ужина все собрались по отделениям для детальной проработки предстоящей операции. Мы стояли тесным кружком, в центре которого за столом восседал наш командир отделения, унтер-офицер Курт Винсхайм. В руке он держал остро отточенный карандаш.

– Все собрались?

– Так точно, все!

– Отлично! Итак, смотрите!

Все склонились над нарисованной мною схемой.

– Задача номер один, поставленная нашей штурмовой группой, – это скрытный выход на исходные позиции по сигналу. Скрытный, Рюдигер, – ты понял? Не нужно стучать своим карабином по каске, как ты любишь, катать по траве газбак и вытворять другие, так тобою любимые, действия или ещё что-то в этом роде. Модель, – лично за него отвечаешь!

Отто замотал головой, отрицая свою причастность к обвинениям Винсхайма:

– Да я буду тише воды и ниже травы, господин унтер-офицер!

– Я за ним присмотрю, Курт! – подал голос старший стрелок Модель.

– Надеюсь на тебя, Хайнц! Значит, первую задачу запомнили. Скрытно, по сигналу, выходим на позиции. По схеме мы сейчас находимся тут, а это место вот здесь, – Винсхайм ткнул карандашом в заштрихованный овал на западном берегу Буга.

– Идти здесь недалеко, так что, надеюсь, доберёмся без замечаний. Далее, задача вторая. Форсирование реки. Опять-таки по сигналу, занимаем места в лодке. Согласно расчётам, одно отделение помещается в одну лодку. Поскольку посудины с мотором, на рулях будут находиться сапёры из 133-го полка. Они приданы нам только для переправы и с нами дальше не пойдут. В чём особенность этого этапа? Форсировать Буг, возможно, придётся под ружейно-пулемётным и

артиллерийским огнём противника. Если от артиллерии нас ничто не спасёт, то от огня противника противоядие есть. Для помощи и прикрытия района высадки, нам выделена 12-я пулемётная рота. Располагаться она будет на нашем берегу, вот здесь. Пулемётчики будут вести огонь не только по своим определённым целям, подозрительным местам на той стороне реки, но и по нашему целеуказанию. Для этого, каждый командир отделения имеет магазин с трассирующими пулями. Ещё по форсированию: река, вернее, – канал, – как вы видели, не очень широкая, в месте переправы всего 20-30 метров. Максимальная глубина, – около двух метров. Если кто окажется в воде – выбирается к тому берегу, до которого ближе.

– А кто не умеет плавать? – спрашивает Михаэль Кляйн.

– Тот мужественно тонет. Спасатели на этой переправе не предусмотрены. Хватайся за лодки, за плавающие обломки, кричи, – больше ничего посоветовать не могу. Кто ещё не умеет плавать?

Помимо Кляйна, руки подняли ещё трое: Рюдигер, Модель и, как ни странно, Лерман. Вот уж от кого не ожидал, – так это от него. Вот тебе и Викинг.

– Примите соболезнования, друзья. Если же говорить серьёзно, – то держитесь ближе к тем, кто умеет плавать: они помогут, в случае чего. Задача третья. Высадка. Поскольку, рассчитать какая из лодок окажется на противоположном берегу первой, невозможно, – то первые высадившие-

ся экипажи, в зависимости от обстановки, действуют так: если противник оказывает сильное сопротивление, – занимают оборону и прикрывают высадку остальных, по возможности расширяя плацдарм. Если сопротивления нет или оно незначительное, – передовые отряды стремительно продвигаются вперёд вот в этом направлении. Вновь переправившиеся, устремляются за ними следом. Лодки отходят к своему берегу и производят погрузку и переправу второй волны атакующих. Хочу отметить, что левее нас, рядом с разрушенным мостом, реку будет форсировать наша 11-я рота. После переправы, она должна наступать вдоль вот этой дороги, что проходит по центру Западного острова. Обращаю на это внимание во избежание «дружественного огня».

Далее. Пересекаем, вот здесь, мост через Буг, в районе Тереспольских ворот, и врываемся на центральное укрепление. По данным разведки, центральное укрепление представляет собой кирпичную кольцевую казарму. Основное назначение: проживание личного состава. Для обороны эти жилые помещения мало приспособлены. Поэтому, проблем с их взятием возникнуть не должно. Задача первой штурмовой группы, – захват Северного моста и прилегающего участка, на схеме он находится вот здесь. Задача второй, нашей, штурмовой группы, – захват господствующей над территорией центрального укрепления церкви. На схеме она расположена вот здесь. Церковь представляет собой кирпичное сооружение сложной архитектуры, высотой в два этажа. По

периметру обоих этажей имеются окна, есть несколько входов. Точное их расположение неизвестно. На настоящий момент, церковь превращена большевиками в клуб. Внутренне расположение помещений также неизвестно. Задача третьей штурмовой группы, – захват здания Инженерного управления, что находится вот здесь, рядом с Холмскими воротами. Со стороны Южного острова к этим воротам подойдут парни из 133-го полка. 11-я рота подавляет оставшиеся очаги сопротивления на центральном укреплении, сортирует пленных и разбирает трофеи. Первый батальон, в это время, разбирается с Северным островом. Мы соединяемся с ним и выходим к центральному вокзалу Бреста. Если всё пройдёт гладко, то к обеду мы уже всё закончим, – заключил, откинувшись на стуле, Винсхайм, глядя на схему крепости, – У кого есть вопросы?

– Какое количество войск у противника? – поинтересовался Викинг.

– Точно неизвестно, но не более пяти тысяч на всю крепость.

– Ничего себе! – в изумлении присвистнул Рюдигер.

– Многие части у большевиков сейчас выведены в летние лагеря, – проигнорировав реакцию Отто, продолжал Винсхайм, – В казармах остались, в основном, тыловые службы, так что серьёзного сопротивления вряд ли можно ожидать. К сожалению, точного расположения войск большевиков мы не знаем. Надеюсь, после артподготовки количество их сол-

дат, как и желание к сопротивлению, здорово уменьшится, – криво усмехнулся Винсхайм.

– Раз нам поставлена задача захватить и удерживать церковь, то патронов предлагаю взять побольше, – предложил Лерман.

– Мысль здравая, – согласился Курт – Мне тоже кажется, что одного боекомплекта может не хватить.

– Да там и одного много, – дел-то всего до обеда пострелять! – выступил наш штатный лентяй Рюдигер, который не любил таскать тяжести.

– Как оно повернётся, – никто не знает. Так что, возьмём с запасом, – оборвал его Винсхайм.

– Вообще, по снаряжению: газбаки и ранцы с мыльно-рыльными принадлежностями оставляем здесь, под охрану Кепке. Лишний груз нам ни к чему. Берём только фляги с водой и сухарные сумки. Провизию и боеприпасы, – по максимуму, но размещаем их так, чтобы не мешали при стрельбе и беге. На подготовку даю час, потом строимся и проверяемся. Разойдись!

На кителе немецкого солдата М40 имеются четыре прекрасных наружных кармана, куда, оказывается, влезает много полезных вещей. И это помимо внутреннего кармана, в который помещаются два индивидуальных перевязочных пакета. Лично я распихал по карманам 4 банки сардин, 6 пачек галет, 2 плитки шоколада и 4 гранаты М39 – яйца. В сахарной сумке, помимо восьми пачек 7,92x57 патронов, пре-

красно поместились ещё 2 банки сардин, 4 плитки шоколада и 6 пачек сигарет.

Волевым решением командиров, было принято решение взять с собой ящики с патронами: по одному на штурмовую группу. Носить их поручили миномётному расчёту, который остался без своего 50-мм миномёта, чьё использование в условиях боёв в зданиях было признано нецелесообразным. Так у нас появилась группа боепитания, которая, помимо своего боезапаса к Kar98k, носила ещё и общественные патроны. Ящиков-укупорок на выбор было три вида: на 900, 1035 и 1500 патронов. Естественно, был выбран третий вариант: роскошный деревянный ящик с ручками на две персоны, весом 45 кг. Грубер с Хофманом несут этот ящик, а их командир, унтер-офицер Мюллер, охраняет подчинённых со своим МП-40. Изобретение было тут же опробовано и признано пригодным к боевому использованию.

Ближе к ночи выяснилось, что с нами идёт и командир роты вместе со своим посыльным и денщиком. Помимо него, в нашу штурмовую группу вошли два радиста: гефрайтеры Тухель и Кюхлер.

Тем временем, на улице окончательно стемнело. Наконец, суета улеглась: перестали бегать посыльные, снова туда-сюда солдаты. Люди сидят, устало привалившись спинами к стенам. Ждём.

21:00. Слышно, как поднялась и выходит 12-я рота из дальних казематов. Самые любопытные выбегают посмот-

реть в коридор: что там? Но ничего интересного не происходит: видно только как пулемётчики, нагруженные ящиками, станками, лентами, по-одному выбираются наружу и пропадают в темноте. Логично, что они идут раньше: ведь им нужно ещё успеть занять позиции для обеспечения переправы. Оживление, вызванное уходом пулемётчиков, спало, и в каземате вновь наступила тишина. Незаметно для себя, я даже задремал.

Проснулся оттого, что все вокруг вдруг зашевелились, заходили. Команды не слышал, но понял: началось. Взглянул на часы: 22:00. Ну что же, наша очередь. Сейчас выходит первый взвод. Через несколько минут, – мы: в колонну по-одному, гуськом, выскальзываем из казематов. Снаружи тепло, тихо, всё залито лунным светом. Несмотря на то, что довольно светло, дистанцию держим практически на расстоянии вытянутой руки. Вдруг, впереди идущий Викинг приседает, а затем и ложится на землю. Что это он? Замечаю справа от себя фигуру, – она машет рукой: вниз, вниз! Послушно опускаюсь на тёплую землю. Дальше, – ползком. Уже близко. Сзади пыхтит Эмиль. Молодец, не отстаёт. Ничего не видно, – только подошвы сапог Викинга впереди. На них и ориентируюсь, стараясь не отстать. Потеряешься тут, – позора не оберёшься. Думаю, у Райзингера сзади мысли точно такие же. Викинг меняет траекторию, – вроде как, теперь ползём в гору? Наконец, Лерман останавливается и машет мне рукой, – мол, давай ко мне. Подползаю ближе, Викинг шепчет:

– Всё, на месте, давай следующего.

Я киваю, оглядываюсь назад и тоже машу рукой Райзингеру. Подползает. Копируя Лермана, шепчу в ухо Эмилию:

– Всё, на месте, давай следующего.

Тот разворачивается и так же машет рукой. Процесс повторяется. Оглядываюсь по сторонам: лежу почти на гребне невысокого вала, а передо мной, буквально в нескольких метрах, катит свои воды серебряная от лунного света река. Несколько редких кустиков практически не препятствуют обзору. Смотрю на противоположный берег: там тишина, ни огонька. Кустов у них гораздо больше. Под каждым, между прочим, может лежать зоркий пограничник в зелёной фуражке и с биноклем, который вполне может видеть меня сейчас. От этой мысли чувствую себя очень неудобно. Сколько я уже дней в шкуре немца? Пять? Шесть? А так до сих пор и не знаю, – что делать дальше? Плыву по течению, надеюсь на случай да авось. Вот и приплыл...

Часть II Церковь Святого Николая

Глава 1

Ожидание выматывает. Тем более, – когда тебе нельзя особо ни пошевелиться, ни поговорить. Ещё роса эта, шайзе! Китель впитывает влагу и потихоньку намокает, а лежать в мокрой одежде ночью на сырой земле вредно, – мне мама говорила. Короче говоря, организм начинает потихоньку потряхивать. Озноб это от холода или просто меня колбасит от волнения в преддверии атаки, – понять не могу. Скорее всего, причиной являются оба этих факта. Слева от меня, буквально в метре, расположился Викинг. Вы только посмотрите на это: положив руки на пулемёт, обер-гефрайтер Лерман спит! Во даёт! Ну и нервы у него! Хотя, что тут странного? Викинг ветеран, в отличие от нас с Райзингером. Эмиль лежит справа и ему явно не до сна, как и мне: то поправит каску, то передвинет на несколько сантиметров свой «Patronenkasten», затем вернёт всё обратно... Нервничает парень. Да уж, правду говорят: нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Это я ещё Отто не вижу, – тот, наверное, вообще весь извёлся.

Сколько там у нас натикало? Не успел я поднести циферблат наручных часов поближе к глазам, как небо сзади по-

лыхнуло и раздался дикий вой стартующих ракет «Тумано-мётов». С испуга, я воткнулся лицом в траву, зажмурив глаза. К вою ракет присоединился грохот орудийных выстрелов. Оправившись от неожиданности, я вновь приподнял голову. Ракеты огненными кометами пролетали над нашими головами туда, где безмятежно спала старая русская крепость... Раз! Два! Три! Четыре! – на моих глазах на противоположном берегу, где-то в центре острова, один за другим выросли султаны поднятой взрывами земли! Не успели они лениво опасть, как по ушам больно ударил звук их разрывов, слившись в сплошной грохот. Вал, на котором мы лежали, кажется, подпрыгнул на пару сантиметров. Деревья и кусты на том берегу прижало сильнейшим порывом ветра, взрывная волна докатилась и до нас. Мать моя женщина! Я мгновенно сполз назад с гребня вала, чтобы не находиться в опасной близости от бьющих в лицо воздушных волн. Охренеть! Что же творится сейчас ТАМ, где грохочут взрывы и в небо взмываются огромные языки пламени?! На той стороне небо тоже озарилось, но это был свет от начинающих разгораться пожаров. Земля содрогалась. Отдельные взрывы было уже не различить. Гул, свист, вой и грохот слились в одну сплошную адскую какофонию звуков. Я оглянулся по сторонам. Викинг и Эмиль тоже спустились с вала. Лерман лежал, озираясь по сторонам и прикрывая пулемёт от упавших пару раз рядом с нами комьев земли с того берега. Райзингер просто уткнулся носом в траву и заткнул уши руками.

Сзади и чуть правее нашей позиции, метрах в 100, куда-то в сторону крепости ведёт огонь 88-мм пушка. Эта та самая, которую прислали к нам на усиление, – соображаю я, – тогда, у лесопилки. А где же вторая, маленькая? Ага, вот и она: стоит чуть левее «восемь-восемь», но не стреляет, – стволы направлены в небо. Видимо, прикрывает от налёта советской авиации. Ну-ну, удачи её дожидаться. Артподготовка не прекращается и не ослабевает ни на минуту.

Наконец, решаю довести начатое дело до конца и смотрю на часы: 3:22. Хм, странно... Я же точно помню, что «22 июня, ровно в 4 часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Хотя, Киев, может быть, и будут через сорок минут бомбить, – до него ведь ещё долететь нужно. Кстати, не слышу гула самолётов. Смотрю на небо, – и не вижу их тоже. Пока вертел головой, чуть не пропустил команду «приготовиться!», пролетевшую по цепи. Из-за наших спин вынеслись сапёры, несущие на руках лодки. Чуть не наступив на меня, они промчались мимо и перемахнули через вал. Тут же раздались свистки, в грохот разрывов вплелась человеческая речь и треск пулемётных очередей.

– Второе отделение, за мной! – заорала вскочившая в нескольких метрах левее меня и размахивающая МП-40 фигура. Из-за шума я даже не сразу узнал голос нашего унтер-офицера Винсхайма.

– Подъём, парни! – подхватил Викинг.

Ну, подъём – так подъём. Легко вскочив на ноги, я под-

хватил коробки с лентами и понёсся вниз по склону, – к реке. Хотя, нестись, – слишком громко сказано. До Буга тут было всего метров пятнадцать. Рраз – и мы на берегу. Сапёры удерживают лодки, стоя по колено в воде. На берег от борта кинуты доски-сходни. Вот и наше плавсредство, – стоящий рядом Винсхайм торопит с погрузкой. Так, всё по плану: сначала пулемётчики, то есть мы, пробегаем на нос лодки, где Викинг сразу же изготавливает свой MG-34 к стрельбе. Мы с Эмилом рядом: как и положено, он – справа, я – слева. Затем грузятся остальные солдаты во главе со старшим стрелком, обер-гефрайтером Моделем. Замыкающий, – командир отделения, унтер-офицер Винсхайм.

Как там всё проходит за нашими спинами, – я не вижу. Мы жадно вглядывается в противоположный берег: Викинг через прицел, мы с Райзингером, – невооружённым, так сказать, взглядом. Там, по-прежнему, бушует огненный вихрь. Траву и прибрежный кустарник как будто бы ветром пригибает к земле, – такова сила разрывов, взметающихся один за другим на той стороне. По воде идёт крупная рябь, прилетающие сверху камни и комья земли барабанят по реке, оставляя круги в месте своего падения. Такое ощущение, что идёт дождь. Еле слышные на фоне общего шума, заработали слева и справа запускаемые лодочные моторы. Наша лодка тоже вздрогнула, по корпусу пошла лёгкая вибрация.

Хм, раньше я думал, что всё тогда выглядело иначе и через Буг немцы переправлялись исключительно на резиновых

лодках и вёслах. А тут, вполне себе неплохие деревянные большие посудины, да ещё и с мотором. Всё это ради того, чтобы проплыть каких-то 20 метров реки. Стоит ли овчинка выделки? Хотя... Насколько я понимаю, при расчётах учитывалось, что к моменту форсирования, многие огневые точки могут оказаться неподавленными. В таком случае, скорость доставки солдат на противоположный берег действительно будет иметь решающее значение. Кстати, ещё неизвестно как сейчас всё пройдёт. Может, только отойдём от берега, – и полоснёт по нам из тех вон кустов длинной очередью русский пулемёт. От таких мыслей я поёжился и невольно подался вправо, – хоть немного спрятаться за широкой спиной Викинга.

Господи, сколько ещё нам тут ждать и вглядываться в темноту? Помнится, на инструктаже Рауш говорил, что артиллерия через какое-то время перенесёт свой огонь дальше от берега, вглубь позиций большевиков. И тогда мы пойдём вперёд, вслед за этим огневым валом. Сколько же ещё это будет продолжаться? Да там уже и живых-то не осталось, после такой артподготовки! Мне показалось или действительно огонь начал стихать? Не успел я обдумать эту мысль, как раздались пронзительные свистки унтер-офицеров, а сразу вслед за ними взревели лодочные моторы: началось! Наша лодка медленно приподняла нос и мы, плавно набирая ход, помчались вперёд, туда, где содрогалась в огне и пожарах Брестская крепость...

С той стороны, – ни выстрела. Тишина. Слева и справа, куда позволяет кинуть взгляд ещё не рассеявшаяся темнота и наползающий с острова дым, идут наши лодки. Переправа начата. Кусты и деревья всё ближе. Наконец, наша лодка мягко ткнулась носом в берег, проползла с метр по траве и остановилась. Приехали. Первым стартует Викинг, подхватив свой пулемёт, за ним выпрыгиваем и мы с Эмилом. Пробежав с десятков метров и петляя при этом, как заяц, Йенс падает рядом с кучей битого кирпича.словно две тени, плюхаемся с Райзингером рядом. Сбросив со ствола ленту, Викинг изготавливается к стрельбе. Смотрю вперёд – вроде бы, никого. Перевожу дыхание, оглядываюсь назад. Между деревьями мелькают плохо различимые фигуры солдат. Они укрываются за деревьями, падают на землю, вскакивают, бегут снова. Слышу, как звенят лодочные моторы, – пошли за второй волной. Слева неожиданно вспыхивает стрельба, но тут же прекращается. Викинг лежит на позиции, поводя стволом влево-вправо. Никого. Видимость, – метров 20. Несмотря на начинающийся рассвет, всё ещё темно. К природной темноте примешивается и дым, с висящей в воздухе пылью.

Вновь раздаются свистки и команды: вперёд! Всканиваем и бежим дальше. На этот раз поворачиваем направо и следуем вдоль реки, перескакивая через поваленные деревья и воронки. Слева от нас вал, по его гребню продвигается первое отделение, мы внизу, справа. Рядом с нами движется третье

отделение. Четвёртое, во главе с Раушем держится пока сзади. Они – резерв. Всего этого я, конечно, не вижу, – просто таков был план атаки и пока мы его, вроде как, придерживаемся. С той стороны вала должны следовать остальные штурмовые группы. Первая промежуточная задача, – добраться и занять Тереспольские ворота. Там все и встретимся. Пока сопротивления не встречаем, – в полосе нашего наступления никого нет. Справа шумят моторные лодки, – какое-то подразделение, обгоняя нас, идёт по реке. Слева, за валом, периодически вспыхивает перестрелка. У нас тихо. Наткнулись на какие-то окопы: пусто, бежим дальше.

Вал слева кончился, из-за него показались полыхающие постройки и бегущие параллельно с нами другие штурмовые группы. Земля тут основательно перепахана взрывами, от дыма пожаров першит в горле. Буквально через несколько метров, наткнулись на первого убитого русского солдата. Он лежал на краю воронки ничком, в одних галифе и синей майке, без сапог. На спине расплылось огромное бурое пятно. Слева ржали лошади, – судя по всему, эти длинные приземистые здания, которые сейчас жарко полыхали, были конюшнями. Неожиданно, впереди, со стороны какого-то также горящего домика, раздалась беспорядочная и довольно-таки плотная ружейно-пулемётная стрельба. Мы, как подкошенные, падаем на землю. Лежавший рядом Викинг, запыхавшийся от быстрого бега, замечает:

– Вспышек не видно, пули не свистят. Сдаётся мне, что

это не по нам бьют.

– Каких вспышек? – туплю я, жадно глотая ртом воздух и пугливо посматривая в сторону горящего домика.

– От выстрелов, Макс, от выстрелов.

– Вперёд! – закричал где-то рядом Винсхайм.

Несколько фигур поднялись и, пробежав несколько шагов, упали.

– Давай! – выдохнул в мою сторону Викинг и поднялся на ноги.

Я вскочил, и мы бросились вперёд. Так, перебежками, добрались до этого горящего здания, из которого доносилась беспорядочная стрельба.

– Тьфу ты! – сплюнул в сердцах Винсхайм, заглянув внутрь, – это в ящиках патроны горят. Пошли дальше, – вперёд, вперёд!

Через несколько шагов, наткнулись на группу испуганных русских с поднятыми руками. Одеты были кто во что, – некоторые солдаты вообще в одних длинных, до колен, трусах. Жмутся друг к другу, как цыплята. Оставили их стоять дальше, – пусть с пленными разбираются другие. Сейчас, пока большевики не опомнились, нам нужно взять Тереспольские ворота и ворваться в цитадель. Впереди несколько раз сверкнули вспышки, – по нам стреляли!

– Чёрт! – передо мной вскрикнул и упал Викинг.

– Йенс! Ты ранен? – плюхнулся я рядом.

– Вот дерьмо! – ещё раз выругался Йенс.

– Куда тебя?

– Всё в норме, Макс! Я просто споткнулся! – смеётся Лерман и выпускает несколько очередей в сторону мелькающих среди деревьев фигур.

Серьёзного сопротивления русские не оказали: на их пару неприцельных выстрелов мы ответили шквалом огня и враг, судя по всему, отошёл. Пробегая мимо горевших зданий, заметил на одном из них вывеску «Военторг». Что же, первая надпись на родном языке. По крайней мере, читать я не разучился и это радует.

Впереди, наконец, показалась громадина Терепольских ворот и мост перед ними. По мосту перебегают солдаты, идентифицировать принадлежность которых из-за недостаточной видимости я не могу. Поэтому опять залегает в готовности открыть огонь.

С Западного острова подтянулись первая и третья штурмовая группа, подошли парни из первых волн 11-й и 12-й рот. Я посмотрел на часы: с момента высадки минуло всего-то 15 минут! Мне казалось, что прошло часа два, – не меньше! Да, это будет долгий день...

Перед атакой Центрального острова, по-новому распределяются штурмовые группы. Голова кругом! План наступления откорректирован. Не знаю, кто принял такое решение: может быть, это приказ гауптмана Праксы? Тем не менее, теперь 10-я рота, как и её командир, обер-лейтенант Гренц, остаётся у Тереспольских ворот. Вся, кроме моего взвода,

который по-прежнему идёт внутрь Цитадели. Для второй штурмовой группы задача остаётся неизменной: занять церковь на Центральном острове. В качестве усиления, нам придётся сапёрный взвод под командованием лейтенанта Майера, и артиллерийский корректировщик, – лейтенант Хольц. Я думал, что командиром группы теперь назначат сапёра, так как он старше по званию, чем наш Рауш, но этого не произошло. Парадоксально: обер-фельдфебель командует лейтенантом. Впрочем, это не моё дело.

Тем временем, Рауш подал команду выдвигаться. Я опять взглянул на часы: 4 утра. Пулемётчики 10-й роты заняли позиции напротив моста, в готовности прикрывать нашу атаку. Несколько красноармейцев, неосмотрительно выскочивших на мост и попытавшихся перебежать на Западный остров, были мгновенно уничтожены. Расправившись с русскими, группа прикрытия открыла упреждающую стрельбу по окнам и амбразурам лежащего перед нами участка кольцевой казармы. Вдох-выдох, – понеслась!

Первая штурмовая группа устремилась через мост. Почти сразу за ней двинулись и мы. Задачи, – прежние. Первая группа овладевает Трёхарочными воротами и прилегающими участками казарм, после чего проходит мост и соединяется с первым батальоном на Северном острове. Наша, вторая группа, – захватывает церковь, контролируя самую высокую точку Центрального острова, а третья, – берёт Холмские ворота, занимает здания Инженерного управления и Белого

дворца. И, наконец, четвёртая штурмовая группа осуществляет удержание Тереспольских ворот и контролирует близлежащие территории.

Мы бежим по мосту. На деревянном настиле в беспорядке лежат трупы красноармейцев. Стараюсь не смотреть на них, – зрелище не из приятных. Внутри ворот никого, топот сапог гулко отражается от стен. А вот и двор цитадели. Крепость в дыму: такое ощущение, что горит всё. Сразу справа от ворот натыкаемся на какой-то дровяной склад под открытым небом. Он расположен перпендикулярно кольцевой казарме. Дров очень много: часть из них, конечно, раскидана взрывами, но большая часть на месте – в плотно уложенных поленищах. Из-за них не видно, что там делается справа, но мы пробегаем мимо, дальше. Направо выпало идти третьей группе, – они и посмотрят.

Нам предстоит пройти прямо, между вот этими двухэтажными строениями. Слева, – огромное здание, растянувшееся чуть ли не во всю ширину крепостного двора. Насколько я помню, – здесь располагаются казармы 333-го полка. Справа, – здание поменьше, середина его почти полностью разрушена взрывом. Здесь находится погранзастава. На дороге, между домами, среди битых кирпичей и воронок, в лужах уже покрывшейся пылью крови, валяются полуодетые трупы красноармейцев. Солдаты из первой группы, что бегут впереди нас, кидают в окна и подвалы зданий гранаты. Для профилактики, судя по всему, так как по нам по-прежнему

никто не стреляет. Гранаты глухо бухают внутри зданий, выбрасывая на улицу лёгкие облачка кирпичной пыли.

Бежим дальше. Как-то всё легко проходит, – до сих пор никакого сопротивления от Красной Армии. Да где же вы все, куда делись? Первая штурмовая группа продолжает движение в сторону Трёхарочных ворот вдоль кольцевой казармы, периодически стреляя и бросая гранаты в окна. Наша группа сворачивает за угол погранзаставы, оставляя казармы 333-го полка за спиной.

Перемахнув через ограду, натываемся на выстроенные русские пушки. Частично они уничтожены взрывами и огнём, частично повреждены. Не исключено, что остались и исправные орудия. Судя по всему, здесь располагался артиллерийский парк. Теперь окружающая местность больше похожа на лунный пейзаж: воронки, воронки, воронки. Деревья, что остались после обстрела, лишились своих крон, некоторые из них горят. Между ними мечутся какие-то фигуры: это ошалевшие от артобстрела русские. Они бегают в уже ставшим нам привычным, полуодетом виде. Рауш командует: взять! Модель, Рюдигер и ещё кто-то, кого я не разглядел, кинулись выполнять приказ. Особо не церемонясь, они прямо на ходу собрали красноармейцев в общую группу и погнали впереди себя, подбадривая бегущих пинками и прикладами.

Наконец, рассвело достаточно для того, чтобы видеть большую часть цитадели. За артпарком, слева, небольшое

здание, – бывший домик ксендза, сейчас здесь столовая комсостава. В плане атаки этого дома не значится, но оберфельдфебель Рауш быстро ориентируется и направляет на захват первое отделение. Чуть правее и дальше от столовой, высится белая громада церкви, переделанная большевиками в клуб. Мы уже практически у входа, – осталось только подняться по ступенькам. Сначала внутрь забегают пленные, за ними и их конвоиры. Мы с Викингом бежим чуть поодаль, настороженно прислушиваясь, – не донесётся ли из церкви стрельба? Но там всё спокойно: никакого сопротивления. Внутри обнаружили ещё несколько насмерть перепуганных красноармейцев. Как ни странно, они были полностью одеты, но без оружия. Оставив пленных под охраной пары сапёров, остальные солдаты быстро разбежались по церкви, обшаривая здание.

Внутри оказалось довольно чисто, если не считать выбитых стёкол и валяющихся на полу обломков деревянных рам. Кое-где от взрывной волны отлетела штукатурка, обнажив кирпичи и сбросив на пол белую пудру побелки. На стенах висят портреты советских руководителей. Не всех я знаю, но изображения Сталина и Тимошенко спутать ни с кем невозможно. В дальнем конце церкви, на небольшом возвышении, – алтарь. От зала он отделен огромным сводчатым проёмом с колоннами по бокам. Проём этот в верхней части перерегораживает какая-то сложная деревянная конструкция, её предназначение остаётся загадкой. Перед алтарём, на попе-

речной балке, висит абсолютно нетронутый экран, – видимо, в клубе показывали кино.

Осматриваюсь: слева и справа, отделенные широкими арочными проёмами, параллельно центральному залу, идут две галереи. Они берут своё начало от входа, причём каждая имеет свою собственную дверь, – мы их видели, когда забегали внутрь. Заканчиваются галереи перед алтарём, который как бы выпирает из церкви полукругом. В галереях есть окна: одно впереди и штук шесть сбоку. Расположены они примерно на уровне пояса, что, с точки зрения предстоящей нам здесь обороны, довольно удачно. Единственное, что плохо, – это то, что, в случае захвата дверей или торцевых окон, противник сможет продольным огнём простреливать как обе галереи, так и часть большого зала церкви. Окна «второго этажа» нам недоступны, потому что расположены слишком высоко и являются, по сути, световыми. Все, за исключением трёх окон на хорах: одного огромного, с видом на казармы пограничников и здание 333-го полка, и двух по бокам. Лестница на хоры, – в «предбаннике», сразу за входной дверью направо. Она одна и довольно узкая, – забраться по ней наверх сразу вдвоём не получится. Откладываю этот факт в голове, – пригодится. Вроде бы, всё: на первом этаже, кроме заставленного скамьями кинозала, неизведанного больше не осталось. Зато, недалеко от входа, Рюдигер наткнулся на узкую лестницу, ведущую вниз.

– Господин унтер-офицер! Тут какой-то проход! – закри-

чал он Винсхайму.

Курт не успел ещё отойти далеко, поэтому, долго его звать не пришлось.

– Что ты там такое нашёл, Рюдигер? – Винсхайм подошёл ближе.

– Вот, – Отто ткнул вниз стволом карабина и повторил, – здесь какой-то проход!

– Похоже, это спуск в подвал. Нужно его осмотреть! – Винсхайм поудобнее перехватил свой МР-40 и кивнул Рюдигеру в сторону лестницы:

– Давай! Вперёд!

– Куда вперёд? – включил дурака Отто и шагнул назад, бросив на командира отделения недоумённый взгляд.

– Туда, Рюдигер! Вниз! В подвал!

– Так там темно...

– И страшно, – произнёс я зловещим голосом.

– Может, лучше туда гранату бросить? – Отто с надеждой смотрел на унтер-офицера.

– Брось, – согласился Винсхайм, – а потом за ней, – вперёд! Я, – за тобой, пулемётчики следом, – он кивнул на нас.

– Бросить, – и сразу туда? Мне? – переспросил Отто.

– Тебе, Рюдигер, тебе! – стал быстро раздражаться Винсхайм, – только не сразу, а после разрыва гранаты. Давай!

– Да... Я... Я сейчас...

Отто несколько раз шумно выдохнул, словно готовясь прыгнуть в воду с большой высоты.

– Бойся! – заорал Винсхайм, выдёргивая запальный шнур у М-24, и кидая гранату вниз.

Рюдигер застыл в напряжении. Волнуется парень. Пока горит замедлитель гранаты, – нужно его приободрить, поэтому я вылезаю из-за спины Викинга, сжимаю кулак и кричу Рюдигеру:

– Давай, Отто! А мы за тебя потом отомстим!

Рюдигер смотрит на меня дикими глазами, но поблагодарить за поддержку уже не успевает, – в подвале разрывается граната и Винсхайм с криком «пошёл!» подталкивает Отто к лестнице. Тот, в лучших традициях Чарли Чаплина, делает два неуклюжих быстрых шага вперёд и, взмахнув на прощание ногами, падает вниз. К счастью, карабин, который до боли в пальцах сжимал наш агрессор, не дал Отто достичь дна, встав поперёк узкого прохода. В возникшей тишине был слышан лишь весёлый металлический перестук каски старины Рюдигера, которая, ударяясь о ступеньки, решила всё-таки добраться до подвала. Как я уже говорил, немецкий язык довольно скуден на выражение эмоций, если сравнивать его с русским. Поэтому, можно считать, что, перешагивающий через тело своего подчинённого, Винсхайм скромно молчал.

Мы с Йенсом и Эмилем спустились вслед за командиром отделения, оставив грозу подвалов вставать самостоятельно. Внизу было темно, так что пришлось зажечь свои фонари. Света они давали не то чтобы много, но на пару метров хватало. Кирпично-побелочная пыль, поднятая разрывом гра-

наты, ещё не осела, поэтому видимость здесь близка к нулю. Нужно двигаться дальше. Винсхайм идёт первым, выставив ствол автомата вперёд и настороженно вслушиваясь в темноту. За ним, в паре метров, – Викинг с пулемётом наперевес, потом Эмиль с карабином. Замыкаю группу зачистки я, сжимая в руке свой «Люгер Р-08», он же Парабеллум. Где-то сзади кряхтит и чертыхается Рюдигер. Пока всё спокойно: кроме посечённых осколками стен, больше от М-24 никто не пострадал. Пройдя небольшой тамбур, мы добрались до самого подвала. Кстати, всё здесь, начиная от лестницы в подzemелье и заканчивая сводчатым потолком, – сделано из красного кирпича. Из такого же, что и здания кольцевых казарм. Выглядит это, особенно в жёлтом бегающем свете наших фонарей, просто потрясающе. Винсхайм останавливается, высвечивая широкий стрельчатый проём перед ним:

– Это проход дальше. Кидаю гранату, – и заходим. Йенс, прикрой!

Викинг смещается чуть правее, чтобы Курт не оказался на линии огня. Эмиль, как тень, следует за Йенсом. Мне остаётся только шагнуть влево, для симметрии. Подсвечиваю себе фонариком, и в этот момент луч выхватывает из темноты ещё один дверной проём, забранный решёткой. От неожиданности вздрагиваю:

– Здесь тоже проход!

Мы, не сговариваясь, замираем на месте. Викинг медленно направляет свет фонаря вправо и высвечивает точно та-

кую же решётчатую дверь.

– Так, всем стоять! Осмотреться по сторонам! – командует Винсхайм.

Светим фонарями. Мощный сводчатый потолок, метро-вые стены, – пробить такую защиту не каждому снаряду или авиабомбе под силу. Итак, мы находимся в большом отсеке, из которого есть четыре выхода. Через один из них, тот, что сзади, мы зашли. Перед нами ещё три: один ведёт прямо, два в стороны. Нас четверо, разделяться опасно. Нужно больше людей, иначе мы эти подвалы никогда не проверим. Винсхайм как будто читает мои мысли:

– Ланге! Давай наверх, собирай отделение и всех сюда! Раушу доложишь, что нужны люди для осмотра подземелий!

– Есть собрать отделение и доложить командиру взвода! – я развернулся к выходу, убирая в кобуру пистолет. В тамбуре высветил идущую мне навстречу по стеночке фигуру Рюдигера.

– О, подкрепления в пути! Ты чего это на ощупь, Отто? Где твой фонарь?

– Ох, – горестно вздохнул Рюдигер, – фонарь мой того, разбился... И это, Макс, посвети: я кажется, у карабина ствол погнул...

– Да ладно? – засмеялся я, – неужели погнул? Извини, дружище: вернусь, – заценю! А ты иди вон туда, видишь? Где фонарики мерцают. Тут недалеко. Там тебе сейчас Винсхайм и посветит, и ствол выпрямит...

После подвальной темноты, полумрак церкви казался слепящим ксеноном. Вроде бы и пробыл внизу всего ничего, а глаза режет. Вокруг царит деловая суета: тут солдаты перебегают, занимая позиции у больших стрельчатых окон, здесь тащат скамью, там прикладами выбивают остатки оконной рамы, мешающие стрелять. Оглядываюсь по сторонам, но ни Рауша, ни офицеров не вижу. Ладно, пока соберём своих. Сложив руки рупором, кричу:

– Второе отделение второго взвода, ко мне!

Никакой реакции. Повторяю клич. Ага, вот они где. Подходят наши стрелки во главе с обер-гефрайтером Моделем. Все здесь: Краузе, Кляйн, Келер, Нойманн. Не успеваю и рта раскрыть, как вспыхивает ожесточённая стрельба со стороны Трёхарочных ворот, – оттуда, куда ушла первая штурмовая группа. Мы, не сговариваясь, бросаемся к окнам. За это утро я уже немного на слух научился определять: из чего ведётся огонь. Так вот, в данный момент, у Трёхарочных стреляли только немецкие карабины и пулемёты. Что там сейчас творится, – видно плохо: мешают деревья и дым. Скорее всего, первая штурмовая группа заняла ворота и оседлала мост. Может быть, даже встретилась с первым батальоном на Северном острове. Так что у них всё идёт по плану. Впрочем, у нас пока тоже без замечаний. Церковь взята, потерь нет.

Там, откуда мы входили на Цитадель, – у Тереспольских ворот, – тишина. Значит, на том участке противник ещё не пришёл в себя от артобстрела. Как и в районе Холмских во-

рот и Инженерного управления. Нет, редкие выстрелы по крепости слышны, но организованного сопротивления пока не наблюдается. На данный момент имеем полное превосходство немцев в инициативе.

Тут же, как бы опровергая мои рассуждения, раздался дружный залп со стороны Холмских ворот и, почти сразу же, мы услышали знакомое русское «Ура!» Что это? Атака?! Бежим теперь к окнам на противоположной стороне церкви. От ворот, сквозь дым, гарь и деревья, показались бегущие в нашу сторону солдаты из третьей штурмовой группы. За ними, буквально по пятам, гнались красноармейцы, которых было очень много. Полуодетые, грязные, вооруженные кто чем, с перекошенными в яростном крике ртами, – выглядели они жутко. Теперь понятно, почему все боялись сталкиваться с русскими в рукопашной! Силища! Мурашки по телу. Думал, что испытаю гордость за наших прадедов, но, вместо этого, меня охватила паника. Атака выглядела реально страшно. Я видел, как невысокий коренастый русский с размаху вонзил длинный иглообразный штык в живот унтер-офицера, который пытался отстреливаться из своего МР-40. Немец мгновенно согнулся пополам, но тут, бежавший следом за коренастым, красноармеец взмахнул прикладом винтовки, разбивая врагу лицо и опрокидывая того навзничь. Схватка распалась на несколько отдельных эпизодов и мы, как замороженные, наблюдали, как убивают наших камрадов. Вот здоровенный, полуголый азиат нагнал убегающего от него в па-

нике гефрайтера, свалил того с ног и стал рубить сапёрной лопаткой. Боже мой! Даже не хотелось думать что будет, когда эти ребята добегут до нас. В горле сразу пересохло. Я замер в оцепенении, не в силах отвести взгляд от разворачивающегося передо мной побоища.

Однако, далеко не все пребывали в таком состоянии, как я. Пулемётчик из первого отделения, обер-гефрайтер Иоахим Ройс, хотя и не носил прозвище «Викинг», но в данной ситуации повёл себя абсолютно хладнокровно. Оценив ситуацию, он рывком выставил пулемёт на широкий подоконник и стал прицельно садить короткими очередями по красноармейцам, отсекая их от солдат вермахта. Звук его MG как будто встряхнул нас и заставил вспомнить, что мы всё-таки солдаты, причём вооруженные. Слева и справа захлопали винтовки, заработал ещё один наш пулемёт. Мне со своим пистолетом и идейными убеждениями тут делать было нечего, поэтому я просто смотрел на происходящее. Стреляли многие: даже рядовой Грубер. Иоганн довольно-таки шустро приладил к плечу винтовку, на мгновение выглянул в оконный проём и выстрелил в направлении бегущих русских. Спрятавшись и перезарядив оружие, он выстрелил ещё раз. Вот уж от кого не ожидал такого поведения, – так это от Грубера. Вроде бы увалень и тугодум, а в бою не растерялся.

Тем временем, обстановка во дворе поменялась. Часть немцев, по-прежнему, бежала к нам, в церковь, а часть повернула назад, к Тереспольским воротам. Некоторые забега-

ли внутрь кольцевой казармы, пытаюсь укрыться от яростной контратаки русских. Количество немецких солдат, мчащихся в нашу сторону, неуклонно уменьшалось. Из окон церкви палили уже, кажется, все. Отсечь русских, наконец, удалось: они уже больше не преследовали убегающих. От этого, правда, было не сильно легче, – красноармейцы залегли и стали стрелять в ответ. Огонь их был не точным, но звук пролетающих и откалывающих куски кирпича пуль нас здорово нервировал. До церкви добежали немногие, – всего человек восемь. Среди них оказались и мои старые знакомые: Беккер и Бауман. Они обессилено привалились к стене, как только перемахнули через оконные проёмы, и теперь дышали, будто загнанные лошади, жадно хватая ртами воздух.

– Боже! – задыхаясь, просипел Бауман, – никогда в жизни так быстро не бегал! Русские свиньи!

– Проклятые русские! – тяжело отдуваясь, вторил ему Беккер, – Азиатские варвары!

Тем временем, поняв бесперспективность дальнейшей перестрелки на открытой местности с хорошо укрывшимся в церкви противником, красноармейцы отступили в кольцевую казарму.

Внезапно, у Тереспольских тоже началась стрельба. Сдается мне, что до полениц добежали остатки третьей штурмовой группы, а четвёртая отсекает преследующих их красноармейцев. По крайней мере, у ворот солируют только наши MG. Неожиданно, в перестрелку вступил русский пуле-

мёт Максима, поддержанный несколькими винтовками. Он бил длинными очередями и с непонятной лёгкостью заткнул MG. Буквально полминуты, – и стрельба прекратилась. Интересно, – что там произошло? Отсюда не видно, а связи с группой у Тереспольских у нас нет. Впрочем, пока ясно одно: судя по всему, обратно уже не пройти, – гарнизон оправился от шока после внезапного артобстрела и начинает оказывать сопротивление.

В зале появились лейтенант Майер и обер-фельдфебель Рауш, которому я сразу же доложил обстановку в подвалах и передал просьбу Винсхайма о подкреплении. Взводный согласился и высказал мысль, что одного отделения будет мало. Тут Майер неожиданно проявил инициативу, предложив в качестве усиления взять своих сапёров, на что Рауш охотно согласился. На том и порешили. Пока лейтенант собирал личный состав, мы со стрелками отправились вниз, к Винсхайму.

Прогресса в осмотре подвалов ожидаемо не было. Курт решил не рисковать и не соваться вчетвером в темноту подземелья, даже имея Отто с винтовкой, приспособленной им для стрельбы из-за угла. Зато, как я понимаю, всё это время наш командир отделения изливал свои чувства рядовому Рюдигеру. Вряд ли Отто услышал что-то новое, но вид имел виноватый и раскаявшийся. Кстати, винтовку он не погнул, а просто оторвал ей кольцевую мушку. Коротко обменялись новостями: мы рассказали про стрельбу наверху, нам пове-

дали о тишине в подвалах. Похоже, что здесь никого нет, но это не точно. Сейчас проверим.

Подошёл лейтенант Майер со своими сапёрами, в отсеке сразу стало тесно. Распределили направления: нам досталось центральное. Гранаты договорились не использовать, во избежание накрытия своих. Тут же оказалось, что народу для предстоящего мероприятия очень уж много: вполне хватило бы на каждый проход по две пары солдат плюс группа огневой поддержки за спиной. Кое-как распределились и пошли. Винсхайм пустил вперёд Рюдигера с фонарём, как приманку. Остальные двигались сзади в темноте, в готовности отомстить за Отто. Мы прошли весь подвал, но никого не обнаружили. Зато ознакомились с подземной архитектурой. Центральный проход состоял из пяти больших отсеков. Первые два решили использовать как временное укрытие для солдат при возможных артобстрелах или бомбардировках. Боковые коридоры образуют с одной стороны глухую стену, а с другой, – небольшие, похожие на тюремные камеры, изолированные отсеки. Большинство помещений пусты, и не имеют ни дверей, ни решёток. Только в одном из них мы нашли полный набор различных транспарантов с лозунгами типа «Да здравствует Революция!» и «Вся власть – советам!» Эх, даже сердце защемило от ностальгии. Помню, как ходил с отцом в детстве на демонстрации: народу много, колышутся транспаранты и красные знамёна, все весёлые, ощущается единение масс... Это потом уже узнал, что веселье разливается на

троих, а выход в свой выходной на демонстрацию, – добровольно-принудительный, под зоркими очами начальства. И, тем не менее...

Пленных, а их набралось целых 12 человек, загнали в один из маленьких отсеков правого бокового коридора, заперли и выставили часового из сапёров. Ну, вроде бы всё, можно и передохнуть. Только я об этом подумал, – в подвал врывается Студент:

– Парни, тревога! Рауш вызывает! Через несколько минут начнётся атака второй волны батальона: гауптман Пракса выходил на связь по рации. Просит поддержать его огнём.

Вот и передохнули. Выбегаем в зал, там уже распоряжается взводный. Завидев нас, Рауш говорит:

– Все к окнам! Лерман, давайте наверх, Штубе покажет куда! Поставишь там пулемёт!

Йенс кивает и мы бежим за Студентом на хоры, точнее, – в будку киномеханика. Показав позицию, Герхард убегает вниз.

Небольшая комнатка с сорванной с петель дверью. На столе, по центру, стоит кинопроектор, на стеллажах, – жестяные коробки с плёнкой. Валяются простенькие, тушью от руки написанные афиши. Читаю: «Руслан и Людмила», «Цирк», «Случай на полустанке». Отодвинув в сторону стол с проектором, выглядываю в небольшое окошко, – так и есть, внизу зрительный зал, у окон которого занимают сейчас позиции стрелки нашей группы. На противоположной стороне ком-

наты располагается одно огромное окно, почти от пола и до самого потолка. Хрустя сапогами по битому стеклу, Викинг с Эмилом срывают с карниза тяжёлую красную портьеру, закрывающую обзор. Поддавшись усилиям, она, наконец, падает на пол, поднимая целое облако пыли.

Пригнувшись, вглядываемся в открывшуюся нашим взорам панораму. Видимость, – изумительная, просматривается вся западная часть Центрального острова. Окно удачно выходит на здание погранзаставы и расположение 333-го стрелкового полка. От них нас отделяет небольшой сквер, спортплощадка и артиллерийский парк, через который мы бежали буквально полчаса назад. Слева обзор ограничен Тереспольскими воротами, справа – участком кольцевых казарм. Чуть сбоку – столовая комсостава, где сейчас должно находиться первое отделение унтер-офицера Шойнемана. Очень сильный пожар разгорается справа, в кольцевой казарме. Если смотреть прямо, – за зданием 333-го полка тоже что-то чадит со страшной силой. Похоже, горят автомобильные крыши. Сквозь чад видны остовы грузовиков. Крепость в дыму.

Викинг ложится на пол и устанавливает пулемёт. Мы пристраиваемся рядом. Где-то, в районе погранзаставы, периодически постреливает пулемёт Максима. К нам присоединяются лейтенант Хольц с биноклем и Рауш с ракетницей. Интересно, куда они потеряли Майера? Арткорректировщик молчалив и сосредоточен, взводный, – наоборот, возбуждён.

Над Тереспольскими воротами взвивается белая ракета. Рауш выстреливает такую же из окна. Понеслась! В районе ворот начинается мощная перестрелка, русский пулемёт захлёбывается очередью, – подавлен. Слышны хлопки рвущихся гранат. Начинают группами выбегать фигуры в серо-зелёных мундирах, пошла атака. Хольц и Рауш не отрывают взглядов от биноклей. Им, конечно, виднее, но могли бы и прокомментировать, что там происходит.

Впрочем, у нас и так всё как на ладони. Видно, как солдаты выбегают из-за здания погранзаставы, несутся вдоль казармы 333-го полка. Да сколько же у них гранат? Едва ли не в каждое окно бросают, да не по одной! Сопротивление подавлено, по ним никто не стреляет. Видимо, красноармейцы ошеломлены натиском батальона.

– Да что же они делают?! – в сердцах вырывается у Рауша, – почему не занимают эти два здания? Это же ключ к Тереспольским воротам!

– Видимо, гауптман Пракса считает, что это излишне, – спокойно пожимает плечами Хольц, – задача батальона, – выйти на Северный остров и оттуда к центральному вокзалу Бреста.

– И допустить, чтобы у тебя в тылу на коммуникациях орудовали русские? – возмущению Рауша нет предела.

– Видимо, это задача других подразделений. И вообще, господин обер-фельдфебель! Обсуждать действия и приказы начальства, – недопустимо! – несмотря на серьёзность слов,

тон у Хольца был более, чем дружеский. Он, конечно, одёрнул младшего по званию, но так, – больше для порядка.

– Так точно, господин лейтенант! – согласился Рауш, – начальству виднее.

Тем временем, вторая волна нашего батальона успешно и без видимых потерь скрылась из нашего поля зрения, пробежав правее нас, в сторону Трёхарочных. Где-то там должен быть и мой товарищ, – гефрайтер Ганс Тойчлер...

– Наблюдайте, я на северную сторону, – бросил нам Рауш и они с Хольцем шустро выбежали из кинобудки.

Наблюдать было особо не за кем, – никакого движения, только дым стелется над крепостью. Зато справа, там, куда увёл батальон гауптман Пракса, – разгоралась стрельба. Она не ослабевала ни на минуту и в какой-то момент достигла своего апогея. Мы настороженно прислушивались, но понять, что там происходит, было затруднительно.

Прошло буквально десять минут, как стрельба вдруг стала затихать, а затем в поле нашего зрения появились отступающие к Тереспольским воротам немецкие солдаты. Хотя, отступать, – это сильно сказано. Немцы бежали. По ним густо стреляли из окон и подвалов кольцевой казармы справа. Несколько человек заскочили в казавшееся покинутым здание 333-го полка, остальные бежали дальше, к Тереспольским воротам. Насколько мы могли видеть, достигнуть спасительного участка смогли единицы. Помочь уничтожаемым камрадам, увы, было невозможно.

Видимо, забежавших в казарму солдат всё-таки заметили русские. Небольшая группа, человек в пять, выскочила из подвала и устремилась внутрь здания. Викинг дал запоздалую очередь, но, конечно, ни в кого не попал. Вскоре, русские показались вновь: они взяли в плен и вели в подвал двух немецких солдат, один из которых сильно прихрамывал, – видимо, был ранен. Кто этот камрад, – на таком расстоянии рассмотреть без биноклей было нельзя, но Эмиль клялся и божился, что разглядел на обоих знаки различия. По его словам, раненый был унтер-офицером, а второй – гефрайтером.

– Кажется, – они из девятой роты, – закончил Райзингер.

Викинг скептически хмыкнул, я же высказался:

– Не знаю, чего ты там увидел, но девятая находится в резерве, если ты не в курсе. И солдаты из неё оказаться среди штурмующих не должны.

Ответить Эмиль не успел: к нам заглянул посыльный командира взвода, Студент. Естественно, с новостями. Во-первых, он рассказал, что лично видел, как у ограды Инженерного управления русские добивали остатки третьей штурмовой группы. По его словам, – уничтожили не всех, около десятка с поднятыми руками увели внутрь кольцевой казармы. Мы, в свою очередь, рассказали ему об увиденном пленении двух солдат в здании 333-го полка. Во-вторых, Студент просветил нас о том, что творилось после той вылазки русских от Холмских ворот. Оказывается, у них на ходу были плавающие пулемётные танки и несколько пушечных броне-

виков. Танки ушли через разрыв в кольцевой казарме, переплыв Мухавец, а броневые автомобили выехали через Трёхарочные ворота на Северный остров. Однако, вскоре два из них вернулись обратно. И они как раз встретились у ворот с группой гауптмана Праксы. Один броневик удалось подбить, но второй ушёл обратно к Белому дворцу, где сейчас и стоит. Кажется, он всё-таки серьёзно повреждён после боя.

Группа Праксы благополучно вышла через Трёхарочный мост на Северный остров, захватила несколько точек и почти соединилась с первым батальоном майора Ельце. По крайней мере, они уже видели его солдат, пробивающихся с запада. Но, неожиданно, появились русские танки, и, при их поддержке, красноармейцы предприняли контратаку, быстро превратившуюся в рукопашный бой. Немцы ожидаемо дрогнули и русские погнало их обратно, к Трёхарочным воротам. Первая штурмовая группа, контролирующая подходы к мосту, не могла толком стрелять в таких условиях, и часть большевиков прорвалась в крепость на плечах отступающих солдат Праксы. Остальных удалось отсечь. К сожалению, русские перехватили инициативу и заняли хорошие позиции у моста со стороны Северного острова. Таким образом, мы окончательно отрезаны от первого батальона.

Потери в результате этой контратаки у батальона колоссальные. Погибли все офицеры, в том числе гауптман Пракса. Он был убит при отступлении, уже во дворе крепости. Всё это стало известно благодаря тому, что из второй волны ба-

тальяна к нам пробился штабной писарь, – гефрайтер Хайнц Зонне. Тот самый, который помог мне с копировальной бумагой там, на той стороне Буга. Боже, как давно это было...

Мы слушали рассказ Студента, и волосы от ужаса шевелились у меня на ж...животе. Вот это я попал! Мы, практически в окружении, торчим в этой церкви, во дворе Цитадели, как...не знаю кто. Везде русские, – куда ни глянь. Ближайшее немецкое подразделение, – наша десятая рота Гренца у Тереспольских, но до них ещё добежать нужно... Конечно, камрадам у Трёхарочных и в домике ксендза тоже не позавидуешь, но это слабое утешение. Занятие церкви без единого выстрела, казавшееся ещё час назад несомненным успехом, – обернулось ловушкой для штурмовой группы.

– Я бы, на месте русских, обязательно попытался выбить нас отсюда, – задумчиво произнёс Викинг.

– Сплюнь! – поёжился Райзингер.

– Не думаю, что у них получится, – неуверенно проговорил я.

– Пракса тоже так думал... – начал было Студент, но осёкся, встретившись взглядом с Лерманом.

– Ладно, мне пора, бывайте, – Герхард выскользнул за дверь.

– Смотрите, сколько парашютов! – воскликнул Эмиль.

Мы с Викингом синхронно посмотрели вверх. Сквозь дым и чад иногда проглядывало небо, которое действительно было буквально усеяно самолётами и парашютами.

– Десант, что ли? – неуверенно протянул Райзингер.

– Вряд ли, – возразил я. По крайней мере, я в своей истории ни о каких десантах 22 июня над Брестом не слышал. Мы продолжали смотреть на небо. Действительно, на десант это не похоже, но почему их так много?

– Это наши истребители сбивают русские бомбардировщики, – вынес, наконец, свой вердикт Викинг, – И их экипажи выбрасываются с парашютами.

– Что-то их больно много сбивают...

– Бомбардировщики идут без прикрытия, и асы Геринга их просто расстреливают, как в тире.

– А где же русские истребители? – интересуется неугомонный Эмиль.

– Судя по всему, догорают на аэродромах, – усмехнулся Викинг, – Подобное я видел в Польше и Франции.

Он чертовски прав, этот Лерман, – так всё и было. Точнее, так всё и есть. Бомбардировщики без прикрытия летом 1941-го, – абсолютно нормальная картина. Враг рвётся вперёд и нужно его остановить любой ценой. Вот и пытались. Как могли.

Остановить врага. Меня. Я ведь тоже теперь враг. Викинг стреляет, – я подаю патроны. Всех своих фашистов знаю поимённо: Эмиль, Отто, Герхард... И не испытываю к ним ненависти, вот что страшно! Неужели я перешёл на тёмную сторону? Но это же путь в никуда! Они не выиграют эту войну, я точно знаю! Опять всё по новому кругу...

Впрочем, в глубине-то души решение уже принято, – тут ни к чему лукавить. Просто, если смотреть на ситуацию трезво, сейчас для появления в крепости перебежчика не самое удачное время. Даже если я и смогу убедить наших бойцов и командиров не убивать меня, а слушаться (интересно, как я это сделаю?), то толку всё равно будет немного. Вывести из крепости никого не смогу, да и сам вряд ли выберусь. Конечно, кольцо вокруг ещё не сжалось, и пробиться с боем можно, но... Как ни парадоксально это звучит, – сейчас в бой на прорыв идти некому. Попытки отдельных малочисленных групп в расчёт не беру.

Насколько мне известно, оборонять крепость должен был только 84 стрелковый полк, а остальные подразделения, – выходить в места сосредоточения, за пределами крепости. С момента немецкого нападения прошло почти два часа: все, кто мог, – давно уже покинули места своего расположения. Организованный выход закончен. По большому счёту, Крепость перешла к обороне, надеясь дожидаться подхода основных сил Красной Армии.

Нет, остались, конечно, мелкие группы и одиночки, которые с упорством, достойным лучшего применения, стремятся как можно скорее выбраться. Вот они, – мелькают между деревьями в стороне Трёхарочных. Не думаю, что у них получится: наша первая штурмовая группа всё ещё держит мост. Как будто бы в подтверждение моих слов, со стороны ворот раздались очереди МГ-34. Если принять во внимание

то, что основу первой штурмовой составляют солдаты 12-й пулемётной роты, – шансов прорваться у русских нет никаких. Тем более, – таким примитивным способом. Попытки на «авось» пробежать через простреливаемый мост, – это самоубийство.

Естественно, всего этого я из церкви не вижу, – просто помню факты из «той» истории. И, судя по всему, она повторяется. Словом, сейчас об организованном выходе из крепости можно забыть. Почему, – я, честно говоря, никогда не понимал: ни тогда, ни сейчас, находясь здесь. Думаю, дело не в том, что приказа об отходе нет или отдать его некому. И не в том, что руководство единое отсутствует, все разобщены и каждая группа обороняет свой участок. В Восточном форту, например, всё наоборот: есть и командир, – майор Гаврилов, – и бойцы, и боеприпасы, и провизия. Они даже держат большой участок главного вала и Северные ворота! Но, – никуда из крепости не уходят! Почему? Ведь комполка Гаврилов знает район сбора и вполне может вывести туда людей, находящихся сейчас в его подчинении. Однако, вместо этого, почему-то остаётся на месте. Довольно странно, – не находите? Как я понимаю, он тоже принял решение обороняться в крепости и ждать подхода легендарной и непобедимой Красной Армии. То, что она придёт сюда только в 1944, через три года, – майор Гаврилов, естественно, не знает. Так что, есть ли смысл перебежать сейчас к нашим? Посидеть с красноармейцами в казематах без воды и еды под

практически постоянным обстрелом, да ещё и с неясными перспективами, – так себе идея. Поэтому, я принимаю решение подождать более подходящего момента, а пока, – «играю за немцев».

Глава 2

Итак, мы находимся в самом центре крепости, во дворе Цитадели. Вокруг нас расположена кольцевая казарма, в которой, за исключением участка у Трёхарочных ворот, находятся русские. Со всех сторон слышна перестрелка, особенно сильная со стороны Северного острова. Там должен наступать первый батальон майора Ельце. Судя по всему, – дело у него продвигается туго.

Кругом стрельба, а у нас пока всё тихо. С патронами порядок, связь поддерживаем ракетами и по рации. Русские не беспокоят, – красота!

Мы с Лерманом и Райзингером остались в будке кино-механика: приказ Рауша. Пользуясь временным затишьем, я сходил вниз. Здесь ничего не изменилось: в полумраке огромного зала, прижавшись к стенам, всё так же стояли несколько наблюдателей. У алтаря, взяв под контроль входную дверь, расположился пулемётный расчёт обер-гефрайтера Иоахима Ройса. Пригнувшись, изредка, по залу перебегают солдаты.

Спустившись в подвалы, выясняю, что в углу первого отсека взводный устроил штаб, который возглавляет лейтенант Майер. Здесь же размещается группа управления и рация. Чуть поодаль, на спущенных сверху лавках, сидят и лежат солдаты бодрствующей смены. Боеприпасы, точнее – ящик

с патронами, который тащили наши миномётчики, решили также поставить здесь. Взяв из него несколько пачек патронов про запас, вновь поднимаюсь в главный зал. Мимо меня энергичным шагом проходит арткорректировщик, направляясь наверх, на хоры. Со второго этажа удобнее наблюдать за обстановкой и привязывать ориентиры для своих пушек. Непосредственно обороной церкви, за неимением больше других офицеров, занимается обер-фельдфебель Рауш. Оставшийся в резерве пулемёт он приказал установить в глубине церкви, – подальше от беспокоящего огня русских. Отсюда удобнее всего перебрасывать MG-34 на угрожаемое направление, в случае необходимости. Получается, что из четырёх взводных пулемётов в церкви находятся три, – четвёртый, вместе с отделением Шойнемана, остался в столовой комсостава. Мда, их может и не хватить для отражения атаки русских. А в том, что атака состоится, – я не сомневался ни на секунду. Как и в том, что оставшиеся после неё в живых немцы будут завидовать мёртвым. Вспомнив красноармейца, с хеканьем рубящего солдата сапёрной лопаткой, я поёжился. Такие в плен вряд ли возьмут...

Поднявшись наверх, я увидел, что Йенс с Эмилом увлечённо закладывают оконный проём битыми кирпичами, жестяными коробками с кинофильмами и обломками мебели. Молодцы, готовятся. Опять прибежал Студент и передал приказ Рауша: всем лишним в подвалы, на позициях остаются только дежурные наблюдатели. В нашем расчёте пер-

вым дежурить вызвался Эмиль. Он лёг за пулемёт, поставив сошки на захламлённый пол, и повёл стволом, показывая, что контролирует заданный сектор. Пожелав ему спокойной смены, мы с Викингом спустились вниз. Какое-то выматывающее утро.

Впрочем, отдохнуть не удалось, – Рауш сходу влил нас в дружный трудовой коллектив, который занимался приведением подвальных отсеков в божеский вид. Пока мы обустроивали подземный быт и таскали в подвалы скамейки из зала, со стороны кольцевой казармы периодически раздавались выстрелы в нашу сторону, но стрельба велась больше наугад и результатов русским не приносила. Вскоре, мы настолько освоились, что периодически залетающие в окна пули не доставляли дискомфорта, и уже практически никто не обращал на них внимания. Помимо постепенного привыкания к нахождению под обстрелом, мы автоматически научились и осторожности. Чтобы не стать жертвой случайного выстрела, все передвигались внутри церкви пригнувшись. Впрочем, особо ходить было некуда: большинство солдат, за исключением дежурных наблюдателей, находились в подвале.

Неожиданно оказалось, что, помимо остатков третьей штурмовой группы, к нам прибились ещё несколько человек. Это были «лодочники» из группы лейтенанта Кремера. Как они попали к нам, – отдельная история. Судьбу этого штурмового отряда мы узнали от одного из выживших: рядового

Вилли Тиллеманна. Вокруг него собрались наши солдаты, и, пока было затишье, Вилли рассказал нам свою историю. За точность и правдоподобность не ручаюсь, но суть, вкратце, была такова:

Штурмовая группа лейтенанта Кремера состояла исключительно из добровольцев. Они, на 9 моторных лодках, должны были захватить мосты на реке Мухавец. Экипаж каждой лодки, – 8 человек. Однако, неудачи начали преследовать группу с самого начала операции. После начала арт-подготовки, когда солдаты вытащили тяжеленные лодки на воду, их накрыли залпы своей же артиллерии. Появились первые потери: в щепки разбиты 4 моторки, половина экипажей ранены или убиты. Тем не менее, лейтенант Кремер принимает решение продолжать выполнение поставленной задачи. Оставшиеся 5 лодок, развивая максимальную скорость, идут по Бугу между Южным и Западным островами. Достигнув Мухавца, они поворачивают направо и несутся к мосту у Холмских ворот. И тут очередная неприятность, – две первые лодки с разгона садятся на мель! Идущие сзади успевают притормозить, но это не спасает их от внезапного обстрела из кольцевой казармы. Опять появляются раненые и убитые, пули прошивают деревянные борта. Снять севшие на мель лодки не удаётся, и Кремер приказывает последним трём моторкам разворачиваться в обратном направлении. Последнее, что видел Вилли, – это то, как оставшиеся в живых выбирают по кипящей от пуль воде на берег

Центрального острова. Что с ними было дальше и чем там всё закончилось, – ему неизвестно.

Тем временем, Кремер с тремя лодками принимает решение обогнуть Центральный остров с другой стороны. Подходя к Тереспольскому мосту, внезапно выясняется, что путь им перегораживает дамба! Что делать? Вариант один: перетаскивать лодки волоком. Хорошо ещё, что русские из кольцевой казармы по ним не стреляли. Может, – были деморализованы, может, – не видели, но факт остаётся фактом. Успешно преодолев дамбу и миновав разрушенный Бригидский мост, группа достигает следующего пункта, – моста у Трёхарочных ворот. И здесь, – опять беда: от полученных в стычке на мели у Холмских ворот повреждений, тонет лодка Вилли. Лейтенант Кремер мчит дальше, а осиротевший экипаж забирается под мост, по которому непрерывным потоком на выход из крепости двигаются поодиночке и группами русские. К счастью, им нет дела до прячущихся немцев, а может, они их просто не видят.

Сколько они так просидели под мостом, – Тиллеманн не знает, но с жизнью Вилли простился не раз. Зато хорошо помнит, как обрадовались, услышав прямо над головою грохот МГ и родную речь камрадов. Выскочив на берег, выяснилось, что «лодочники» встретили нашу первую штурмовую группу, которая захватила участок кольцевой казармы у Трёхарочных ворот, взяв под контроль мост, и собирается двигаться дальше, на Северный остров. От них же узна-

ли, что Тереспольские ворота и церковь под нашим контролем, сопротивления от русских никакого, всё идёт гладко и по плану. Воодушевившись, командир экипажа, унтер-офицер Букхайм, принял решение выходить к своим через Западный остров и «лодочки» побежали через мост во двор Цитадели.

Практически сразу, они столкнулись с разрозненными группами русских, направляющихся к Трёхарочным воротам. Ни немцы, ни русские не стреляли: молча, пробегали мимо, сторонясь друг друга. Одни, видимо, ещё не отошли от внезапного артобстрела и не поняли что происходит, а вторые просто боялись открывать огонь по такой массе красноармейцев. Но молчаливый паритет продолжался недолго: из окон первого этажа, справа от ворот, по бегущим русским открыл огонь пулемёт, его поддержали несколько винтовок. Все бросились врассыпную. Кто-то заскочил в кольцевую казарму, кто-то побежал дальше. Вилли и пара его товарищей, добрались до церкви. Их командир, Букхайм, вроде бы, укрылся в доме, где сидело наше первое отделение во главе с унтер-офицером Шойнеманом. Уточнить это было проблематично, так как связи со столовой комсостава не было, а пробежать сейчас эти сто метров под всё усиливающейся на Центральном острове стрельбой было бы безумием.

После истории Тиллеманна, осветить для нас подробности судьбы третьей штурмовой группы взялись Бауман и Беккер. Перебивая, и без конца поправляя друг друга, они

взялись за изложение пережитых событий.

Из их бессвязного рассказа удалось выяснить, что третья штурмовая группа продвигалась вдоль кольцевой казармы, постреливая по сторонам и закидывая гранаты в подозрительные окна. Сопротивления никакого не было, всё шло по плану. Они видели, как мы без боя захватили церковь. Это необычайно воодушевило камрадов. И вот, когда уже рукой подать до основных целей атаки, – бывшего польского штаба и Белого дворца, – случилась эта контратака русских.

Беккер и Бауман двигались в хвосте группы и сначала даже ничего не поняли. Немного не доходя Холмских ворот, по отряду справа ударил залп из окон и дверей кольцевой казармы, затем оттуда же стали выскакивать красноармейцы, которые сначала стреляли в упор, а потом сходились в рукопашной. Нашим рассказчикам повезло, что русские основной удар нанесли по центру растянувшейся штурмовой группы. В первые же секунды атаки, погибли её командир, – лейтенант Ильм, и практически вся группа управления. Залп разделил отряд на две мгновенно дезорганизованные части. Солдаты, идущие первыми, выходя из-под огня, бросились вперёд, к ограде Инженерного управления. Выжившие из центра, ошеломлённые, приняли на себя атаку красноармейцев. Замыкающая группа, увидев мгновенную смерть практически трети отряда, и выбегающих на улицу русских, кинулась бежать кто куда.

– Судя по всему, вам повезло больше всех, – мрачно заме-

тил обер-фельдфебель Рауш. Он незаметно подошёл и стоял за спинами солдат, слушая рассказ Беккера с Бауманом.

– Русским мешали в вас стрелять деревья, а догнать и перебить штыками, – помешали мы, открыв огонь.

– Похоже на то, – Беккер трясущимися руками доставал из пачки сигарету.

– Зачем они выбежали в атаку? – флегматично поинтересовался сидящий у стены Викинг, – сиди у окон, стреляй как в тире. Никто бы не ушёл.

– Не знаю, чем они руководствовались, но вам бы, парни, стоило за это сказать русским спасибо, – обратился Рауш к Беккеру с Бауманом, – иначе лежали бы сейчас там, – он кивнул головой в сторону Холмских ворот.

– Пойду поблагодарю, – зло ответил Бауман, вставая и загоня патрон в патронник своего маузера. Солдаты молча посторонились, давая ему дорогу.

– На хоры лезь, оттуда обзор лучше, – бросил Викинг.

В подвале повисло неловкое молчание. Говорить никому не хотелось. Где-то сверху приглушенно раздавалась стрельба, перекрикивались дозорные в зале. Навалилась какая-то усталость: такое ощущение, что вагоны разгружал. Сколько там прошло? Смотрю на часы, – 6:25. Всего три часа с момента нашей высадки! Действительно, – самый длинный день...

Через 5 минут мне идти менять Эмиля. В подвал вихрем врывается Студент. У него для нас, обычно, две новости: хо-

рошая и плохая. Но это обычно. Сейчас же новость одна, – плохая: убит Бауман. Наповал. Выставился с винтовкой в окно и получил пулю прямо в лоб.

– Похоже, – снайпер, – заканчивает свой рассказ Студент.

У Беккера трясутся плечи и начинают предательски дрожать губы. Чёрт, да он сейчас разрыдается! Вилли пытается его успокоить, протягивая флягу с водой. Атмосфера в подвале становится тягостной, поэтому я выхожу наверх. Баумана уже оттащили от окна: он лежит в луже крови у стены, рядом со входом, накрытый с головой красным транспарантом. Наверное, это полотнище где-то здесь раздобыли, благо в церкви-клубе такого добра навалом.

Поднимаюсь наверх, меняю Райзингера. Говорит, – всё тихо: никакого движения в нашем секторе. Ложусь за пулемёт, проверяю: лента заправлена, всё в порядке. Ближайший час мне предстоит провести здесь. За это время абсолютно ничего интересного не происходит: в секторе от Тереспольских до правой оконечности казарм 333-го полка не наблюдаю никакого движения. Русские словно куда-то пропали. Понимаю, что это невозможно, и они наверняка спрячутся сейчас в подвалах, перегруппировываясь и готовясь к активным действиям. Но, – пока всё спокойно. Относительно, конечно. Пожары, дым, со всех сторон периодически слышны выстрелы. Временами, с первого этажа церкви хлопают наши «маузеры» и короткими очередями работает дежурный пулемёт. Куда и в кого они бьют, – не знаю. Довольно плот-

ная и стабильная стрельба идёт только со стороны Трёхарочных ворот и Северного острова.

Отстояв свой час, передаю МГ Викингу и спускаюсь в подвалы. Подземелье потихоньку обживается: по углам чадят самодельные факелы, солдаты расположились на лавках, сбоку у радики возится связист. Подсаживаюсь к Эмилю, который что-то колдует с ремнём от винтовки:

– Ну, как тут у нас дела?

– Да пока без изменений. Рауш разбил группу на три смены: бодрствующая, отдыхающая и на постах. Всё как обычно, стоим по два часа. Викинг у пулемёта, ты, получается, бодрствующая, ну а я подремлю немного... – с этими словами Райзингер ставит карабин к стене и растягивается на лавке.

Отлично! Единственный вопрос – чем бы заняться в эти два часа... Незаметно для себя, засыпаю, прислонившись к стене. Впрочем, сном это назвать нельзя: так, лёгкая дрёма. От кирпичей очень сильно мёрзнет спина и приходится постоянно ёрзать, меняя положение. Наконец, Винсхайм поднимает отдыхающую смену: пора на посты. На первом этаже дежурят два пулемётных расчёта и человек десять стрелков у дверей и окон. На хорах, – два наблюдателя плюс наш МГ. Пока идёт пересменка, от вездесущего Студента узнаю, что на Северный остров, дополнительно к первому, подтянулся и второй батальон майора Парака. Надеемся, что вместе они сломят наконец-таки сопротивление русских. Для нашей же

группы, пока приказ прежний: удерживать церковь, препятствуя перемещениям защитников, и наводить, в случае необходимости, огонь артиллерии и миномётов.

В подвал спустился Викинг, сел рядом со мной:

– Чёрт, Макс, мы торчим здесь уже больше пяти часов! И всё это время не даём русским безнаказанно перемещаться по двору Цитадели! Я бы, на их месте, уже давно попытался нас отсюда выбить!

– Подожди, Йенс, – ещё не вечер.

– Да куда им? – беспечно махнул рукой Нойманн, – сидят, небось, в своих подвалах и нос от страха наружу высунуть боятся.

– До вечера ждать они не будут, – уверенно заявил Викинг.

– Опять ты за своё. Не будь таким пессимистом, Йенс, – хлопнул Лермана по плечу подошедший Винсхайм, – будь у русских возможность, – они бы давно на нас накинлись.

– Помяни мои слова, Курт, – скоро начнётся штурм.

– Ты это уже говорил, как только мы заняли церковь. Брось, старина, – большевики на штурм не способны. Они деморализованы и подавлены, – ты же сам видел пленных!

– Ага, группа Праксы сама себя постреляла, да и на Северном, – слышишь? – наши, наверное, между собой воюют, – криво усмехнувшись, произнёс Викинг.

– Это отдельные фанатики, такие есть в любой армии, – махнул рукой Винсхайм.

– Не вижу смысла спорить, – пожал плечами я, – ведь в любом случае, к штурму мы готовы.

– Надеюсь...

Слова Викинга оказались пророческими – защитники крепости действительно заинтересовались церковью, занимающей господствующее положение в Цитадели. Мы им всё сильнее начинали мешать, так как держали под обстрелом практически всю территорию внутри кольцевых казарм. Было уже часов десять, смена Эмиля, когда большевики, наконец, решились на штурм.

Я как раз нащупал удобное положение на лавочке и готовился упасть в объятия Морфея, когда в подвал ворвался крик: «Тревога! Все наверх! Русские идут!» Чертыхаясь, пришлось вскочить на ноги и устремиться к лестнице. Солдаты бежали занимать позиции к окнам первого этажа, мне же нужно выше, – на хоры. Здесь, сбоку, уже сидел оберфельдфебель Рауш. Рядом с ним расположились Гензель и Гретхен, то есть рядовые Клаус Вебер и Вилли Вебер. Взводный наблюдал в окно за перемещениями русских. Я пробежал мимо и юркнул в нашу будку: Викинг лежал за пулемётом, рядом, с маузером наизготовку, расположился Эмиль.

– Ладно, – Райзингер: он тут дежурил, но ты, Йенс, – как ты вперёд меня сюда добрался? – искренне недоумеваю я, пытаюсь отдышаться.

– Так я же не спал, как некоторые, пуская слюни на подушку.

– Очень смешно, – бурчу я, занимая позицию слева от Викинга.

Первыми атаку красноармейцев приняла на себя группа Шойнемана, что занимала столовую комсостава в ста метрах от нас. Они открыли суматошную стрельбу, почти сразу их поддержали наши из церкви. Судя по всему, русские наступали откуда-то со стороны Трёхарочных ворот. Нам сверху их было не видно, – частично мешала стена, частично дом Шойнемана. Желаящих же высунуться из огромного окна и посмотреть, что там делается, – не нашлось. Мы расположились в глубине будки и контролировали движение в своём секторе обстрела: от Тереспольских ворот слева и до участка кольцевых казарм справа. Никого. Ни наступающих, ни огня поддержки. Тем временем, продолжавшаяся минут пять стрельба справа поутихла, а затем и вовсе практически прекратилась.

– Отбили, вроде, – произнёс Эмиль, вслушиваясь в редкий перестук выстрелов.

– Похоже на то. Слабенькая какая-то атака, – не отрываясь от прицела пулемёта, ответил Викинг.

– Подожди, сейчас соберутся и дадут нам жару, – вступил я в разговор.

В этот момент, стрельба неожиданно вспыхнула слева и сзади, со стороны Холмских ворот. Мы напряжённо вслушивались, пытаюсь понять: что происходит там, за нашими спинами? Темп стрельбы всё нарастал, вот он достиг своего апо-

гея, в перестрелку ворвались разрывы гранат, больно бьющие по ушам. Чёрт побери, они разрывались внутри церкви! Эмиль засуетился:

– Нас обходят! Нужно помочь нашим! – он дёрнулся, порываясь вскочить.

– Лежать! – прикрикнул на него Йенс, – наша позиция здесь!

Пригвоздив своим окриком Райзингера к полу, он продолжил, уже спокойнее:

– Внизу полно народу, – они справятся!

Нельзя сказать, что этими словами Лерман вот прямо успокоил, но частичку своей уверенности он нам, всё же, смог передать. Я посмотрел на него: наш Викинг невозмутимо лежал у своего пулемёта, демонстрируя поистине олимпийское спокойствие по отношению к происходящему за его спиной. А там шёл серьёзный бой: винтовки и пулемёты били не умолкая. Вплетаясь в шум боя, из-за двери, с хоров, раздавались какие-то команды Рауша, но ничего, кроме «Короткими! Короткими бей!» расслышать было нельзя. Война шла где-то сзади, здесь же царили полный покой и идиллия. Мы лежали на бетонном полу будки киномеханика и вели светские беседы, как благородные доны:

– Если не ошибаюсь, – осторожно начал я, – то разрывы гранат внутри церкви, – верный признак того, что русские практически ворвались внутрь.

– Вовсе нет, – возразил Викинг, – это всего лишь при-

знак того, что они подобрались на расстояние для их броска. Пройти сквозь огонь двух пулемётов и непрерывно стреляющего из укрытий усиленного взвода не так просто, как вы себе это рисуете в головах. Подобное не удавалось ни полякам, ни французам. И я не вижу причин, по которым бы сейчас это вдруг получилось у русских.

Тем временем, характер боя внизу изменился: захлёбываясь, вдруг заговорили сразу несколько МР-40, а потом, как по команде, стрельба начала стихать. Винтовочные выстрелы хлопали всё реже, пулемёты перешли на короткие очереди.

– Ну, что я вам говорил? – усмехнулся Викинг, – и без тебя, Эмиль, отбили атаку.

– Йенс, я не знаю... Там такая стрельба, и эти взрывы внутри... Я честно думал, что уже всё, – виновато говорит Райзингер. Чувствуется, что он ещё не отошёл от так потрясшей его атаки русских и даже немного заикается.

– С опытом это пройдёт, не переживай. Со временем ты научишься слышать бой, различать его фазы, понимать что происходит вокруг и, исходя из этого, планировать свои действия. Из тебя выйдет хороший солдат.

– Да уж, хороший... Чуть не дал дёру с позиции.

– Но не дал же? – засмеялся Викинг.

– Если бы не ты...

– То, что ты услышал команду и выполнил её, – это хорошо. Многие в такой ситуации паникуют, теряются и не реа-

гируют вообще ни на что. Мечутся, как Рюдигер по палатке, и в итоге, погибают.

– Ну, ты прямо психолог, Йенс, – покачал головой я.

– Психолог – не психолог, а кое-что понимаю, – подмигивает Лерман.

– И что, ты прямо чувствовал бой, который проходил у нас за спиной? – Эмиль заметно приободрился.

– Ну, а что тут такого? – пожимает плечами Викинг, – не так уж и сложно. Первая атака, скорее всего, была отвлекающей. Она позволила русским с другой стороны подобраться поближе к церкви и начать штурм. Даже если наблюдатели и заметили противника вовремя, то пресечь его наступление было нечем. Пока доложили командиру, пока перебросили пулемёты и людей к окнам на противоположный край церкви, – время уже было упущено. Далее всё просто. Длинными очередями наши MG подавляли вражеские огневые точки, короткими, – отсекали подкрепление для успевшей прорваться атакующей группы. Тем не менее, эта группа, неся потери, преодолела расстояние до церкви и попыталась проникнуть внутрь. Русских в этой группе было немного и их атака, по определению, не могла закончиться успехом.

– Почему ты думаешь, что их было немного? – удивился Эмиль.

– Да стреляли-то только наши, в основном, – ответил за Викинга я.

– Макс прав, – кивнул Лерман, – на общем фоне, выстре-

лов из русского оружия было крайне мало, а пистолетов-пулемётов я вообще не слышал. Логично предположить, что с винтовками в ограниченном пространстве много не навоюешь.

– А как же гранаты? – не сдавался Эмиль.

– Гранаты, – это хорошо, но, опять-таки, если ты слышал, – разрывов гранат было не так много. Хотя им и удалось несколько из них закинуть внутрь, – оказать большого воздействия на обороняющихся эти взрывы не могли. Сам видел этот мощный алтарь, баррикады из толстых деревянных скамеек. Ну, а когда атакующие попытались проникнуть внутрь, – в игру вступили МР-40, то есть оружие ближнего боя. Нападающих уничтожили, а «мёртвое» пространство под стенами забросали гранатами. Вот и всё.

– Как же в твоём изложении всё просто и понятно! – восторженно воскликнул Эмиль.

– Учись, пока я жив, – улыбнулся Викинг, – и не паникуй раньше времени.

– Лучше вообще не паникуй, – вставил я.

– Точно.

В кинобудку заглянул обер-фельдфебель Рауш:

– Как обстановка, Йенс?

– В нашем секторе всё тихо.

– Смотрите в оба! Сдаётся мне, что эти атаки далеко не последние... Пока всем находиться здесь, ясно?

– Так точно!

– Как всё прошло, господин обер-фельдфебель? – не удержался я от вопроса.

– Могло быть хуже, – сухо бросил Рауш и исчез в дверном проёме.

– Мда, исчерпывающий ответ, – протянул Эмиль.

– Что делать? Подождём кого-нибудь поразговорчивее, – всё равно заняться пока нечем, – подмигиваю я Райзингеру.

Как будто прочитав мои мысли, через несколько минут к нам вваливается Отто: весь в побелке, каска набекрень, из левого уха течёт кровь. Оглядывается, ища взглядом куда бы сесть. Поднимает с пола стул, ставит его в угол, подальше от окна. Садится, положив свой маузер с отломанной мушкой на колени. Мы молча смотрим на него. Отто дрожащими руками достаёт сигарету, прикуривает. Выпустив облачко дыма, и, видимо, немного успокоившись, Рюдигер, наконец, произносит:

– Скучаете?

– А как же? – спокойно отвечаю я, – все слёзы выплакали, вот лежим, в окно смотрим, не отрываясь, – не появится ли наш Отто на горизонте?

– Не туда смотрите, вояки, – весь бой, небось, проглядели?

– Где нам позицию определили, – туда и смотрим, – обиделся Эмиль.

– Ты чего вообще пришёл, Рюдигер? Если про бой рассказать, – то давай, а если из себя героя корчить, – то попал не

по адресу, – не выдерживает Викинг.

– Какой из меня герой, – машет рукой Отто, – я так...

– Не тьяни, Рюдигер! То, что атаку отбили, – это мы поняли. Потери есть?

Отто грустно кивает.

– Кто? – в один голос воскликнули мы с Эмилем.

– Из наших: Винсхайм, Нойманн – убиты, Мюллер, Грубер и Хофман, – ранены.

– Курт? Как? Ты уверен? – поднимает глаза на Рюдигера Викинг.

– В самом конце, когда мы уже почти отбились... Этот русский бросил внутрь гранату...

Слова давались Отто нелегко, он говорил с большими паузами и как бы через силу.

– Он не должен был этого делать... Не должен, понимаете? – Рюдигер вдруг сорвался и перешёл на крик, – Он был уже мёртв! Мёртв! Мы его убили! Ройс всадил в него поленты! Я лично видел, как от него отлетали ошмётки!

Мы ошеломлённо молчали, а Отто, наклонившись к нам, уже шёпотом, продолжал:

– И этот русский... Он был почти разорван пополам очередью... У него вот такая дыра тут, на груди... И обломки рёбер... Белые... Через эту дыру... Через неё... Видно насквозь, понимаете? Насквозь! Он мёртв! Мёртв, чёрт возьми! Он сдох! Мы его убили! – вновь срывается на крик Отто, – Но он кидает гранату! Гранату! И я вам клянусь: пока

русский не убедился, что она попадёт точно в наше окно, – он не упал! Нет! Он стоял на коленях, прибитый очередью к дереву, и ждал! А когда граната влетела в окно... Он улыбнулся! Я клянусь, честное слово! И только после этого рухнул на землю! Этот улыбающийся мертвец так и стоит перед моими глазами...

Отто закрывает лицо руками и глухо продолжает:

– Граната упала внутрь, ударилась об скамейку и отскочила мне прямо под ноги. Меня как паралич разбил: стою и не могу пошевелиться. Просто стоял и тупо на неё смотрел: ребристая, продолговатая... И тут кто-то отталкивает меня в сторону: это унтер-офицер Винсхайм... Он схватил гранату, чтобы выбросить её обратно, на улицу... Но... Не успел... Она взорвалась в его руках... Бах! И Винсхайм, – насмерть: разворотило так, что смотреть не на что... Нойманну, он рядом стоял, осколок распролол шею, – тот схватился за горло, забулькал... Полминуты, – и всё: захлебнулся кровью, помочь ничем не смогли. Остальным тоже досталось: Мюллеру и Хофману легко, по рукам, прилетело, а Иогана посерьёзней: в живот ранило.

Рюдигер закончил свой скорбный рассказ и теперь раскачивается на стуле из стороны в сторону, закрыв лицо руками. Я настолько потрясён услышанным, что даже не в силах что-либо сказать. Все молчат: Викинг катает желваки, Эмиль что-то беззвучно шепчет, прикрыв глаза. Не знаю, сколько времени мы так сидели, прежде чем нас вернуло к жизни по-

явление в дверях старшего стрелка Моделя в сопровождении рядового Краузе.

– Ага, вот он где, – удовлетворённо произнёс Хайнц, глядя на Отто.

– Так, похоже, вы уже в курсе, – почесав переносицу, смущённо произнёс Модель, – Хороших парней потеряли... И да: теперь я за Курта, – Рауш распорядился.

Видя, что вступать в диалог мы не расположены, Хайнц с Краузе увели совсем расклеившегося Рюдигера вниз.

Буквально через пару минут, к нам заскочил Студент:

– На одиннадцать назначен штурм, с Северного острова пойдут наши батальоны, нужно поддержать огнём!

Я киваю, говорить желания нет.

– Герхард, – как там раненые? – словно очнувшись, интересуется Викинг.

– «Лодочник» умер, сапёр и Грубер тяжёлые. Если атака удастся и их как можно скорее доставят в госпиталь, – должны выжить.

– Подожди, Отто сказал, что раненых всего трое, – непонимающе смотрит на Студента Лерман.

– Из второго отделения, – да, а всего, – восемь человек.

– А погибших? – интересуется Эмиль.

– Было четверо, с «лодочником» пятеро.

– Кто?

– Винсхайм, Нойманн, лейтенант Майер и его солдат из сапёров, – фамилии не знаю, – загибает пальцы Герхард, – и

вот ещё умер раненый из группы Кремера.

– А лейтенант как погиб? – спрашиваю я.

– Пулевое в голову, наповал. Когда, как, – никто не знает. Это уже после того, как атаку отбили. Вроде, ходил по залу, потом раз, – и лежит. Снайпер, наверное – пожимает плечами Студент, – так что вы поаккуратнее. Похоже, что и Баумана он же подстрелил.

– Постараемся, – цедит Викинг.

– Ну, всё, я пошёл, удачи! – бросает Штубе и скрывается в дверях.

В 11 утра началась обещанная атака батальонов Парак и Ельце. На Северном поднялась ожесточённая стрельба. Внезапно, перед нами, со стороны кольцевой казармы, тоже раздались выстрелы. Я знаю, что там располагаются Бригидские ворота, но нам из церкви видеть их мешает двухэтажное здание казарм 333-го полка. Неужели немцы атакуют ещё и оттуда? Стрельба ружейно-пулемётная, но вот в дело вступает что-то посolidнее: ду-ду-ду, ду-ду-ду слышится со стороны ворот. Мы с Викингом переглядываемся:

– Что это?

– Похоже на крупнокалиберный пулемёт, – выдвигаю предположение я.

– Или зенитку, – прислушиваясь к звукам стрельбы, говорит Йенс.

– Интересно: кто стреляет? – вступает в разговор Эмиль.

– Да тут не определишь, – наши или русские... Если нем-

цы, – то, скорее всего, это 20-мм «флак», – делает вывод Викинг, – у нас нет крупнокалиберных пулемётов.

– Это точно зенитка! – осеняет вдруг меня, – Помните, к нам в лагерь приехали артиллеристы?

– Что-то не припоминаю, – морщит лоб Лерман.

– Точно, – вы же на занятиях были! – хлопаю себя по лбу, – Как я мог забыть! А мы с Отто и Грубером тогда на разгрузку боеприпасов в Тересполь были определены.

– Это помню, – ухмыляется Йенс.

– Так вот, пока мы ждали транспорта, к штабу подъехали грузовик с зениткой и тягач с «восемь-восемь». Встречать их вышли Пракса и Гренц. Приехавший лейтенант, фамилию не помню, сказал, что их группа, – штурмовая, и придаётся нашему полку.

– Ну и что? – скептически хмыкнул Эмиль, – мало ли кого придают полкам? С чего ты взял, что это именно та зенитка?

– Во-первых, они приехали и расположились именно в нашем батальоне. Во-вторых, эта «восемь-восемь» поддерживала нас при переправе через Буг: вспомни, она стояла прямо позади. И, наконец, в-третьих: крепость атакует только наш полк. Так что, я на сто процентов уверен, что это та самая зенитка.

– Ну, не знаю... – задумчиво протянул Райзингер.

– Да что ты заладил «ну» да «ну»! – вспыхнул я, – Не запряг ещё, чтобы нукать!

– Тихо, девочки! – засмеялся Викинг, – А то поссоритесь.

И уже серьёзно продолжил:

– Согласен с выводами Макса, – это точно 20-мм зенитка.

Значит, за русских крепко взялись.

Эмиль обиженно молчал, демонстративно отвернувшись от нас с Лерманом. Ну да ладно: пусть немножко позлится, ему полезно.

Стрельба в стороне Бригидских ворот, меж тем, то стихала, то возобновлялась с прежней силой. Стабильно шла война только в районе Трёхарочных: выстрелы там как задали высокую планку в начале наступления, так и продолжали её удерживать. Вот уж где не хотелось бы сейчас оказаться. Слава богу, что я не в составе первой штурмовой группы. Тем не менее, вскоре накал боя стал постепенно снижаться. У Бригидских раздавались только редкие одиночные выстрелы, зенитка молчала. Может быть, русские её уничтожили? Или боеприпасы закончились? Со стороны Трёхарочных стрельба тоже затихла. Судя по тому, что нас никто не освобождает, – атака двух батальонов не удалась. Ну что же, ждём новостей с первого этажа.

Словно услышав мои мысли, в дверях материализовался Студент. Отдышавшись, он рассказал, что сначала атака шла успешно: в районе Трёхарочных поставили дымовую завесу, и под её прикрытием солдатам удалось перебежать мост. Штубе божился, что лично видел штурмовые группы у разрыва кольцевой казармы, то есть они почти достигли Белого дворца. Но... Каким-то непостижимым образом, русские

отбили эту атаку, а у Трёхарочных дело даже дошло до рукопашной схватки, в которой немцы потерпели поражение. В итоге, своих целей атака не достигла. Очень жаль, но отчаиваться не стоит: Родина помнит, Родина знает, где, матерясь, её сын пропадает... Продолжаем держать оборону и надеяться на то, что следующие атаки будут более успешными. На этой оптимистичной ноте, Студент откланялся.

Ну, делать нечего, – продолжаем воевать. Мы с Викингом соорудили себе небольшую лавочку у боковой стены. Эмиль зорко вглядывался в дымящиеся развалины и тревожных сигналов пока не подавал. Стрельба шла фоном, ничего необычного. Я расслабился и, незаметно для себя, закемарил.

Глава 3

– Смотрите! – вдруг закричал Эмиль, показывая на окно, – Русские!

Мы с Викингом мигом оказались на полу: Йенс, – у пулемёта, я, – рядом, в готовности подавать ленты. Перед нами задымленный двор: напротив казарма 333-го полка со зданием погранзаставы, рядом с ней сквозь чад и обгоревшие деревья виднеются разгромленные пушки и миномёты на площадке. Расстояние, казалось бы, небольшое, – всего метров 200, но никакого движения я там не вижу. Бросаю взгляд на Викинга, но наш пулемётчик, кажется, тоже не наблюдает целей.

– Правее! Человек пять перебежали из подвалов к артпарку! Вон они, между деревьями! Стреляй же, Йенс! – Райзингер только что не подпрыгивает от возбуждения.

Лерман повёл стволом и выдал первую короткую очередь. Затем, плотнее прижав приклад, ещё и ещё. Куда он там лупит в белый свет как в копеечку? Тяну шею, чтобы хоть по направлению ствола определить цель стрельбы. Дело в том, что патронов с трассирующими пулями у нас нет, а куда летят обычные sS, – естественно, не видно.

Наконец, различаю мелькающие между деревьями фигуры. Несмотря на то, что уже почти полдень, – солнечные лучи пробиваются к нам нечасто. Вот и сейчас, небо закры-

вают многочисленные дымы от пожаров, поэтому что-либо разглядеть в висящей над Крепостью полумгле тяжело. Тем не менее, Эмилю это удалось. Так сказать, мал клоп, – да глазаст.

Пулемёт замолчал. Что там у русских? Всматриваюсь вперёд до боли в глазах. Хм, мне кажется или действительно группа красноармейцев пропала? Наш убийца всех убил, что ли? Смотрю на Лермана, но Викинг и есть Викинг: на лице никаких эмоций. Йенс подхватывает пулемёт и переползает на пару метров ближе к Эмилю, – меняет позицию. Райзингер сидит не шелохнувшись, пристально вглядываясь в то место, где должны быть русские. Делать нечего, – перекачиваюсь к камарадам поближе, так как получить за Викинга пулю в мои планы не входит. Однако, крепость молчит. Нет, она сражается, конечно, – стрельба вокруг стоит будь здоров, – но по нам никто не стреляет. Не успел я перевести дух, как Викинг опять открыл огонь из своего MG-34. Куда на этот раз? Похоже, цель прежняя: вон фигурки мелькают.

Так, теперь наш пулемёт не одинок: слышно, как хлопают маузеры из домика ксендза. Ага, парни Шойнемана тоже заметили движение среди остатков разбитого артпарка и пытаются его пресечь. Вообще-то, они ближе к тем казармам и должны были увидеть русских раньше нас. Но, видимо, нет у них своего глазастого Эмиля. Интересно, – почему пулемёт Хуммельса молчит? Уничтожен или патроны экономят?

Ох ты ж ёж твою медь! По глазам бьёт кирпичной крош-

кой, и я сразу роняю голову на пол, уворачиваясь от летящих в меня осколков. Слышно как пули с грохотом впиваются в стены позади нас, а плечи и спину обдаёт каменным градом. И, почти сразу, раздаётся грохот чего-то крупнокалиберного со стороны кольцевой казармы. Распластавшись на полу и втянув голову в плечи, мечтаю стать в этот момент очень маленьким, оглядываюсь. Мама родная! Я вижу купол церкви! А до этого момента, – не видел, между прочим! Почему? Да потому, что между куполом и нашей комнаткой стояла стеночка в два кирпича! И где она теперь? А, вот она, – это из-за пыли не видно было просто. Но стене сейчас не очень хорошо: в ней образовались не предусмотренные конструкцией небольшое окошко и очень даже большой пролом. Что же это за грёбаная зенитка, которая стены прошивает? Это кто по нам так жажнул?

Переползаю левее, под защиту внешней стены. Она, вроде как, не такая хлипкая, как внутренняя. Кирпичи и штукатурка на меня сыпаться перестали, – уже хорошо. Пулемёт Викинга продолжает стрелять, теперь он бьёт длинными очередями. Где он? Ага, Йенс тоже спрятался под стеной и работает сейчас не по артпарку, а по казармам справа. Видно плохо, но количество вспышек в их окнах впечатляет. Сдаётся мне, что это огонь прикрытия. Русские спасают свою группу: ту, что в артпарке была прижата нашим пулемётом.

Кстати, стрельбы первого отделения больше не слышно. Значит, домик-столовую подавили. Нас бы постигла та же

участь, но дым, большое расстояние и острый угол, под которым наша позиция расположена к ведущей огонь кольцевой казарме, пока спасают. Впрочем, пули к нам периодически залетают, что не удивительно: даже в дыму с двухсот метров промазать в такое огромное окно тяжело. Спасибо стенам, которые нас пока защищают.

Что же такое там делает группа красноармейцев, для прикрытия которой не поскупились на открытие огня из крупнокалиберного пулемёта? А во мне всё больше крепнет уверенность, что это был именно он. Очередь, от которой почти разлетелась стена, больше в крепости дать не из чего. Думаю, не ошибусь, если скажу, что это ДШК. Приходилось из подобного стрелять, ага. Не по кирпичным стенам, конечно, но эффект от попадания впечатлял и так, на примере расстрелянных мишеней.

Поняв бесперспективность стрельбы по многочисленным амбразурам кольцевой казармы, Викинг прекратил огонь. Оттащив пулемёт от оконного проёма, Йенс устало откинулся на стену. По его лицу обильно стекал пот, который он безуспешно пытался вытереть рукавом.

– Чёрт! Мне одному их не заткнуть!

– Давай сюда, – показал я на пулемёт, – ствол сменю. Сколько отстрелял?

– «Сотку», – отдуваясь, произнёс Викинг, – с абсолютно неясным результатом.

– Эмиль! Нужно за патронами будет сгонять, – чувствую,

это только начало.

– Сейчас стрельба утихнет, – сбегаю, – отозвался Райзингер из своего угла.

– Ну вот! Воды почти не осталось! – констатировал Йенс, взбалтывая свою фляжку.

– Воду нужно беречь! – наставительно произнёс я, орудуя рукавицей, – воды здесь взять негде!

– Это точно, – тоскливо глядя на пробоины в стене, подтвердил Эмиль.

– Готово, господин обер-гефрайтер! – двигаю пулемёт к Викингу, – Ствол поменял, «двухсотку» заправил.

– Рейх Вас не забудет, рядовой Ланге! – шутливо отдал честь Лерман и бросил в сторону Райзингера:

– Эмиль, давай за патронами!

Тот кивнул и стал пробираться вдоль стены. Способов безопасного прохода всего два: преодолеть простреливаемое пространство одним прыжком или проползти под прикрытием невысокой, всего в четыре кирпича, стенки под окном. Поскольку пули периодически залетали к нам в гости, я бы выбрал второй вариант. Видя его замешательство, советую:

– Лучше ползком. И винтовку оставь здесь, – смысл с ней таскаться? Тебе только туда и обратно, пять минут максимум!

Довольно шустро наш третий номер переползает на правую сторону комнаты, поднимается на ноги и скрывается за дверью.

Мы уже минут пять как не ведём наблюдение за своим сектором, – элементарно не высунуться. Я решаю это исправить и выглянуть с непростреливаемой стороны. Перекатываюсь туда, всё так же под защитой подоконника. Пригнувшись, упираюсь в стену рукой, в готовности немедленно отпрыгнуть вглубь комнаты. Аккуратно выглядываю, просматривая пространство перед церковью. Викинг, развалившись у противоположной стены, с интересом наблюдает за моими действиями. Зритель, блин. Попкорна только не хватает и 3-D очков. А я, ведь, между прочим, не только о себе беспокоюсь! Вот проглядим мы атаку русских, – и отправят они тебя, обер-гефрайтер Йенс Лерман, в ад. Ладно меня: меня всего лишь обратно в 2019 год закинет, надеюсь, а вот у тебя будут серьёзные проблемы. Как говорил один персонаж, – на тебя оденут деревянный макинтош, и в твоём доме будет играть музыка. Но ты её уже не услышишь. Вы поглядите на него, – лыбится он, фашистская морда. Ну-ну.

Так, что там у нас? Ага...

– Зря улыбаетесь, господин обер-гефрайтер, – у меня для Вас плохие новости.

– ?

– Та замечательная группа красноармейцев, в которую Вы никак не могли попасть, жива.

– Ну, это не самая плохая новость за сегодняшний день, – беспечно отмахивается Викинг. И я терпеть не могу, когда ты начинаешь включать официоз!

– Это нервное. Скажу больше, – я понял, почему русские её так активно прикрывали. Даже для этого крупнокалиберный пулемёт где-то раздобыли. Кстати, как тебе его огонь? Забыл поинтересоваться...

– Да, пулемёт что надо, – согласился Лерман, поглядывая простреленную стену, – если ещё разок он по нам отработает, – будет худо.

– Худо? – удивился я, продолжая выглядывать в окно, – нет, это будет ещё не худо, Йенс.

– Что ты имеешь в виду? – удивлённо уставился на меня пулемётчик.

– Эта группа русских, она нашла в разбитом артпарке целое орудие и теперь катит его в укромное место. Там они поставят эту пушку, наведут на наше окошечко...

– О, мой бог! – Викинг вскочил как ужаленный, от бывшего благодушия на лице не осталось и следа.

– И влупят так, что мы тут, пожалуй, потеряемся, среди кирпичей, – закончил я, развернулся и сполз по стене, оставшись сидеть на корточках.

– Это мы сейчас посмотрим! – Йенс выставил пулемёт на прежнюю позицию и стал отчаянно посылать очередь за очередью в плохо видневшиеся фигуры русских артиллеристов. К счастью для них, Викинг ни в кого не попал. Да и катить пушку защитникам было недалеко, – они поставили её где-то у круглого здания за каменной оградой, что соединяла кольцевые казармы с казармами расположения 333-го полка. По-

ка Лерман стрелял, я всё ждал ответки от ДШК и мысленно видел как окончательно рушится задняя стенка нашей кинобудки. Однако, советский крупный калибр молчал.

Прибежал Эмиль с патронами, принёс ещё по паре гранат на каждого. Поинтересовался: с кем воюем? Я ему в двух словах объяснил суть дела и отправил доложить Раушу о возможном появлении в нашем секторе русского орудия. Отведя душу и высадив очередную «сотку», Йенс поймал, наконец, дзен и снова стал спокойным и хладнокровным Викингом. Несмотря на то, что по его огневой позиции непрерывно стреляли, – периодически щёлкающие вокруг пули не причинил нашему пулемётчику никакого вреда. Церковь стоит на возвышении, а стрельба русскими ведётся из подвалов, то есть снизу вверх. Так что, при таком раскладе, бояться следует только рикошета. Откатившись под укрытие стены, Йенс присосался к своей фляжке с водой.

Вскоре, вместе с Эмилем пришли лейтенант Хольц и наш взводный. Они осмотрели стену, Рауш покачал головой:

– Мда, на такое ответить нам, к сожалению, нечем. А уж на огонь из пушки, – тем более.

– Покажите, где она стоит? – попросил арткорректировщик.

Я показал примерное направление рукой:

– Вот там, господин лейтенант! Видите, – забор? Русские закатали её в те ворота.

Хольц поднёс к глазам бинокль.

– Орудия я не вижу, но примерное местоположение понял. Мда, к сожалению, траектория полёта наших снарядов такова, что нанести поражение пушке русских мы не сможем, – её закрывает вот это здание. А стрелять они будут, скорее всего, выкатив орудие в ворота...

– Не думаю, что после нашего утреннего артиллерийского налёта хоть у одной из русских пушек с этой площадки найдётся исправный прицел, – произнёс Рауш, оценивающе похлопывая стены нашей кинобудки.

– Я бы на это сильно не рассчитывал, – ответил Хольц, отрываясь от бинокля, – не факт, что прицелы стояли на орудиях. Они вполне могли храниться отдельно и русские ими сейчас решили воспользоваться. В любом случае, это в настоящий момент не принципиально: для стрельбы прямой наводкой с двухсот метров по огромному дому можно прекрасно обойтись и без прицела.

– По стволу наводить? – вспомнил я фильмы о Великой Отечественной.

– Точно так, – вновь поднося бинокль к глазам, ответил лейтенант.

– Да уж, и штурмовать нас, теряя солдат, не придётся, – мрачно констатировал Викинг, – Полчаса обстрела, – и разбей развалины.

– Ну, не всё так уж мрачно, – улыбнулся Хольц, не отрываясь от наблюдения.

– Вы что-то увидели такого, что спасёт наши жизни? – с

надеждой спросил Рауш, отвлекаясь от ощупывания стен и берясь за бинокль.

– Нет, просто проанализировал ситуацию, – пожал плечами лейтенант.

– И что вам подсказывает анализ?

– Русские пушки, способные развалить эту церковь, должны иметь калибр не менее 152 мм. И то, для этого им потребуется далеко не один выстрел. И Вы знаете, обер-фельдфебель, таких я в разбитом артпарке не вижу, – Хольц убрал бинокль и подмигнул Раушу.

– Ага, Вы думаете, что для разрушения нашего очага обороны, калибра их пушки не хватит? – вопросительно поднял бровь Рауш.

– Уверен. В артпарке, что виднеется за деревьями, стоят всего два вида орудий: калибром в 45 и 76 мм. Я обратил на это внимание ещё утром, когда мы пробежали мимо. Имея выбор, вряд ли русские взяли для стрельбы по нам 45-мм пушку.

– А выбор был? – поинтересовался взводный.

– Думаю, да. Орудий на площадке стоит достаточно, и на многих из них визуальное повреждение совсем не наблюдается. Так что, выбор у русских был. Кроме того, я предпочитаю рассматривать худший вариант развития событий.

– Логично, – согласился Рауш.

– Что касается 45-мм пушки, – то Вы могли её видеть в башне у того броневедомогиля, что ездил по дороге между

восточной стеной церкви и Инженерным управлением.

Взводный кивнул головой.

– И что он смог нам сделать? – продолжил лейтенант, – Ничего! Пробить толстенную стену церкви не удалось, а стрельба по окнам таким калибром дать в принципе ничего не может. Кроме того, русские для обстрела, почему-то, использовали только бронебойные снаряды. Так что, я больше, чем уверен, что из парка прикатили самую мощную из имеющихся пушек, – 76 мм.

– И как Вы оцениваете разрушительную способность её снарядов? – с беспокойством спросил обер-фельдфебель.

Лейтенант Шульц окинул взглядом нашу кинобудку:

– Ну, стену церкви эта пушка совершенно точно не пробьёт. Что же касается прямого попадания в окно, то задняя стенка, – он показал рукой, – без сомнений, разлетится на кирпичики, а эти трое солдат сложат головы за Великую Германию.

– И мы потеряем важную пулемётную точку на угрожаемом направлении, – задумчиво произнёс Рауш.

Шульц развёл руки, показывая, что согласен со словами взводного, но сделать вряд ли что сможет.

– А что по заградительному огню? – взводный упёрся взглядом в лейтенанта.

– Координаты уточнены, так что проблем не будет. Накроем участок между домиком ксендза и артпарком, чтобы пехота не смогла приблизиться к нам. Останется пережить

обстрел русских, – пожал плечами корректировщик, – И не забывайте, господин обер-фельдфебель, что я нахожусь вместе с Вами, а это хороший стимул для того, чтобы наводить огонь нашей артиллерии как можно более точно.

– Нисколько не сомневаюсь в этом, господин лейтенант! Кстати, не перенести ли нам рацию сюда, на хоры? Не в будку, конечно, а в этот тамбур, например? – Рауш махнул рукой на входную дверь, за которой действительно располагался угловой тамбур, не имеющий окон, а только два прохода: к нам и на хоры.

– Хорошая идея, – одобрил Хольц, – Здесь и связь должна быть намного лучше. Рация в подвале, – наш просчёт. Тогда, и я тоже буду находиться здесь, – с хоров удобнее корректировать огонь, чем из подземелья. Заодно, смогу руководить обороной и наблюдением.

– Договорились. А я тогда возьму на себя первый этаж и подвал.

Как только начальство скрылось, Викинг саркастически озвучил мысль, занимавшую нас всё это время:

– Поздравляю вас, камарады! Среди нас теперь нет ни Йенса, ни Макса, ни Эмиля! С этого момента мы, – всего лишь пулемётная огневая точка!

– Но важная! – поднял я палец вверх.

– Ах, точно! Ну как я мог забыть?! Конечно! Важная пулемётная точка!

– Не просто важная, а ещё и с возможностью умереть за

Великую Германию! – поправил я Викинга.

– Не ожидал я такого отношения от Рауша, – растерянно произнёс Эмиль.

– Да ладно вам, – он сейчас думает другими категориями. Ему оборону держать нужно, командовать, решения принимать, – говорю в защиту взводного, хотя, честно говоря, его слова меня всё-таки задевают.

– Наверное, ты прав, – задумчиво произносит Викинг.

– Давайте лучше подумаем: как нам спасти свои жизни от грядущего обстрела русской пушкой? – предлагаю я.

И, пока мы с Эмилем набивали ленты, а Йенс наблюдал за сектором, среди множества вариантов выживания под арт-огнём, был выбран наилучший. Он был прост как мычание: как только увидим, что русские выкатили пушку и готовятся стрелять, – хватаем пожитки, берём ноги в руки и стремительно выбегаем в тамбур. Правда, там и так уже сидят на подаренных нами стульях радисты и лейтенант Шульц, но места ещё на троих точно хватит. Чтобы никто не заставил нас отказаться от своего плана, решили никому ничего и не говорить. Ну, а что? Ну, ворвёмся в тамбур, ну, – сюрприз. Не выгонит же обратно нас Хольц снаряды отбивать? На том и порешили.

Кроме принятия столь важного стратегического решения, на импровизированном совещании были затронуты и другие вопросы. Как оказалось, Эмиль принёс нам немного подземных новостей, которые не успел изложить из-за появления

русского орудия. Вот забавно: эта пушка по нам ещё ни разу не выстрелила, а сколько из-за неё уже событий всяких произошло! Интересно, а моё появление в этом мире тоже что-нибудь изменило? Впрочем, пока точной информации на этот счёт нет, поэтому вопрос остаётся открытым.

Так вот, о новостях: и Рюдигер, и Беккер пришли в себя, больше не плачут и не истерят. Отто оправился настолько, что даже умудрился уронить рацию. Рауш на него орал так, что Винсхайм в гробу стоя аплодировал, наверное. Эмиль лично слышал крики взводного, которые закончились обещанием сделать из Рюдигера почтового голубя и заставить обеспечивать того связь с полком, если рация будет повреждена. На наш взгляд, идея вполне себе хороша, ибо без взаимодействия с артиллерией нам здесь придётся очень тяжело. Тем более, в свете последних событий.

В итоге, беда пришла оттуда, откуда не ждали. Нет, ждали, конечно, но вот именно с этого направления, – не сильно.

Ровно в полдень заработали пулемёты с восточной стороны церкви, что у нас за спиной, со стороны алтаря. Как раз с того направления начиналась последняя отбитая нами атака русских. Затем раздались крики «Ура!», в ответ заработали пулемёты в зале, их поддержали маузеры стрелков. Что это: очередной штурм? Они решили попробовать ещё раз? Странно... Почему не вместе с теми ребятами, что полчаса назад утащили к себе из артпарка пушку? Кстати, как там она? Нет, орудия не видно, да и атаки с той стороны нет.

Они что, между собой не общаются? Я имею в виду красноармейцев в крепости. Обмениваемся взглядами с Викингом, кричу ему:

– Йенс, они наступают каждый сам по себе или мне кажется?

– Я тоже об этом подумал, Макс! Если русские навалятся на нас со всех сторон, – мы не выдержим! Смотри в оба! – командует Викинг от своего пулемёта.

Тем временем, стрельба сзади усиливается, пошли в ход гранаты. В принципе, по звукам, этот штурм практически не отличается от предыдущего, – разве что русских пулемётов гораздо больше слышно. Внезапно, на втором этаже домика ксендза заплясал огонёк и раздался характерный звук работы нашего МG-34. Значит, Хуммельс видит атакующих, раз решил поддержать наших своим огнём. Внизу, прямо под нами, раздалось два гранатных взрыва, послышались крики и непереводамый русский мат. Затем несколько раз хлопнул пистолет, прогремела очередь ППД, которому ответил МР-40, ещё взрыв, тишина и вдруг яростные крики «Ура!» раздаются уже в самой церкви! Они прорвались? Но как? На лицах моих коллег написано удивление никак не меньше моего. Мы переглядываемся, не зная что предпринять в такой ситуации. Вдруг, к нам из тамбура влетает взмыленный лейтенант Хольц. Он без каски, волосы растрепались, китель порван. В одной руке корректировщик сжимает МР-40, другой опирается о дверной косяк. С трудом переводя дыхание, он

выпаливает:

– Русские внизу! Пулемёт на хоры! Живо! Бегом!

Его тон не оставляет возможности выбора, поэтому наш расчёт подхватывает МГ и выскакивает вслед за лейтенантом. Я задержался, подбирая так некстати выпавшую из-за голенища М-24. Уже разгибаясь, на низком старте, увидел, как в окно влетела граната-близнец той, которую я только что поднял. Надо же, какой-то ухарь умудрился закинуть её к нам под обстрелом пулемёта Хуммельса, – успел уважительно подумать я о неизвестном красноармейце перед тем, как в красивом прыжке броситься за дверь. Распластавшись в тамбуре, жду взрыва. Не дождавшись, встаю и устремляюсь на хоры. Где-то на втором шаге слышу за спиной грохот. А, это же М-24, у неё замедлитель горит чуть ли не сутки, – запоздало вспоминаю я особенности этой гранаты с тёрочным запалом. Русские, к моему счастью, ещё не научились выждать три-четыре секунды перед броском этой «колотушки». Ну и вообще, спасибо тебе, неизвестный красноармеец, что это была она, а не Ф-1.

От мыслей про гранаты меня отвлекла суровая реальность: Викинг стоял на хорах, закинув на парашют ствол пулемёта, и ожесточённо тратил патроны, стреляя в зал. Рядом примостился Эмиль, с не меньшим рвением стрелявший из своего Kar98k в том же направлении. А где лейтенант? – хотел спросить я, но в этот момент услышал справа выстрелы из МР-40 и нецензурные выкрики Хольца. Надо же, вроде бы

офицер, а такие слова знает, – мысленно покачал я головой, еле успевая подхватить и подправить ленту, спасая пулемёт от перекоса патрона. Контролируя подачу, осторожно высываясь с хоров, чтобы посмотреть: куда все так увлечённо лупят? После брошенного мельком взгляда, картина битвы мне стала ясна: русские таки ворвались в церковь, но захватить её полностью они не смогли.

Викинг и Райзингер перестали стрелять, – цели кончились. К нам подошёл отдышавшийся лейтенант Хольц и, перезаряжая свой автомат, внёс ясность в происходящее: русским удалось ворваться в церковь, захватив все три входа. Далее, правда, у них возникли проблемы. Вниз, в подвалы, их не пускают оставшиеся в живых немцы, пользуясь узостью лестницы, которая здорово затрудняет штурм подземелий. Да что там затрудняет, – прямо скажем, делает невозможным! Наверх, на хоры, не пускаем русских мы, – у нас тоже есть своя узкая лестница, на которой сейчас сидят Студент и «лодочник» Вилли. Сильно облегчает оборону то, что обе лестницы, помимо того, что являются единственным путём вниз или наверх, ещё и винтовые. То есть, для того, чтобы увидеть соперника, нужно пройти почти полный круг. В таких условиях штурм безумен, а метание гранат обречено на неудачу.

Но и это ещё не все трудности, с которыми столкнулись русские. Проникнуть в зал, чтобы попытаться атаковать нас гранатами через балкон хоров, им мешают наши камарады,

которые закрепились в алтаре. Всех я не разглядел, но пулемётный расчёт Ройса за баррикадой опознал. Его пулемёт периодически стрелял в направлении входов, не давая русским высунуться. Сбоку выставили карабины несколько стрелков. Думаю, в алтаре находится человек восемь. Они, кстати, не дают проникнуть красноармейцам через окна в галереях. Плюс, нам помогают камарады от Трёхарочных ворот и от домика ксендза. Закрепившееся там отделение Шойнемана не позволяет русским приблизиться ко входу в церковь, контролируя северную стену.

Таким образом, те красноармейцы, что находятся внизу под нами, – фактически не могут ничего предпринять и вообще находятся в окружении. Звучит, конечно, потрясающе: русских в церкви окружили немцы, которые окружены русскими на Центральном острове, который, в свою очередь, окружён немецкими войсками!

Однако, нельзя сказать, что штурм не принёс атакующим никакой пользы. В том положении, в котором сейчас находимся мы, довольно проблематично обстреливать и вообще держать под контролем весь двор Цитадели. Для этого у нас есть только окно, выходящее из будки киномеханика на здание пограничников и казарму 333-го полка, да по одному окошку на хорах, которые выходят на Трёхарочные ворота и кольцевую казарму у Холмских. Мало того, что одинокая амбразура легко затыкается сосредоточенным огнём, так у нас ещё и людей для того, чтобы стрелять в окна, не хватает.

Вместе с лейтенантом Хольцем и радистами, нас набирается всего восемь человек. Что же касается русских, то теперь они могут не опасаться обстрела из церкви и довольно свободно перемещаться по территории крепости, перегруппировываясь для различных атак и прочих мероприятий, направленных на уничтожение немецко-фашистских захватчиков.

Пока воцарилось относительное затишье, и русские снизу перестали предпринимать суицидальные попытки прорваться в главный зал, Хольц решил провести инвентаризацию, которую возложил на мои хрупкие плечи. Сам же лейтенант поспешил к рации, чтобы известить командование о возникших проблемах. Из оружия имелись: пулемёт, четыре винтовки, два автомата и два пистолета Р-08. По боеприпасам ситуация не сильно радужная: к МР-40 имелось всего шесть снаряженных магазинов, из них два у Хольца, а остальные у Студента. На вопрос, – где он раздобыл автомат и куда дел свой маузер? – Герхард ответил, что Винсхайму оружие уже ни к чему, а винтовку и подсумки он оставил в подвале. Нужно признать, что этот обмен вполне логичен: бегать по поручениям Рауша с МР-40 намного удобнее, чем с Kar98k.

С патронами к винтовкам ситуация была такова: самыми запасливыми оказались радисты: они вообще не стреляли сегодня, поэтому их подсумки были полны. У каждого по 60 патронов, – итого 120 штук. Они вообще воевать не собирались, мне кажется: сидели в тамбуре, да тряслись за свой «Telefunken». Эмиль сообщил, что у него осталось 8 обойм.

Вилли был самым бедным в этом отношении, – 30 патронов. В принципе, это не беда: радисты поделятся, им всё равно столько ни к чему. К пистолетам у нас с лейтенантом стандарт: по два магазина. Один в «Парабеллуме», второй запасной. Что касается МG-34, то для него в коробах около тысячи патронов лежит. Ещё набралось 14 гранат: 9 штук М-39 и 5 штук М-24. Не ахти что, конечно, но пару атак отобьём. Может быть, и больше: нам, честно говоря, нужно только держать лестницу, да в зале прорвавшимся не давать расслабляться.

Пока набегии русских прекратились, но как долго мы протянем, когда они возобновятся? Жаль, что ящик с патронами в подвале остался, – тем камрадам боеприпасы сейчас явно не нужны в таких количествах.

По собственной инициативе решил заодно опросить личный состав на предмет наличия продовольствия. С пропитанием ситуация неплохая: у всех, кроме радистов и лейтенанта, провизия имеется. Ну ладно Хольц, – может, ему по окладу не положено шоколад да галеты по карманам кителя рассовывать, но радисты? Спрашиваю у Тухеля:

– Как, – еды нет? Всё съели, что ли?

– Так у нас и не было, сказали же ранцы оставить перед атакой...

– Мы думали, нас тут кормить будут, – с умным видом встрял Кюхлер.

– А... Кормить тут будут... – Понятно. Вопросов больше

не имею. Хотя, чем чёрт не шутит? За спрос денег не берут. Вода-то есть?

– Воду мы давно выпили, – чуть ли не хором отвечают радисты.

– Но пить охота, – страсть! Ты не в курсе, где тут можно фляги наполнить?

– Конечно в курсе! Вон там, – за казармами, речка: Мухавец называется. Воды в ней, – хоть залейся!

– Слушай, – сразу оживились любители ультракоротких волн, – нам рацию никак нельзя оставлять, набери нам воды, камарад! – и фляги давай с поясов снимать!

– Вы издеваетесь, что ли? – слегка опешил я.

– Нет, а что такого? – эти олухи недоумённо уставились на меня, – Неужели трудно принести воды ещё и нам? Мы, между прочим, тут не просто так сидим, а связь для вас обеспечиваем!

– Вот именно! – заорал я, – Связь! Вы, два оленя, полдня на рации: неужели не в курсе обстановки? Какая, к чёрту, вода? Вы знаете, что мы сидим в окружении? А внизу, – я топнул ногой по полу, – русские уже ворвались в церковь?

– Отставить панику, рядовой! – почему-то фальцетом выкрикнул Кюхлер, – Мы в курсе сложившейся ситуации и знаем, что всё под контролем! На Северном два наших батальона успешно взламывают оборону русских и скоро будут здесь! Южный и Западный тоже в наших руках! Связь с артиллерией устойчивая и пушки готовы открыть огонь по на-

шим координатам!

– Слушай, гефрайтер, – а у тебя не Геббельс, случайно, фамилия? – сделав подозрительное лицо, интересуюсь у радиста.

– Гефрайтер Ганс Кюхлер! – презрительно фыркает высокий.

– Что тут за митинг? – в тамбуре появляется Хольц.

– Да этот рядовой, господин лейтенант... – начинает Кюхлер.

– Узнавал действительное положение дел, господин лейтенант! – подхватываю я, – Оказывается, у нас всё хорошо и беспокоиться не о чем! Видимо, именно поэтому я от господина гефрайтера получил предложение прогуляться до Мухавца за водой.

– За водой? К Мухавцу? – глаза Хольца, и без того большие, увеличились совсем до неприличных размеров.

Видимо, до радистов начало доходить, что выстроенная ими идеальная картинка не совсем безупречна. Только этим я могу объяснить их смущённое молчание в качестве ответа на вопрос лейтенанта. Пользуясь МХАТовской паузой, быстренько даю Хольцу расклад по вооружению и боеприпасам, предлагая заодно раскулачить радистов на патроны. Тот, не раздумывая, соглашается, и у меня в руках оказываются два полных подсумка. Откланиваюсь и спешу на хоры, – вручить добытые патроны нашим стрелкам.

Да, я же ещё по поводу воды хотел узнать: у кого что есть!

С провизией-то понятно, – с голоду не помрём. Честно говоря, есть не хочется совсем: жара, духота, в горле от дыма пересыхает. Поэтому, больше всего интересуется наличие воды. Моё появление на балконе хоров совпало с началом очередной попытки атаки русских на церковь. Поскольку наши стрелки и пулемёт Ройса прочно удерживали алтарь, нечего было и думать о прорыве в зал. Единственный минус этой позиции, – наличие за спиной обороняющихся двух окон, выходящих на Белый дворец. Одновременно контролировать входы в церковь и окна за спиной было невозможно. Поэтому, перегруппировавшись, русские решили воспользоваться этим недостатком немецкой обороны. Сзади, из окон, прямо на спины наших камарадов, должны были полететь гранаты, а ударная группа красноармейцев, – броситься в атаку со стороны главного входа. Однако, немцы буквально на полсекунды опередили атакующих: Ройс открыл огонь на подавление по главному входу, дав тем самым время паре стрелков вскочить и кинуть гранаты в окна. За стеной раздались разрывы и крики раненых. Атака сорвана, но надолго ли? Умолк наш пулемёт, за ним замолчали винтовки. Стрельба стихла, но эхо выстрелов продолжало гулять под куполом церкви. Чёрт, акустика здесь, конечно, потрясающая, но рассчитана она точно не на ведение боевых действий. На звуки пальбы из тамбура выскочил Хольц.

– Йенс! Лейтенант! Мы долго не протянем! Помогите нам!

– Кто там кричит? – взглядываясь в сторону алтаря, спрашивает у нас Хольц.

– Господи, да это же Ройс! Им нужна помощь! – бросает на лейтенанта полный отчаяния взгляд Эмиль.

– Это пулемётчик из первого отделения, обер-гефрайтер Ройс, – поясняет Викинг и машет в сторону алтаря рукой:

– Я тебя слышу, Иоахим! Говори!

– Йенс, патроны на исходе! У меня последний «полтинник», – и всё, я пустой! У парней по две-три обоймы!

– Сколько вас? – кричит Хольц – Раненые есть?

– Семеро, господин лейтенант! Раненых нет!

– К выходу прорваться сможете?

– Никак нет, – русских там очень много, мы не пробежим и половины расстояния!

– Чёрт! – выругался Хольц, – они в ловушке!

Да, спасибо, лейтенант Очевидность, – бурчу я про себя. Как им помочь? – вот в чём вопрос! Прорваться ни к нам, ни в подвалы они не смогут, – факт. Остаться на месте также бессмысленно, – рано или поздно русские всё-таки подберутся к окнам и закидают группу Ройса гранатами. Да и патроны на исходе: скоро им нечем отстреливаться будет. Для нас, тех, кто находится сейчас на хорах, лучше бы Ройс так и сидел в алтаре, контролируя входы. Ведь пока реально угрожаемое направление и головная боль, – это только лестница, но с уничтожением группы в алтаре добавится и геморрой в виде зала. По нему будут хаотично перемещаться красноар-

мейцы, пытаясь время от времени закинуть нам на балкон пару – другую гранат. И как тогда мы будем держать оборону вшестером (каличных радистов я в расчёт не беру), – одному Гитлеру известно. Пока я размышлял о незавидной нашей судьбе, Викинг разродился хитрым планом, которым тут же поспешил поделиться с Хольцем:

– Господин лейтенант, сидеть на месте для них, – верная смерть. Пусть идут на прорыв, а мы поддержим!

– Ты же слышал, что они не добегут до выхода, – недоумённо посмотрел на Лермана офицер.

– Им и не нужно бежать к выходу! Пусть бегут к окнам, – ткнул стволом пулемёта в их сторону Викинг, – на северной стене. Выпрыгивают и бегут к домику, где засело отделение Шойнемана. Они их тоже поддержат огнём. Больше у этой группы шансов выжить нет!

– Пожалуй, ты прав, – задумчиво произнёс Шульц, – Только бежать им нужно не к Шойнеману, а к Трёхарочным воротам. Там держится первая штурмовая группа плюс с Северного постоянно подавливают наши батальоны. Согласен, что это дальше, но, на мой взгляд, безопаснее. Если бежать к Шойнеману, – из ворот церкви русские просто расстреляют их в спину.

– Можно и так, – немного подумав, кивнул Викинг.

– Ройс! У тебя есть идеи как выбраться? – закричал Шульц.

– Мы думали, что вы атакуете их по лестнице, а мы под-

держим снизу!

– Хороший план, Ройс, но у нас нет столько людей, чтобы атаковать!

– Так... Так что же нам... Помирать здесь, господин лейтенант? – срывающимся голосом спросил пулемётчик.

Все затаили дыхание, – что ответит Хольц?

– Положение тяжёлое, но шанс есть. Предлагаю следующее: прорываетесь к северной стене и прыгаете в окна, на улицу. Оттуда, – бегом к Трёхарочным, там сражается первая штурмовая группа, они и отделение из столовой комсовета вас прикроют огнём. Ваш прорыв мы поддержим имитацией атаки по лестнице и с хоров закинем вниз пару гранат. Другого варианта не вижу, – закончил лейтенант.

Немного помолчав, Ройс ответил:

– Ладно, господин лейтенант, – деваться нам всё равно некуда. Командуйте, мы готовы!

Хольц оглядел нас:

– Ну что, поехали? Штубе! – крикнул он в сторону лестницы, – давай гранату, начинаем!

– Кидайте! – это уже нам с Эмилом.

Отвернув колпачки с М-24, практически синхронно дёргаем за шнуры.

– На счёт «три»! – команду Эмилю. Тот кивает. Слышно, как шипит замедлитель. Главное, чтобы не рванула в руках...

– Раз! Два! – бьёт по ушам приглушённый взрыв со сто-

роны лестницы, сразу за ним раздаются выстрелы маузера и короткие очереди МР-40, – Студент с Вилли уже воюют.

– Три! – кидаем гранаты вниз. Они подскакивают на бетонном полу и запрыгивают под хоры, – туда, где, по нашему мнению, сидят русские.

– Вперёд!!! – орёт Шульц группе Ройса, энергично махая рукой.

Те дают дружный залп в сторону дверей, затем вскакивают и бегут к окнам. На месте остаётся только пулемётчик. Он стреляет короткими очередями, прикрывая отход товарищей. Стрелки метают гранаты в сторону бокового выхода, вдоль галереи. Разрывы! Солдаты уже у окон, они дают ещё один дружный залп по дверям: кто стоя, кто с колена.

Как по сигналу, вскакивает Ройс и огромными прыжками несётся вправо. Падает за колонну, выставив пулемёт. Его товарищи благополучно выпрыгивают в окна. Всё чётко, слаженно, – как будто неделю репетировали! Мы с Эмилом кидаем вниз ещё по одной гранате: это всё, чем мы можем помочь камрадам в данной ситуации.

Викинг внешне спокоен, наблюдая с балкона за прорывом группы Ройса, но побелевшие костяшки пальцев, сжимающих пулемёт, выдают огромное внутреннее напряжение. Ему хуже всех: если мы с Райзингером занимались метанием гранат, то есть были при деле, то от него вообще ничего сейчас не зависит. Наш пулемётчик выступает в роли зрителя.

Вот Ройс длинной очередью добил ленту, вскочил на но-

ги и бросился к окну. Здесь он чуть замешкался: с ходу перемахнуть через окно мешает тяжёлый пулемёт. Кинув свой верный MG-34 на подоконник, Ройс ухватился за раму. Я бросил взгляд на Викинга, – тот весь подался вперёд, как бы помогая Иоахиму преодолеть последние сантиметры, отделяющие того от спасительного окна.

– Бросай пулемёт! – не выдержав, заорал справа Эмиль.

Даже если Ройс и слышал этот отчаянный крик, следовать совету Райзингера было уже поздно. Красноармейцы пришли в себя и открыли ответный огонь. Уже стоя на подоконнике, Иоахим вдруг дёрнулся, нелепо взмахнул руками и упал. Он был ещё жив и пытался подняться, ползая на коленях в пыли под окном, когда тяжёлая винтовочная пуля со звоном пробила его каску. Голова пулемётчика вспухла кровавым облачком. Выстрел опрокинул обер-гефрайтера Ройса навзничь, и он упал, широко раскинув руки в стороны. Будто бы вымещая свою злобу, русские продолжали стрелять в уже неподвижное тело пулемётчика, под которым стремительно расплывалась огромная лужа крови. Оказывается, пуля попадает в тело человека с таким мерзким чавкающим звуком... Его нельзя ни с чем спутать: услышав один раз, – этот звук будет с тобой навсегда.

На Викинга было больно смотреть: он как-то сразу постарел, сгорбился, опустил плечи. Холщ покачал головой и убежал к лестнице, наказав нам смотреть в оба. В глазах Эмиля стояли слёзы, которые он изо всех сил старался сдержи-

вать. Ободряюще похлопав обоих по плечам, я направился к северному окошку, – посмотреть как дела у благополучно выбравшихся из церкви стрелков группы Ройса.

Осторожно выглянув, я увидел перебегающие между деревьев и воронок фигуры в фельдграу. Мать моя женщина! Похоже, по ним стреляли все, кто мог дотянуться! Били винтовки и автоматы за восточной стеной церкви, короткими очередями работал пулемёт из района Трёхарочных, тусклые на солнце вспышки выстрелов сверкали почти по всей длине кольцевой казармы. Несмотря на ожесточённый огонь, немцы перебежками продвигались к цели. Некоторые фигурки падали и уже не вставали, но четверо всё же смогли добраться до конца того парка, что раскинулся вокруг церкви.

От Трёхарочных ворот и спасения их отделял только ого-роженный кустами небольшой участок того, что раньше было газоном, да дорога, идущая вдоль кольцевых казарм. Последний рывок! Фигурки вскочили и бросились вперёд. Так, последние деревья остались позади, немцы подбегают к кустам, но что это? На моих глазах все четверо вдруг спотыкаются, падают и начинают барахтаться в этой чахлой растительности, как мухи в паутине. Застряли и не могут выбраться? Что же им там мешает?

Огонь по малоподвижной мишени всегда достигает цели, даже если ты, – неважный стрелок. Вопрос лишь во времени. В случае, когда по мишени стреляет сотня таких стрелков, – попадание в цель становится делом буквально пары секунд.

Так и произошло: фигурки немецких солдат обмякли и, будто бы, застыли в воздухе. Да что же там, чёрт подери, случилось?

Внимательно всматриваюсь. Сквозь дым проглядывает солнце, и вокруг висящих фигур вдруг вспыхивают тонкие нити. Вот оно что... Парни попали на проволочное заграждение. Откуда оно там взялось? Мда, не повезло... Обидно: осталось преодолеть каких-то жалких 20 метров, – и вот оно, спасение, но... Видимо, не судьба им была выжить. Что в церкви бы погибли, что за её пределами.

Возвращаюсь на балкон. За ту минуту, что я отсутствовал, изменений в диспозиции не произошло: красноармейцы по-прежнему сидят внизу, мы – наверху. Ни они, ни мы попыток атаковать не предпринимаем. Для лучшего контроля, Хольц нарезал каждому из нас сектор наблюдения: Викинг отвечал за центральный зал, мы с Эмилем – за левую и правую галереи соответственно. Кроме того, желая поднять огневую мощь нашей группы, лейтенант лично принёс мне винтовку и подсумки, отобранные у одного из радистов.

Вот она, – легенда, в моих руках. Нет, Макс Ланге, конечно же, прекрасно знал этот маузер и неоднократно стрелял из него, но вот я... Я видел Kar98k только в художественных фильмах да в обзорах на ютубе. Хотя нет, вру: на съёмках держал в руках, 1939 года выпуска. Кстати, а этот какого? Смотрю на клеймо: 1940. Тоже неплохо. Стрелять из Kar98k доводилось только в PUBG, там он на сленге местных иг-

рунов назывался «каряк» и считался отличной снайперской винтовкой. Честно говоря, по конечному результату, то есть проделыванию лишней дырки в теле, не вижу особых отличий от винтовки Мосина. Да у них даже калибр почти одинаковый. Но, одно дело, – рассуждать с дивана, другое, – сжимать винтовку в руках, находясь в Брестской крепости.

– Интересно: как там парни Ройса? Смогли добежать до Трёхарочных? – ни к кому конкретно не обращаясь, спрашивает Эмиль.

Викинг вопросительно смотрит на меня, – он видел, как я пробежал к окну. Отрицательно качаю головой. Йенс раздосадовано сплёвывает и вполголоса ругается. Эмиль непонимающе косится на пулемётчика:

– Что с тобой?

– Никто из тех парней не выжил, Эмиль, – несмотря на красноречивый взгляд Викинга, я не вижу смысла скрывать правду от Райзингера.

– Ты... Ты уверен, Макс?

– Более чем. Видел собственными глазами. Последние четверо почти добежали до ворот, но попали на проволочное ограждение и...

– Мы отомстим! – зловеще произносит Викинг, – За всех наших погибших товарищей отомстим! За Курта, за Ройса, за Нойманна... Никакой пощады коммунистам!

Я хотел было вступить с Лерманом в дискуссию, но, увидев его отрешённое лицо, – передумал. Сейчас он вряд ли

способен адекватно воспринимать информацию на тему того, что это именно Германия напала на СССР, а не наоборот. И немцев сюда никто не звал, плохого им советские люди ничего не сделали. То, что происходит сейчас, – абсолютно адекватная реакция на агрессию. Русские воюют за свои жизни, за семью, за близких, за свою Родину. А немцы за что? Я знаю, что причины войны отступают на второй план сразу после первых понесённых потерь. Рраз! И ты уже, – мститель. Неважно из-за чего война, неважно! Мечь! Вот вечный двигатель войны! За Лёху, за Ганса, – без разницы. Главное, – мстить. А остальные причины как-то сразу забываются. И вопрос «за что воюем?» ни у кого в голове не всплывает, потому что очевидно же!

Из радио-тамбура вышел Холыц, остановился рядом с нами, закурил.

– Что-нибудь слышно от наших, господин лейтенант? Собираются нас отсюда вытаскивать или нет? – не выдерживая, спрашивает Эмиль.

– Там пока не до нас, – выпуская облако дыма, произносит арткорректировщик, – На Северном очень серьёзная ситуация. Принято решение ввести в бой батарею StuG-III из 201-го дивизиона штурмовых орудий.

– А батарея – это сколько? – интересуется Райзингер.

– По-разному... – лейтенант пожимает плечами, – В данном случае, – шесть самоходок. Будем молиться за них. Если на Северном всё получится, – то и нас разблокируют.

– Да, было бы неплохо – соглашается Викинг.

Глава 4

Наблюдать втроем за большим залом и галереями нам вскоре надоело: русские и носа не показывают, в церкви тишина. Поэтому, Викинг волевым решением определил, что наблюдать будем по одному, меняясь каждые полчаса, после чего самолично первым заступил на пост. Проходящему лейтенанту мы донесли своё рационализаторское предложение, с которым он, чуть подумав, согласился.

Время тянулось невыносимо медленно. По всему периметру Цитадели шла перестрелка, особенно сильная со стороны Трёхарочных ворот, что уже становилось привычным. Мы, из церкви, участия в боевых действиях не принимали: людей едва хватало, чтобы держать оборонительные рубежи. Стрелять из окон было просто некому, да и количество боеприпасов не располагало. С момента гибели группы Ройса прошло уже часа два, и за это время русские так и не предприняли ни одной попытки атаковать нас на хорах или захватить большой зал. Поэтому, мы немного расслабились и позволяли себе сразу вдвоём отойти от балкона, оставив наблюдающего в одиночестве.

Было около 14 часов, я только что сменился и курил с Эмилом у окна выходящего в сторону Трёхарочных ворот, Викинг занял пост у парапета. На Северном продолжалась война, но теперь в грохот стрельбы вплелся новый звук. Мы

с Райзингером переглянулись:

– Танки? – неуверенно произнёс Эмиль.

– Скорее уж, самоходки, – поправил я его и прислушался.

Действительно: где-то там, за Трёхарочными, раздавался гул работающих моторов. Банг! – Бах! Банг! – Бах! Звук выстрела пушки почти сливался со звуком разрыва. Значит, стреляли практически в упор.

– Ну, вот и помощь подоспела, – облегчённо выдохнул бесшумно появившийся за нашими спинами лейтенант Хольц.

Через несколько минут, мы увидели и сами самоходки. Точнее, – одну. Низкая, приземистая, она прошла сквозь среднюю арку Трёхарочных ворот и вошла в крепость. Безо всяких сомнений, это то самое штурмовое орудие из 201-го дивизиона. Дождались! Вот оно, спасение, – урчит двигателем и уверенно двигается вдоль кольцевой казармы в сторону разбитого артпарка! Эмиль не выдержал и помчался сообщать радостную новость камрадам на постах. Мы с лейтенантом остались у окна, – смотреть что будет дальше.

Вскоре, самоходка скрылась из виду и, чтобы не потерять её, нам пришлось перебежать на старую позицию, в будку киномеханика. StuG-III не стал въезжать на территорию артпарка, видимо, боясь там застрять. Самоходчики довернули чуть левее, выбираясь на спортплощадку.

Снеся пару турников, «штуг» развернулся и открыл огонь по внутренней стороне кольцевой казармы. Он работал по

огневым точкам и каждый выстрел попадал в цель, выбивая из окна или амбразуры облачко красновато-серой кирпичной пыли. Мда, защитникам явно приходилось несладко... Этот «штуг» делов натворит... Казалось, до него было рукой подать: метров 70 от церкви и 50 от домика, где удерживало оборону отделение Шойнемана. Но... Близок локоток, да не укусишь.

По самоходке стреляло всё, что было у русских под рукой: броня буквально искрилась от пуль. Даже русские снизу открыли огонь! Добежать до «штуга» нереально, – да и нужно ли? Умом понимаешь, что нет, но сердце утверждает обратное. Для окружённых, любой контакт с «большой землёй» очень важен: теперь я это очень хорошо прочувствовал. Как оказалось, прочувствовал не только я:

– Нужно им показать, что мы здесь! – осенило Хольца и он стремительно выбежал в радиорубку.

Не успел я и глазом моргнуть, как лейтенант вернулся, неся в руках свёрток какой-то красной ткани.

– Разворачиваем! – приказал он мне.

В свёртке оказался Рейхсфлаг: огромное красное полотнище со свастикой в белом круге. С помощью кирпичей и торчащей арматуры мы с горем пополам закрепили его на подоконнике. Четверть полотнища оказалась в будке, остальная часть свисала из окна. В процессе установки, лейтенант поведал, что этот флаг покажет самоходчикам, что мы здесь. Кроме того, спасёт и от своей авиации, которая обяза-

тельно увидит сверху, что в церкви немцы и бомбить нас не станет. От себя я бы добавил, что флаг увидят и русские. Нет, они и так знают, что здесь засели немцы, но зачем их лишний раз раздражать? Бьюсь об заклад, что флаг подействует на них как красная тряпка на быка. Мысли свои я благоразумно озвучивать лейтенанту не стал, – так, на всякий случай.

– Что-то я не вижу у них пехотного прикрытия – с беспокойством произнёс Хольц.

Пожимаю плечами. Очередной факт от лейтенанта Очевидность: действительно, самоходка пришла в гордом одиночестве. Скорее всего, пехоту от неё отсекли ещё на мосту. Подбить бронееобъект защитникам нечем, а вот солдат пострелять, – очень даже могут. Кстати, для нас, окружённых в церкви, это не есть хорошо. Значит, атака с Северного через Трёхарочные ворота не удалась. Прорвался только один «штуг». Интересно: а где же, собственно, остальные? Вряд ли уничтожены: с внешней стороны Цитадели продолжают работать орудия самоходок, их хорошо слышно. Но почему они не входят в крепость? Загадка.

Между тем, лейтенант умчался в радио-тамбур: видимо, узнавать судьбу пехотного прикрытия и остальных «штугов». Ему на смену прибежал радостно-возбуждённый Эмиль. Однако, буквально через пару секунд, он резко побледнел и вытянул руку вперёд, тыча куда-то указательным пальцем. Райзингер силился что-то сказать, но, от волнения, не мог произнести ни звука.

– Что там? Бабайку увидел? – аккуратно выглядывая из окна, поинтересовался я.

– Пушка! Они заряжают пушку! – вернулся к Эмилю дар речи.

– Зачем? – быстро скопировал я капитана Смоллетта из «Острова сокровищ» – А, они будут стрелять! Прибавить ходу! – с этим криком хватаю Райзингера за рукав и тяну за собой в тамбур, сбивая с ног подвернувшегося лейтенанта.

– Что вы тут, чёрт возьми, вытворяете? – возмущённо вопит Хольц, поднимаясь на ноги.

– Русские выкатили пушку у ограды и готовятся стрелять! – выпаливаю я, – Поэтому мы с Эмилем приняли решение проследовать в укрытие!

Однако, лицо лейтенанта продолжает полыхать праведным гневом:

– С чего Вы взяли, что русские будут стрелять по церкви, а не по штурмовому оружию!?

– По самоходке попасть будет затруднительно, – им мешает артпарк, а вот по нашему окну – в самый раз. Тем более, там висит наш флаг! Может, убрать его? – с надеждой спрашиваю Хольца.

В моей голове происходящие сейчас события отчего-то прочно ассоциируются с мультфильмом «Остров сокровищ». Вот, сейчас лейтенант скажет, брызгая слюной: «Спустить флаг? Гордый морской обычай не позволяет спускать флаг во время сражения! Ни за что!» Но тот не достаивает

меня ответом, а решительно входит в покинутую нами будку киномеханика. Переглянувшись с Эмилем, идём вслед за лейтенантом. Как ни прискорбно, но я вынужден признать своё поражение: русская пушка действительно не обращает на нас никакого внимания. Зато, вокруг самоходки периодически встают фонтаны земли. Попасть пока не удаётся, но это дело времени: «штуг» неподвижен и занят стрельбой по окнам кольцевой казармы. О том, что слева по нему ведёт огонь артиллерия противника, экипаж пока не догадывается. Шульц подносит к глазам бинокль, комментирует:

– Так, прицела у них нет, наводят по стволу, – Рауш был прав.

Кстати, Рауш: жив ли он, интересно? На момент последнего, относительно успешного для русских штурма, когда им удалось расчленив нашу оборону, взводный был здоровёхонек. Оглядывая большой зал с балкона, – среди немногочисленных убитых я его не видел. Если он не лежит сейчас бездыханным перед входом, – то есть надежда, что Рауш спасся в подвалах. И Отто наверняка там. Очередной выстрел – разрыв. Снова мимо.

– Они используют осколочно-фугасные снаряды вместо бронебойных. Странно. Скорее всего, бронебойных у русских просто нет, – делает тем временем выводы Хольц, – В отличие от броневика, у которого всё было наоборот. Осколочные, – это плохо для нас, если они вздумают обстрелять церковь.

Тем временем, «штуг» закончил гвоздить по окнам кольцевой казармы и двинулся вперёд, постепенно набирая ход. Не думаю, что его экипаж вообще понял, что всё это время находился под обстрелом: судя по всему, они даже не заметили русского орудия. По крайней мере, в его сторону самоходка не разворачивалась. Впрочем, это не помешало русским артиллеристам приписать именно своему потрясающе неточному огню уход «штуга» с занимаемой позиции. О том, что это так, нам сообщил лейтенант Хольц, по-прежнему наблюдавший за ними. Они радовались, прыгали, обнимались у пушки, – одним словом, чувствовали себя героями. Главное, чтобы эти герои теперь не принялись лупить по нашей церкви, на радостях. Однако, мои опасения оказались напрасными: русские вновь затащили своё орудие за ограду.

Самоходка шла на выход, в этом теперь не было никаких сомнений. Она двигалась тем же маршрутом, по дороге вдоль кольцевой казармы. Скорее всего, у «штуга» просто закончились снаряды, поэтому и смысла в дальнейшем нахождении внутри крепости не было. Мы провожали самоходку взглядами до самых Трёхарочных ворот. Её появление вызвало вспышку ожесточённой стрельбы в районе моста. Последнее, что мы увидели, – как самоходка скрылась в проёме ворот, покинув Цитадель. Всё. Спасение вновь откладывается на неопределённый срок.

С не самыми радужными мыслями возвращаемся с Эмилем к Викингу. Пока я вкратце пересказываю ему события

последнего полчаса, Райзингер безжизненно сидит на полу, опираясь спиной о парапет балкона. Совсем расклеился кадрад. Ничего, – это только начало. Ещё четыре года впереди. Страшно подумать, – с момента начала войны не прошло ещё и суток! Да что там суток, – даже двенадцати часов!

Внезапно, вспыхнула перестрелка у обычно тихих Тереспольских ворот. Я кинулся к южному окну, где застал прибежавшего на звуки выстрелов Студента. Хотя, ему и бежать-то не нужно: от лестницы до окна буквально пару шагов. Дружески хлопнув друг друга по плечу, мы стали наблюдать за раскинувшимся перед нашим взором участком крепости. К сожалению, разглядеть что-либо было затруднительно: стрельба велась или внутри кольцевой казармы, или вообще на той стороне, у реки. Вскоре, выстрелы прекратились. Кто победил в этой короткой схватке, – осталось для нас загадкой.

Однако, через пару мгновений после окончания стрельбы, из дверей кольцевой казармы, недалеко от Тереспольских ворот, выбежала группа красноармейцев. Их было не очень много, – всего семь человек. Двое из них несли какой-то необычный пулемёт на станке. Издалека он напоминал уменьшенную копию ДШК, только станок без колёс и сиденья. Ещё четыре красноармейца бежали налегке, и один боец, – катил пулемёт Максима. Группа русских беспрепятственно пробежала от двери до поленниц. Ещё немного, – и они скроются в развалинах погранзаставы! Почему рота

Гренца не стреляет? Или их выбили в результате этой короткой стычки, выстрелы которой мы слышали? Да ну, не может быть! Выбить роту с пулемётами, которая вот уже несколько часов занимается только тем, что укрепляет свою оборону? Нереально. Но почему же они молчат?

Группа красноармейцев мало того, что не полезла в подвал здания погранзаставы, – она нагло пересекла дорогу, идущую от Тереспольских ворот, и благополучно добралась аж до казарм 333-го полка! Это невероятно! Со стороны ворот по ним не прозвучало ни одного выстрела! Куда же делась наша 10-я рота?

Я спросил об этом подошедшего Хольца. Тот с недоверием выслушал меня, затем достал ракетницу и разрядил её в затянутое дымом пожаров небо. Буквально через минуту, от Тереспольских ворот взвилась ответная ракета. Не удостоив меня даже взглядом, Хольц молча развернулся и пошёл к радистам. Мда, неловко получилось. Значит, рота всё ещё там. Тогда почему они пропустили русских с пулемётами? И что за стрельба была поблизости от Тереспольских ворот? У Студента тоже на этот счёт мыслей никаких не было. Прикуривая одну сигарету от другой, Герхард посоветовал не забивать голову всякой ерундой. Может, он прав?

Немного ещё посидев со Студентом, поднялся. Пора менять Викинга. Заглянул по пути на лестницу: Вилли даже не шелохнулся. Как сидел отрешённо, без эмоций, глядя в одну точку, – так и продолжал сидеть. Мда. Практически полную

копию Тиллеманна застал на балконе, только фамилия у копии была Райзингер. Викинг тоже не источал жизнерадостной энергии, но выглядел пободрее остальных.

Я занял позицию для наблюдения. В церкви всё по-прежнему, никаких изменений. Боже, как тянется время... Глядеть на апатичных камрадов противно, – они меня раздражают. Не знаю почему, но я бодр и относительно весел. Настроение такое, словно скоро должно что-то произойти волнительное и ты находишься в предвкушении. Однако, пока всё тихо. Эх, сколько же нам ещё здесь торчать?

Глава 5

В отличие от своих камрадов, унынию я предаваться во все не собирался. Сидеть кинуть со стеклянным взглядом, облокотившись об стену, – нет никакого желания. Поэтому, в свободное от наблюдения за церковным залом время, я постоянно перебегаю между окнами: там посмотрю, здесь погляжу. По большому счёту, ничего глобального на территории не происходит. Так, по мелочи: где-то временами вспыхнет перестрелка, где-то, наоборот, прекратится. Около 17:00 над крепостью воцарилась практически идеальная тишина. Это было довольно некомфортно, потому что мы уже привыкли к постоянной стрельбе и взрывам. А тут, внезапно, раз, – и всё затихло.

Почувяв неладное, из радио-тамбура показался лейтенант Хольц. Он тоже прошёлся по окнам, разглядывая крепость в бинокль. Ничего. Странно. Тишину разорвала очередь русского Максима откуда-то из района расположения казарм 333-го полка. Ну слава богу, а то мы уже испугались... Однако, очередь оказалась единственной и пулемёт замолчал. Причину стрельбы поведал нам радист гефрайтер Кюхлер. Он курил в будке киномеханика и всё видел.

– Там вон русские с белым флагом шли, и их свои же расстреляли.

– Где «там»? – переспросил лейтенант.

– А вон из тех ворот, – кивнул в сторону Тереспольских гефрайтер.

– Может, они всё-таки, в сторону ворот шли? – уточняю у радиста.

– Нет, – отрицательно замотал тот головой, – русские, два человека, двигались именно в крепость.

– И как их обер-лейтенант Гренц, интересно, мимо себя пропустил? – с сарказмом интересуюсь у Кюхлера.

– Это парламентёры, – бросает Хольц, опуская бинокль, – из русских пленных. Видимо, их отправили с предложением гарнизону сдаться.

– Ну, ответ гарнизона, в принципе, понятен, – усмехаюсь я.

– Да уж, предельно ясен, – задумчиво произносит лейтенант.

– Тишина в крепости связана с тем, что к русским выслали парламентёров? – спрашивает Кюхлер.

– Похоже на то, – кивает Хольц.

– О, вон ещё одного готовят! – вытянув руку в направлении Тереспольских ворот, крикнул радист.

Лейтенант быстро поднёс к глазам бинокль. Расстояние небольшое, так что мы с Кюхлером тоже вполне отчётливо видели парламентёра. К нашему общему удивлению, им оказалась девочка-подросток. Немецкий солдат винтовкой упирался в её спину, выталкивая из двери кольцевой казармы, что рядом с Тереспольскими воротами. Если не ошибаюсь,

это та самая дверь, откуда, несколькими часами ранее, русские совершенно спокойно вышли с двумя пулемётами. Девочка идти не хотела, упиралась и что-то говорила солдату. Однако, тот был непреклонен и, вытолкнув её из казармы, захлопнул дверь. Оставшись одна, она расплакалась и прижала к лицу кусок грязной материи, который, судя по всему, должен был изображать белый флаг.

Твари! Это кто же там такой умный в 10-й роте? Гренц? Ребёнка под пули! В бессилии сжимаю кулаки. Гады!

Ого, – как меня это зацепило! Нужно бы контролировать свои эмоции, но я не могу... Внезапно, становится нечем дышать. Я рву воротник, с треском отлетает пуговица. Кюхлер и Хольц абсолютно спокойны и с интересом наблюдают за развитием событий. Эх, руки чешутся пристрелить этих двух уродов, но я пока сдерживаюсь. Сдерживаюсь? Чёрт, да что со мной творится-то? Голову словно кто-то рвёт на части! Неожиданно, пришло решение: если с девочкой что-нибудь случится, – Хольцу с Кюхлером не жить. Сначала завалю этих двоих из «люгера», потом радиста в тамбуре. Ну, и двух гранат на Викинга с Эмилем и Студента с Вилли вполне хватит. Хороший план? Прекрасный! Жаль, что не мой. И не Ланге тем более, – его вообще на горизонте не видно. Такое ощущение, что к нам в голову подселили третьего. И он нас просто подавил! Чувствую, что теряю контроль над ситуацией. Так не годится: нужно собраться!

Видимо, девочке что-то кричат из окон, потому что она

испуганно делает несколько шагов в направлении погранзаставы. Но, пройдя буквально чуть-чуть, – снова останавливается и плачет. Из дверей выходит солдат, подходит к ней и поднимает винтовку, целясь ей в голову. Он что-то кричит ей, а затем стреляет. Сссука!

К счастью, выстрел был сделан в воздух. Девочка испуганно присела, схватившись за голову, а потом испуганной птицей метнулась в сторону развалин погранзаставы, исчезнув из нашего поля зрения. Солдат удовлетворённо закинул маузер за спину и вернулся в кольцевую казарму. Спустя буквально пару секунд, со стороны расположения 333-го полка, куда побежала парламентёр, хлопнул одиночный выстрел из «мосинки».

– Ого, – поднял брови вверх Хольц – они что, всех парламентёров стреляют? Даже детей?

– Русские свиньи, – зло сплюнул Кюхлер.

Я не верил своим глазам, вернее ушам. Неужели красноармейцы действительно убили эту девочку? Зачем? Перепутали с врагом? Но здесь же явно было видно, что это ребёнок! Она в цветастом платье, на ней нет формы! Хольц отвернулся от окна и, заметив моё состояние, отечески похлопал по плечу:

– Это война, Ланге. К бессмысленным убийствам тяжело привыкнуть, тем более, когда гибнут дети...

– Большевики – настоящие звери! – презрительно произнёс радист.

– Да, менталитет этих азиатов в корне отличается от нашего, европейского, – задумчиво ответил лейтенант, – Именно поэтому мы до сих пор и не взяли эту старую крепость.

Слов в защиту русских у меня не нашлось. Увиденное и услышанное настолько поражало, что кроме фразы «этого не может быть», как заезженная пластинка звучащей в моей голове, мыслей никаких не было. Кстати, я снова могу свободно распоряжаться собой: всё прошло, исчезла чужая воля. Слово и не было ничего. Как тучка, заслонившая было солнце: раз, – и пробежала. Что это было? Непонятно. О чём это я? А, о девочке-парламентёре! Господи, неужели это правда? И красноармейцы убили беззащитного ребёнка? Просто не укладывается в голове... А немцы? Ведь всего лишь минуту назад я был готов глотки перегрызть и Хольцу, и Кюхлеру! Это из-за девочки? Или из-за того, что ситуацию я видел своими глазами? Потому что на гибель красноармейцев, штурмовавших церковь, такой реакции не было. Хотя я и знал, что их убивают немцы, но лично не видел этого. А тут история другая... Впрочем, гибели девочки я тоже сам не наблюдал. Но воображение услужливо представило мне весь процесс в красках... Фух, что-то я совсем запутался. Казалось, всё предельно просто: «наши», – это русские; «враги», – это немцы. Так-то, оно, конечно, так... Но сейчас, они для меня одинаково омерзительны. Одни, – послали ребёнка на смерть, другие – убили его. Кто из них лучше?

Мысли мои, сумбурно скачущие, были самым бесцере-

монным способом прерваны: на первом этаже, один за другим, почти слитно, внезапно раздалась целых четыре гранатных разрыва! Что это? Я встрепенулся и помчался к Викингу с Эмилом. Не успел ещё последний взрыв затихнуть, как заработал MG-34, – этот звук ни с чем нельзя перепутать. Практически одновременно, в дело вступили MP-40, затем коротко татакнул и тут же замолчал русский ДП, словно подавившись очередью. Атака? Мои товарищи имели вид не менее ошарашенный, чем я. Викинг прильнул к прицелу и водил стволом пулемёта, выискивая цели в зале. Целей не было. Вместо этого, внизу раздалась последняя автоматная очередь, после которой всё стихло. Бой, если это был он, продолжался менее тридцати секунд. Мимо нас в сторону лестницы мчится Хольц, перезаряжая на бегу свой автомат. Вопросительно смотрю на Викинга: тот кивает в ответ, и я несусь следом за лейтенантом. У лестницы оживлённо: Студент с Вилли залегли по обе её стороны, держа под прицелом ступеньки, Хольц присел на колени, направив ствол в сторону подъёма. Я встал чуть правее и сзади лейтенанта в готовности его, в случае чего, подстраховать. Прошло несколько томительных мгновений, прежде чем снизу послышался осторожный голос обер-фельдфебеля Рауша:

– Эй, наверху! Есть кто живой?

Господи, я чертовски рад увидеть, наконец, наших ребят! После почти четырёхчасовой разлуки, показавшейся мне вечностью, обнять старину Отто, – можно ли мечтать

о чём-то большем? Да я чуть не расплакался! Жив, чесночная душа! Рюдигер, подозрительно шмыгая носом, смущённо отводил глаза и смахивал несуществующую «ресницу, что попала в глаз».

– Чёрт, Макс, я ведь тебя уже похоронил!

– Отто, дружище, слухи о моей смерти сильно преувеличены, – я растроган.

– Как вы тут? Когда русские загнали нас в подвал и бой наверху прекратился... Мы думали, что всё: кроме нас никто не выжил!

– Да, они попробовали влезть к нам наверх разок, а потом успокоились. Иоахим вот только погиб, и с ним вся его группа...

– Ройс? Мы слышали, что работал пулемёт, но думали это Викинг... И, когда стрельба у вас совсем затихла...

– Иоахим прикрывал выход своих ребят до последнего, он настоящий герой.

– Жаль парней...

– Не то слово.

Из радио-тамбура показались Хольц и Рауш. Лица их были предельно серьёзны, взводный махнул нам рукой: спускайтесь вниз. В подвале собралась вся наша группа, за исключением дежурных наблюдателей. Оглядев своих солдат, Рауш, на правах командира, сказал:

– Камрады! По радио получена информация, что через 20 минут наши подразделения, штурмующие крепость, бу-

дут отведены назад, на линию блокирования.

В подземелье воцарилась гробовая тишина. Взводный продолжал:

– Новая атака будет произведена завтра утром, после арт-подготовки. До этого момента все попытки нас деблокировать прекращаются. Командование предлагает продержаться эту ночь здесь.

Слова Рауша прозвучали для нас как приговор. Русские не успокоятся и попросту вырежут группу! Их ночной штурм со стопроцентной вероятностью будет успешен! Мы не сможем их даже увидеть, пока они ползут в темноте!

– Я думаю, оставаться здесь, – смерти подобно. Нужно идти на прорыв. Идти, пока нас может поддержать огнём 10-я рота от Тереспольских ворот. Помимо почти наверняка последующей атаки русских, – у нас есть и другие причины как можно скорее выйти отсюда. Это, – раненые, которые умрут без квалифицированной медицинской помощи! – Рауш замолчал.

Солдаты жадно слушали взводного.

– Всем выйти не удастся, – кто-то должен остаться и прикрыть прорыв группы. Приказывать остаться я не имею морального права, – видно, что слова ему давались с трудом, – Поэтому, нужны добровольцы.

Я посмотрел на окружающих меня камрадов. Кто-то растерянно смотрел на своих товарищей, кто-то прятал глаза, уже приняв решение ни в коем случае не оставаться в церк-

ви. Эх, была – не была! Если уж и погружаться в прошлое, то по самые помидоры!

– Я останусь! – произношу громко, чтобы все слышали.

Эмиль с изумлением посмотрел на меня, Викинг толкнул локтём, прошипев в ухо:

– Макс, ты что творишь?

По рядам пошёл гул, солдаты тянули шеи, чтобы увидеть самоубийцу. Рауш одобрительно кивнул головой и задал вопрос:

– Кто ещё?

– Я! – раздался чей-то до боли знакомый голос.

Ба! Да это Отто Рюдигер собственной персоной! Он предельно серьёзен и собран. В отличие от меня, на его лице нет и следа бесшабашности.

Больше добровольцев не нашлось.

Пока группа готовилась к выдвижению, Рауш отвёл нас в сторонку:

– Спасибо, парни, что вызвались нас прикрыть. Макс, – впервые он назвал меня по имени, – возмём пулемёт Ройса. Ты, – первый номер, Отто, – помощник. Ленты вам дадут, от каждого расчёта получите по «сотке»: при прорыве они им не сильно пригодятся. Стрелять, – не жалея патронов, на подавление огневых точек. Позиция, – всё та же, в будке кинемеханика. После нашего прорыва, – уходите в подвал. Это единственное место, где есть шанс дотянуть до подхода своих. Держите лестницу на мушке, – голову даю, что, потеряв

несколько первых смельчаков, русские к вам не полезут. На всякий случай, – прощайте!

С этими словами, взводный пожал нам руки и ушёл руководить подготовкой к прорыву. Я взял пулемёт Ройса. Самого Иоахима, как и остальных наших солдат, убитых в церкви, перенесли к алтарю. Там они и лежали, девять человек. Парни принесли ленты. Они говорили какие-то слова, ободряюще хлопали по плечу. Мы, как два болванчика, кивали головами, пожимали протянутые руки. Подошёл Викинг, одел мне на плечи ленту-«двухсотку» :

– Давай, Макс, удачи. Надеюсь, всё у нас получится. Бей короткими, береги ствол. По возможности, – меняй позиции. Отто, – не мешкай, ленты должны быть всегда наготове.

– Ребята, вы... Вы, – настоящие герои! – срывающимся голосом повторял Эмиль, обнимая нас с Отто.

– Смотрите у меня! – погрозил Йенс пальцем, – не дай бог дадите русским себя подстрелить!

– Мы постараемся этого не допустить, – улыбнувшись, ответил за обоих я.

– Тогда, – до скорой встречи! – сжал нас в своих лапах Викинг и, резко развернувшись, зашагал к остальным солдатам. Эмиль, оглядываясь и махая нам рукой, засеменял следом.

Выставив пулемёт в окно, я прильнул к прицелу, осматривая лежащие передо мной полуразрушенные здания. Где-то внизу ждали команды на прорыв наши камрады. Несмотря на то, что крепость продолжала гореть, лучи вечернего

солнца пробивали стелющийся дым и ярко освещали землю. Кроме того, сквозь огромное окно они нещадно светили мне прямо в глаз, не позволяя полноценно наблюдать за окружающей обстановкой. Ну, что там тянут? Время!

Под окном раздались пронзительные звуки унтер-офицерских свистков: вперёд! Невольно вздрогнув от неожиданности, я поплотнее прижал приклад к плечу, в готовности немедленно открыть огонь. Снизу раздался топот множества ног и, через несколько мгновений, в поле моего зрения показались бегущие немецкие солдаты. Спереди, во главе с Раушем, неслась ударная группа, вооружённая как МР-40, так и трофейными ППД. Потом шла первая волна стрелков, усиленная по флангам пулемётчиками. За ней бежали сапёры, которые несли на четырёх носилках раненых. Далее, – вторая волна стрелков, с пулемётом Викинга в центре, и замыкали строй лейтенант Хольц с радистами. Последние тащили рацию и ещё какое-то барахло. Пока всё шло неплохо, сопротивления со стороны русских никакого. От Тереспольских ворот открыли прикрывающий огонь солдаты оберлейтенанта Гренца. Вот бегущие от церкви немцы миновали спортплощадку, достигли здания погранзаставы... Ещё чуть-чуть, – и они спасены!

Но, русские не собирались так просто дать немцам выйти: они подпустили группу Рауша поближе и обрушили на бегущих шквал огня! Захлёбывались злобным лаем пулемёты; слившись в умопомрачительный треск, били винтовки, рас-

сыпали очереди автоматы... Стрелял, казалось, каждый камень, каждое окно и амбразура: в упор из погранзаставы, из кольцевых казарм, слева и справа. Строй немцев сломался: падали убитые и раненые. Сапёры, побросав носилки, пытались укрыться среди воронок и деревьев. Бежавший сзади Хольц присел на колено и что-то кричал, махая рукой с зажатым в ней автоматом. Радисты сначала залегли, потом вскочили и со всех ног бросились обратно, к церкви. За ними побежали ещё несколько человек. Несмотря на огонь, передовая группа, сильно поредевшая, почти добежала до здания погранзаставы.

Я и не заметил когда открыл огонь: помню только, что стрелял по вспышкам, перенося огонь с одного окна на другое. Расчётливо, короткими очередями. Подавил – не подавил, – даже не задумывался. Азарт боя захватил меня целиком. Внезапно, из дверей и окон начали выпрыгивать красноармейцы: русские пошли в атаку, стремясь любой ценой не позволить немцам вырваться из Цитадели. Стрелять по ним не мог ни я, ни солдаты Гренца: завязалась рукопашная. Огонь с обеих сторон стих. Мы с Отто смотрели на разворачивающееся перед нами побоище, не в силах как-то помочь своим камрадам. Среди мелькающих фигур я искал знакомые силуэты, но всё напрасно: разобрать в мешанине тел что-либо было практически невозможно.

Как всегда, русские в рукопашном бою одержали победу. Немногочисленные выжившие немецкие солдаты в панике

отступали обратно, под защиту стен церкви. Откинув врага до спортплощадки, красноармейцы, под возобновившимся огнём немецких пулемётов, возвращались обратно в подвалы. Отчаянный прорыв второй штурмовой группы не удался. Раненых не было: только живые и мёртвые. От церкви и до погранзаставы земля была усеяна трупами в серо-зелёной форме.

Я, потрясённый увиденным, застыл у дымящегося пулемёта. Стрельба стихла. Рядом лежал Отто и, сжимая в руках оставшиеся ленты, плакал как ребёнок. Внизу раздавались возбуждённые голоса наших выживших товарищей. Я слышал их, но спуститься к ним... Боюсь, сердце разорвётся, если не увижу там Викинга и Эмиля. Нужно оттянуть этот момент. Господи, не сейчас. Пожалуйста, не сейчас. Пока ещё они для меня живы, сидят внизу и делятся подробностями неудавшегося прорыва. Почему нет?

– О, Макс, – перегрел всё-таки ствол... – доносится до меня знакомый голос. Я оглядываюсь. В дверях, устало оперевшись плечом о косяк, с верным МГ в руках, стоит Викинг. Пулемёт пуст, – он расстрелял всю ленту.

– Ты даже не представляешь как я рад тебя видеть, Йенс, – слёзы предательски выступают на моих глазах и окончание фразы я комкаю, зашмыгав носом.

– И я, – просто отвечает Викинг.

– А Эмиль? Где он?

Йенс отводит глаза в сторону, – всё понятно без слов. Рю-

дигер, успокоившись было, вновь начинает плакать. Совсем тихо, сдерживая рвущиеся наружу рыдания. Викинг, глядя на него, говорит:

– Много наших парней там осталось. Много. А слёзы... Слёзы мужчины наравне с кровью ценятся. Мы отомстим!

– Господи, Эмиль! – шепчет Отто – наш Эмиль...

– В общем, дела такие: осталось от нашего отделения всего четверо, – глядя себе под ноги, произносит Лерман. – Мы с вами, да Студент.

– Он жив!?! – вскидывается Рюдигер.

– Студента не так уж просто уложить, – уголками губ усмехается Викинг – он вёрткий малый.

– Сколько... осталось?

– Точно не скажу, – человек сорок, наверное. Два радиста, лейтенант Хольц, «лодочник» Вилли, – начинает загибать пальцы Йенс – огнёмётчик Юрген, несколько парней из одиннадцатой, сапёры. Плюс отделение Шойнемана в столовой. Сколько их там, – никто не знает. Вот и всё. Из почти восьмидесяти человек! – горько усмехается пулемётчик.

– Рауш тоже... Погиб? – спрашиваю я, уже заранее понимая, что вопрос не имеет смысла: среди перечисленных Йенсом людей его нет.

– Один из первых, – кивает Лерман, – Он шёл в передовой группе и тут русские в упор ударили из пулемётов... Двадцать метров... Шансов не было.

– Кто-нибудь смог прорваться?

– Я не видел. Кого не положили пулемёты, – добили выскочившие из подвалов русские. Как смог, прикрыл отходящих... Ленту выпустил всю, без остатка. Поменять уже не было времени.

– А Эмиль?

– Его ранило... По-моему, в ногу... Мы отходили, а он полз за нами и кричал мне: «Йенс! Помоги! Вытащи меня! Я не хочу умирать! Йенс!» – Викинг замолчал на полуслове, борясь с подкатившим к горлу комом.

– Они добились его. Подбежавший русский всадил в него штык, потом ещё раз, и ещё... Эмиль кричал, страшно кричал, когда его убивали... Его крик до сих пор стоит у меня в ушах, – Лерман внезапно сел, проведя рукой по лбу, будто бы отгоняя что-то, – но я ничем не мог ему помочь. Я уже никому не мог помочь... Раненые, которых несли сапёры... Эти трусы... Они бросили их на землю, в большую воронку, рядом друг с другом. Грубер тоже был среди них. Русские не пошли дальше и раненых ещё можно было спасти, только вот нести их было уже некому... Все сбежали. Большевикам раненые немцы тоже были ни к чему, поэтому они просто кинули в воронку гранату. Это... Это... – Йенс задыхался – Это война на уничтожение: или мы их, или они нас: третьего не дано. Никакой пощады! Они будут убивать нас безо всякой жалости! Это варвары! Я воевал и с французами, и с томми, и с поляками: нигде ничего подобного не видел! – Викинг потрясённо оглядел нас, – Если французы или англичане по-

падали в окружение, – они сдавались, потому что понимали: сопротивление бессмысленно! А русские... – Лерман замолк и покачал головой, не находя слов.

Глава 6

Ровно в 19:00 обер-лейтенант Гренц увёл роту от Тереспольских ворот. Будто бы на прощание, оттуда взлетела одинокая белая ракета. Она стремительно пронеслась ввысь, чтобы на долю секунды зависнуть в верхней точке своей траектории. Ещё яркая, оставляя за собой дымный след, ракета стала медленно опускаться вниз, постепенно уменьшаясь в размерах. Не долетев до земли, её тускнеющий огонёк растворился на фоне вечернего задымленного неба Крепости.

– Эта ракета чертовски точно описывает всё то, что происходило с нами сегодня, – не меняя позы, произносит Викинг. Он всё так же сидит, привалившись спиной к стене.

– Почему? – недоумённо вылупился на пулемётчика Рюдигер.

– Быстрый, яркий старт и медленная смерть на излёте, – пожимая плечами, спокойно отвечает Йенс.

– Глупости! – фыркает Рюдигер, – Не знаю как ты, а я помирать не собираюсь! Протянем ночь, – и завтра нас вытащат, вот увидишь!

В кинобудку стремительно ворвался Хольц. Вид он имел ещё более растрёпанный, чем при последней атаке русских на церковь. Подбежав к окну, лейтенант стал одну за другой выпускать сигнальные ракеты. Небо расцвело целой россыпью белых звёзд. Мы молча смотрели за действиями Холь-

ца. На что он надеялся? Что Гренц вернётся и поведёт роту нам на выручку, – под убийственный огонь русских? Лейтенант, наконец, повернулся и медленно отошёл от окна. Лицо его выражало отчаяние, но, встретившись с нами взглядом, Хольц мгновенно преобразился. Теперь это был вновь уверенный в себе и хладнокровный командир:

– Ланге, Рюдигер! Ваша позиция, – прежняя. Огонь открывать только в случае атаки. Беречь патроны. Лерман! – он кинул взгляд на Викинга, – за мной! На первый этаж!

Йенс вскочил и устремился вслед за лейтенантом. Мы с Отто остались одни. Стрельба в крепости практически стихла, только изредка раздавались отдельные выстрелы. В тумбуре слышались голоса, возня и шум. Кто там ещё? Отто выглянул и сообщил, что это вернулись на своё место наши связисты. Переругиваясь вполголоса между собой, они вновь стали разворачивать свою радиостанцию. Ага, значит, и Хольц будет рядом. Через какое-то время, к нам заглянул Кюхлер:

– Парни, есть вода?

Мы с Рюдигером синхронно помотали головами: фляги были пусты у обоих. Горестно вздохнув, радист скрылся. Да, честно говоря, пить хотелось очень сильно. Вот только где её взять, – эту воду?

– У наших ребят точно есть, – будто прочитав мои мысли, уверенно сказал Отто.

– Так тебе и дадут, – скептически хмыкнул я.

– Им уже без надобности, – облизал губы Рюдигер, – а нам пригодится.

– Ты про них, что ли? – кивнул я в сторону лежащих перед нашим окном трупов.

– Ясное дело, про них. Нужно только добраться и снять фляги.

– Да, этот вариант в нашем положении, пожалуй, единственный. Нужно лейтенанту сказать. Скоро он придёт к радистам, – выдвинь ему эту идею.

– Непременно. Если что, – я и пойду.

– Ну да, кому же ещё? Чесночок, – он того, сушит, – решаю подколоть Отто.

– Да ну тебя!

– Что значит «да ну?» Вы, господин Рюдигер, помните ли наш спор, кстати?

– Какой спор?

– Ой, ну только не надо делать такие удивлённые глаза! Начнётся война, – твои стратегические запасы переходят ко мне, – был уговор?

– Ах этот... Да, припоминаю что-то...

– Ну и?

– Что?

– Где чеснок, Рюдигер?

– Там, – мотнул головой куда-то в сторону Отто.

– Исчерпывающий ответ. А, главное, – точный.

– Оставил в ранце, на том берегу. Под охрану Кепке.

– Ясно. Попрощайся с ним, – Адольф его точно сожрёт.

– Чего это?

– Ну как? Он наверняка в курсе, что мы попали в окружение и несём потери. Так что сидит наш ездовой сейчас в безопасном месте и потрошит твой ранец. Мёртвому чеснок, сам понимаешь... А зачем витаминам пропадать?

– Да как так-то? – заёрзал Рюдигер – Погоди... Значит, и твой ранец он тоже... того?

– Мой – нет, – категорично отвечаю я.

– Это ещё почему?

– Потому что знает, что я жив.

– Откуда он это знает?

– Я ему сказал, – с максимально серьёзным видом смотрю на Отто, – Думаешь, зря рация у нас стоит?

– Но... как?

– Очень просто: подошёл к Хольцу и попросил передать ездовому гефрайтеру Адольфу Кепке, что рядовой Макс Ланге жив-здоров и что его ранец потрошить не надо.

– А так можно? – с удивлением смотрит на меня Рюдигер.

– Конечно! А как ещё? – изо всех сил пытаюсь не засмеяться, отвечаю я, – Зачем нам тогда рация, – как ты думаешь?

– Ну... огонь артиллерии корректировать...

– Да? И много ты огня артиллерии сегодня видел?

– Нет, – мотает головой Отто.

– Ну вот! Все уже передали, что живы! Кроме тебя. Так

что не теряйся: как придёт Хольц – сразу к нему!

– Спасибо, Макс, я так и сделаю!

Рюдигер благодарно закивал и стал вслушиваться: не раздадутся ли из тамбура шаги лейтенанта? Буквально через пару секунд он повернулся ко мне и спросил:

– Макс, ты слышишь?

– Слышу что?

– Гул мотора... Идёт какая-то техника!

Я прислушался. Что-то есть, но слабенькое, на пределе слышимости. Может, это наши танки за рекой? Хотя... Гул двигателя приближался. Это точно где-то рядом. Но что здесь может ездить? Ответ на это вопрос показался слева от нас: вдоль кольцевой казармы, в сторону Тереспольских шёл русский броневедомобиль. БА-10, – вспомнил я где-то слышанное название. Длинный, трёхосный, с танковой башней, которая была развёрнута в нашу сторону. Объезжая воронки и поваленные деревья, броневик добрался до ворот и свернул направо, между зданиями погранзаставы и казармы 333-го полка. Шум двигателя стих. Ага, конечная остановка. Сдаётся мне, что русские от Холмских ворот приехали налаживать взаимодействие с русскими у Тереспольских ворот. Если они договорятся о совместном штурме нашей несчастной церкви... Додумать мне не дал ворвавшийся в будку лейтенант Хольц:

– Где он? Куда делся?

Я показал куда и поделился своими подозрениями. Лей-

тенант осмотрел разрушенные здания в бинокль:

– Чёрт, похоже, ты прав. Значит, так: начнётся штурм, – берёте своё пулемёт и рысью в подвал! Наверху нам не удержаться...

Взревел двигатель, и из-за погранзаставы выехал броневик. Хольц резво отпрянул от окна. БА-10 поддал газу и пополз в обратном направлении, к Холмским воротам. Одновременно с ним, в сторону Тереспольских ворот и прилегающей к ним кольцевой казармы, перебежали несколько групп русских. Ну, что сказать: молодцы, – заняли позиции ушедшей 10-й роты Гренца. Меня охватило нехорошее предчувствие. Оно усилилось, когда мы увидели красноармейцев, выкатывающих ту самую 76-мм пушку из-за ограды. Почти сразу показались бегущие к разбитому артпарку бойцы в защитного цвета гимнастёрках. Прекрасно: они нашли ещё два орудия, которые теперь стремительно разворачивали в нашу сторону.

– Рацию вниз! – заорал Хольц, выбегая в тамбур, – Бегом!

Радисты засуетились, послышался звук опрокидываемых стульев. Отто бросал на меня тревожные взгляды, как бы спрашивая: а не пора ли и нам убежать в подвал? Я же медлил, как будто не веря в то, что сейчас нас обстреляют артиллерией, а потом пойдут на штурм. Банг! – Бах! Это открыла огонь первая русская пушка. Домик ксендза дрогнул и окутался пылью. Банг! – Бах! Банг! – Бах! В дело вступили оставшиеся орудия. Однако, пока все они били по столовой.

Оттуда почти сразу выскочили камрады из отделения Шой-немана и стремглав помчались к церкви. Чтобы хоть немного их прикрыть, а заодно сбить русским прицел, я открыл по артиллеристам огонь из пулемёта. Буквально после второй очереди, мною заинтересовались. Помимо поднявшейся со всех сторон ураганной ружейно-пулемётной стрельбы, расчёты пушек начали разворачивать стволы в направлении церкви.

– А вот теперь – пора! – закричал я Отто и перекатился вправо, таща за собой пулемёт.

Мы вскочили на ноги и побежали. Бум! Церковь вздрогнула. Так, первый снаряд прилетел, по ходу дела, в наружную стену. Бах! Нас тряхнуло. А вот и второй. Этот попал точно в окно и вдребезги разнёс внутреннюю стенку. Выбегая из тамбура, мы увидели результат: перед нами в облаке пыли высилась гора битого кирпича. Царапая руки и отбивая ноги, пришлось в темпе преодолевать эту неожиданную преграду. Фух! Вот и лестница, ведущая вниз. Бум! Бум! Ещё два снаряда ударили в церковь. Отто традиционно падает на лестнице, я спотыкаюсь об него и мы оба летим вниз. Лёжа на Рюдигере, поднимаю глаза: на первом этаже пыль столбом, еле различим прямоугольник входной двери. На секунду меня охватывает паника: как же мы найдём теперь лестницу в подвал?

Неожиданно сильным движением, Отто буквально сбрасывает меня на пол и бежит вперёд. Боясь потерять его из ви-

ду, подхватываю пулемёт и устремляюсь за ним. Сквозь звон в ушах и непрерывное «Бах! Бум!» от прилетающих снарядов, различаю надсадный голос Хольца: сжимая тангенту, он кричит координаты для огня нашей артиллерии. Из-за пыли практически ничего не различаю, поэтому чуть не врезаюсь в лейтенанта. Он сидит на ступеньках, рация стоит рядом. Чуть дальше, в углу, замечаю Кюхлера и Тухеля. Не останавливаясь, пробегаю мимо. Скорее!

Подвал. В нос бьёт резкий запах крови, лекарств и ещё чего-то неприятного. Из-за спёртого воздуха, перехватывает дыхание, я кашляю. Центральный отсек освещён факелами, сделанными из найденных советских транспарантов и флагов. По-прежнему стоят скамейки, но на них никто не садится: камрады на ногах, в готовности принять бой. Мне машет рукой Викинг и я подбегаю к нему. Только сейчас замечаю парней из отделения Шойнемана. А вот и он сам, кстати: сидит на полу, скрипя зубами от боли. Клинсмманн бинтует ему голову.

– Что с ним? – спрашиваю у Викинга.

– Камень в лицо попал, – нос всмятку, – с сочувствием смотрит на Шойнемана Йенс.

– Остальные все живы?

– Хуммельса и Букхайма нет, – услышав мой вопрос, к нам подходит Хефнер, парень из первого отделения, – Они на чердаке сидели...

В подвал вваливаются радисты и Хольц. У лестницы на-

верху остались в дозоре Вилли со Студентом. Лейтенант выглядит довольным. Страхивая с мундира пыль, он во всеуслышание заявляет, что наша артиллерия открыла заградительный огонь и русским сейчас здорово достаётся. Велев поставить рацию в угол, Хольц занимает рядом с ней место и вызывает к себе оставшихся младших командиров. К нему подходят Шойнеманн, какой-то унтер-офицер из сапёров и Викинг. О чём они там совещаются – мне сейчас до фонаря. Нервное напряжение потихоньку отпускает, сменяясь безразличием и апатией.

Возвращается Йенс. С перебежавшими людьми Шойнеманна, нас теперь тридцать два бойца и два пулемёта: мой и Викинга. Это значит, что держать под прицелом лестницу будем по очереди. Мне официально назначают вторым номером Отто. Викинг, – в паре с Кройцером из первого отделения. Шойнеманн выбывает из игры, – у него сотрясение и он даже не может стоять на ногах. Задача, – дотянуть до утра, нас должны вытащить. Перспективы не самые радужные. Что происходит наверху, – толком неизвестно. Хорошая новость: русских в церкви нет. Пока. Воды тоже нет. С боеприпасами напряжённо, но отбиться хватит. Рассказываю о плане Отто проверить трупы. Викинг кивает и обещает переговорить с лейтенантом. Настроение у большинства солдат подавленное. Нет, совсем не таким им виделся победоносный поход на Восток.

На крепость спустились сумерки. У нас, на Центральном

острове, – темнота хоть глаз коли, зато по периметру кольцевых казарм, из-за постоянно запускаемых ракет, светло как днём. Периодически вспыхивает стрельба, но уже не такая отчаянная, как днём. Мы с Рюдигером лежим в церкви, у входа, направив ствол пулемёта в сгущающуюся во дворе темноту. За нашими спинами, в зале, ещё трое дозорных у окон. Увидеть кого-либо в такой темноте навряд ли получится, – поэтому вся надежда на слух. Поскольку мне в детстве медведь не то что на ухо наступил, – он там сплясал, да ещё и вприсядку, – то уповаю только на Рюдигера. Слух у него отменный. Вот и сейчас он что-то уловил:

– Макс, слышишь? Шорох, – кто-то ползёт, оружием бряцает!

– Ни хрена я не слышу, Отто, – ты же знаешь!

– Тсс!

Мы замолкаем. Проходит несколько томительных секунд. Наконец, я тоже начинаю слышать какое-то движение там, во дворе. Кто-то определённо ползёт в нашу сторону, причём довольно быстро. Поплотнее прижимаю к плечу приклад в готовности открыть огонь. Ситуация предсказуемая, поэтому алгоритм действий отработан ещё там, в подвале: открываем огонь, давая дозорным из церкви время для эвакуации, после чего отходим сами. Но, чёрт возьми, – так не хочется опять лезть под землю! Внезапно, шорохи и металлическое позвякивание исчезают. Я задерживаю дыхание и плавно начинаю выбирать холостой ход спускового крючка.

– Эй, камрады! Есть кто живой? – доносится с улицы громкий шёпот.

От неожиданности замираю на месте. Да это же Рауш! Но как? Он жив? Переглядываемся с Отто.

– Господин обер-фельдфебель? – невольно вырывается у меня вопрос.

– Да, да! – радостным шёпотом отвечают мне из темноты.

– Стоять! – немедленно пресекаю я возникшее было в ночи оживление. Отто же шепчу:

– Голос, конечно, похож... Но Викинг видел, как взводно-го убили! Может, засада? Нужно проверить! Какой-нибудь вопрос, ответ на который знает только Рауш! Что бы спросить?

Я на секунду задумываюсь. Рюдигер согласно кивает и, опережая меня, трагическим шёпотом произносит в темноту:

– Эй, я должен проверить действительно ли вы из наших!?! Ну-ка ответьте мне: какое имя у Адольфа Гитлера?

– Рюдигер, ты совсем дурак, что ли? – интересуется Рауш из темноты.

– Господин обер-фельдфебель, – это Вы! – расплывается в улыбке Отто.

– Нет, Рюдигер, – папа Римский! Не стреляйте – поднимаюсь!

Раздались шаги и, еле видный в далеком свете взлетающих ракет, к ступенькам лестницы метнулся тёмный силуэт.

Это действительно был наш взводный, – обер-фельдфебель Рауш. Весь в крови, вид он имел изрядно помятый, но был жив и даже не ранен.

– Кто принял командование? Хольц? Сколько осталось в живых? Рацию удалось спасти? – засыпал он нас вопросами.

– Да, рация в подвале, работает. Лейтенант Хольц жив...

– Отлично! – хлопнув меня по плечу, обрадованный взводный подхватывает свой автомат и устремляется к лестнице в подвал.

Буквально через несколько минут, Рауш появляется вновь. На этот раз он не один, а в сопровождении десятка солдат. Оказывается, там, в темноте, есть наши раненые, которых нужно вытащить. Буквально за полчаса, наш гарнизон пополнился ещё на шесть человек. Двое ранены легко, остальные тяжёлые. Среди последних, – и наш многострадальный Иоганн Грубер. Ему досталось и при падении с носилок, и осколками от гранаты. Он чуть слышно дышал, в сознание не приходил. Миномётчик так и остался бы там, среди перепаханной взрывами обожженной земли и трупов, если бы Рауш в темноте случайно не наткнулся на Иоганна и не расслышал его слабое дыхание.

Чуть позже, ночью, за водой уходят Вилли со Студентом. Они неплохо спелись – как будто всю жизнь друг друга знают. Примерно через час, все перемазанные кровью и пылью, возвращаются. Парням удалось проползти почти до здания погранзаставы, по следам нашего безуспешно пытавше-

гося прорваться отряда. Принесли восемь полупустых флаг, документы убитых и пулемёт. Говорят, русские тоже обшаривают трупы: чудом разминулись с ними. Судя по всему, защитники пытаются этой ночью вырваться: периодически взлетают ракеты и вспыхивает ожесточённая стрельба на Северном. Первая штурмовая у Трёхарочных ещё жива, – оттуда иногда доносятся очереди МГ. У нас на участке тишина. Кстати, домик ксендза русские взорвали, так что Хуммельс с Букхаймом, скорее всего, навсегда остались там. Известие об их гибели воспринимается спокойно, – наверное, начал привыкать.

Сменившись, спускаемся вниз. Мне безумно интересно как умудрился выжить Рауш, но подойти и спросить у него не получается, – взводный спит. Решаю последовать его примеру и тоже принимаю горизонтальное положение. Слава богу, этот день наконец-таки закончился!

Остаток ночи проходит спокойно, а в пять утра начинается обещанный артобстрел. Земля содрогается от разрывов, но всё меркнет перед ударами артиллерии особой мощности, как называет её Хольц. Это 60-см мортиры, – я такую видел в музее, в Кубинке. Эти штуки выстрелили всего семь раз, но что это были за выстрелы... Я думал, – церковь сложится как карточный домик и нас всех похоронит прямо здесь, в подвалах. И это при том, что по нам ни одного попадания не было. Снаряды мортир разрывались слева и справа. От их взрывов ходила ходуном земля, в толстенных сводах потолка

трескались и сыпались нам на головы кирпичи. Казалось, после такого обстрела от крепости останутся только дымящиеся развалины. Артподготовка продолжалась около двух часов. Несколько человек не выдержали и выскочили из церкви, скрывшись в облаках пыли и разрывов. Мы их не удерживали, – зачем? Обезумевшие от происходящего люди уже не были солдатами и толку от них...

Однако, как ни странно, вскоре мы увидели беглеца в звании лейтенанта. Хольц вышел наверх в сопровождении Рауша и двух сапёров. Они стояли рядом с нами на ступеньках лестницы, ведущей в подвал. Как я понял из их разговора, – у лейтенанта немного сдали нервы от сидения в окружении, поэтому он с двумя солдатами решил организованно попытаться вырваться из цитадели, прикрываясь артобстрелом. Рауш его не отговаривал, понимая всю бесполезность этого занятия. Пожав взводному руку, Хольц махнул рукой сопровождающим его сапёрам и они втроём выскочили из церкви. Как стало известно позднее, лейтенанту Хольцу и одному из его солдат удалось добраться до Южного острова и встретиться там с немецкими войсками. Но тогда, глядя на его удаляющуюся фигуру, мы этого ещё не знали, считая, что затея с выходом не увенчается успехом.

Обстрел стих внезапно. Над Крепостью воцарилась тишина. Но напрасно мы ждали звуков боя, – верного признака прорывавшихся к нам на выручку товарищей. Вспыхнувшее, было, оживление в подвалах, вновь сменилось уныни-

ем. Наверху всё по-прежнему: бесшумными тенями перебегают у окон дозорные, напротив главного входа дежурит пулемётный расчёт. Солнце уже давно встало и вовсю жарит укутанную дымом и пылью крепость. К запаху гари, пороха и сгоревшей взрывчатки начинает подмешиваться сладковатый запах разлагающихся трупов. Рюдигер страдальчески морщится, зажимая грязным платком нос:

– Боже, Макс, – это невыносимо!

– Вот он, – настоящий запах войны, Отто! Наслаждайся! – с трудом подавляя рвотные позывы, отвечаю я.

– Не смешно! Чёрт, и противогазов нет!

– Дыши ртом пока.

– А потом?

– А потом, – привыкнем...

– Да не хочу я привыкать! – взрывается Рюдигер, – К этому нельзя привыкнуть! Меня тошнит и вообще!

– Ты хочешь домой, к маме. Угадал?

– Да ну тебя! – Отто быстро сдувается и замолкает, тщетно пытаясь остановить зловоние своим носовым платком.

– Это хорошо ещё, что мы все трупы из церкви вынесли, – говорю я напарнику, – а то совсем грустно было бы.

Ещё ночью Рауш дал команду заняться этим и все погибшие красноармейцы перекочевали в ближайшие воронки. Мы с Рюдигером участия в выносе тел не принимали, поскольку стояли на посту. Внутри остались только немцы: их решили не трогать и оставили лежать в большом зале, вдоль

стены.

– Смотри, Отто! – вскрикиваю я, протягивая руку в сторону Тереспольских ворот, – Похоже, это работа нашей артиллерии!

– Ох ты! – вырывается удивлённый возглас у Рюдигера, – а я сначала и не заметил!

Верхняя часть Тереспольских ворот зияла огромной пробоиной, а находящийся рядом с ними сектор кольцевой казармы был практически полностью разрушен взрывом. Примыкавший к нему барбакан тоже пострадал, но насколько сильно, – мы не видели: его загоразивало здание казармы пограничников. Вот тебе и артиллерия особой мощности...

Пришёл взводный, поинтересовался как обстановка.

– Обстановка стабильная: русских не видно. Очень сильно достаёт трупный запах, господин обер-фельдфебель!

– Терпите, парни: от этого никуда не деться. Максимум что могу сделать, – меняться на постах каждый час.

– Господин обер-фельдфебель, – решаюсь задать мучивший меня вопрос, – а как Вам удалось остаться в живых при вчерашнем прорыве? Вы же в первых рядах шли...

– Случайность, Макс. Случайность... – внимательно оглядывая двор цитадели, ответил Рауш.

Хороший ответ, конечно, но я-то ждал подробностей. И переспрашивать, вроде как, неудобно... Однако, немного помолчав, взводный продолжил:

– Русские подпустили нас поближе и открыли огонь почти

в упор. Бегущий передо мной Меркель упал, а я споткнулся об его тело и мы оба покатались в воронку. Очувившись внизу, попытался встать, но что-то сильно ударило меня по голове и я потерял сознание. Очнулся уже в сумерках, заваленный трупами. Дождался темноты, осмотрелся и пополз обратно, в церковь.

– Но почему не к мосту? – воскликнул Отто, – Вы же были рядом! Ещё немного, – и Вы бы вырвались, к нашим!

Взводный посмотрел на него и грустно покачал головой:

– Нет, Рюдигер... В Тереспольских воротах уже сидели русские. Да и как я мог бросить вас? Оставить взвод, а самому спастись? Невысокого же ты обо мне мнения...

– Но ведь лейтенант Хольц...

– Отставить разговоры, Рюдигер! – Рауш метнул гневный взгляд на Отто, – Не тебе это обсуждать!

Отто испуганно вскочил и вытянулся перед взводным.

– Смотри лучше в оба и не проворонь очередную атаку русских! – строго глядя на Рюдигера, закончил Рауш и, развернувшись, направился внутрь церкви.

– Да уж... – протянул я, – Тактичность, – это не твоё.

– А что я такого сказал? – недоумённо спросил Отто, укладываясь рядом, – Рауш же остался с нами, а Хольц – сбежал!

– Ну, вообще-то, лейтенант, – приданный нашей группе артиллерийский корректировщик. И подчинённых у него, кроме бинокля, нет.

– А рация?

– Рация, – это средство связи штурмовой группы, к тому же она от нашего батальона. Плюс, – лейтенанта отпустил командир, то есть Рауш. Так что, формально, Хольц ничего не нарушил.

– Трус он, этот Хольц.

– Не сказал бы, – покачал головой я, – Когда мы сидели запертыми на хорах, вёл он себя достойно.

– Да? И почему же, тогда, этот достойный лейтенант сбежал, бросив нас?

– Появилась возможность, – вот и сбежал. Вот скажи: а ты бы отказался покинуть эти гостеприимные стены?

– Спрашиваешь! Я уже вторые сутки об этом мечтаю!

– Ну вот, – что и требовалось доказать. Ты просто завидуешь, – засмеялся я.

– Да ну тебя! – обиженно махнул рукой Отто.

Вскоре менять нас пришли Викинг с Кройцером.

– Господи, ну и запах! – сморщился Йенс.

– Ага, есть такое, – соседи вон, пованивают, – кивнул на воронку я, – Но мы уже практически привыкли. Да, Отто?

– Угу, – промычал Рюдигер, не отпуская платок от лица, – почти не чувствуем.

Спустившись вниз, застали в подвалах привычную картину: кто-то спал, кто-то сидел, обессилено привалившись к стене. Из соседнего, санитарного, отсека, доносились стоны раненых. Пахло потом и бинтами. Ну, хоть здесь можно нормально дышать. Вывалив содержимое карманов, с аппетитом

перекусили галетами и банкой сардин. Чёрт, как пить-то хочется! У меня оставалась треть фляги, Отто был пуст. Хоть Рюдигер и не просил воды, но пить в одно лицо на глазах у мучаемого жаждой товарища я не смог. На двоих пришлось по четыре глотка. Вот и всё. Дальше, – терпеть. После завтрака потянуло в сон, да и ночь, богатая на события, сказалась. Отбился моментом, едва растянувшись на жёсткой лавке.

Казалось, что только закрыл глаза, а уже будят: пора наверх, на пост. Подхватив плохо соображающего Рюдигера, потащил неожиданно тяжёлый пулемёт к лестнице. Мы ещё не успели подняться наверх, как в нос ударил знакомый сладковатый запах. Нет, к этому невозможно привыкнуть! Похоже, не я один такого мнения, – сзади раздалось «буэ» Рюдигера. Чёрт! Хорошо, что не на сапоги!

– Господи, Отто! Неужели нельзя было дотерпеть до верха?

– Я не специ...уэээ...

Достался же напарник! А ещё деревенский! Наверху нас поджидали Вилли со Студентом. Судя по их серо-землистым лицам, особой радости аромат разлагающихся тел камрадам также не приносил. А запахок-то здесь, наверху, был дай боже.

– Всё в норме?

– Да, прекрасно... Никакого движения... – Студент закашлялся.

– Осторожно, там на лестнице Отто метнул галет с сарди-

нами, – не поскользнитесь! – напутствовал я торопящуюся вниз смену.

Рюдигер выполз навверх, прижимая платок к лицу. Честно говоря, меня тоже мутило, но я пока держался. Мда... Боеспособность нашего пулемётного расчёта стремительно падала.

По церкви перемещались такие же страдающие дозорные. Чёрт, когда же нас уже вытащат отсюда? Сколько тогда, в моей истории, здесь просидели немцы, – хоть убей не помню.

Что это? Музыка? Боже, неужели я спятил? Откуда здесь музыка? Смотрю на обладающего, как оказалось, хорошим слухом, Рюдигера. К сожалению, тот занят исключительно своим здоровьем и, стоя на коленях у стены, вызывает Ихтиандра. А ведь играет-то что-то смутно знакомое! Наконец, музыка прекратилась, и над притихшей крепостью раздался неестественно громкий голос. Вроде бы, говорят по-русски. Вслушиваюсь. Ба! Да это же призыв к сдаче! По ходу дела, немецкое командование подогнало динамики и излагает ультиматум осаждённому гарнизону! Соппротивление бессмысленно... Красная армия разбита... Во избежание новых жертв... О, да это ультиматум! Срок – полчаса. Слышно не очень хорошо, – установка работает где-то на Северном острове. Пошёл метроном. Сколько времени? Ага, полдень. Значит, через тридцать минут защитники должны выйти и сложить оружие. Что-то верится с трудом. Однако, стрельба затихает. Неужели сдаются? Жаль, не видно отсюда ниче-

го...

Через полчаса крепость оживает, вновь начинается перестрелка. Особенно сильная, – на Северном. Похоже, ультиматум отклонён. Промучившись ещё полчаса, меняемся с Викингом. С облегчением спускаемся в подвалы. Там, конечно, тоже не сахар, но, по крайней мере, нет этого ужасного запаха. Радисты под руководством Рауша пытаются связаться с командованием, но связи нет. Судя по доносящимся обрывкам разговоров, – мешают стены подвала. Нужно нести рацию наверх. Чем там всё закончилось, – не знаю: отрубаясь моментом.

Просыпаюсь, что удивительно, сам. Неужели выспался за два часа? Ого! Девять вечера! А как же пост? Щурясь от коптящего огня факелов, осматриваюсь. Так, Рюдигер спит, вон там храпит Викинг... Рауш по-прежнему у радиации... Что происходит? Натыкаюсь на бодрствующего Вилли: он сидит у стены и, что-то тихонько насвистывая, чистит автомат. Подсаживаюсь рядом:

– Вилли, а что с постами? Сняли, что ли?

– Ага, Рауш приказал. Наверху находиться, – невозможно. Теперь там на лестнице сидит только один дозорный, – не отрываясь от своего занятия, отвечает Вилли.

– Как обстановка? Наверху и вообще?

– Нормально. Русским предлагают сдаться чуть ли не каждый час, потом артиллерийский обстрел. И так весь день.

– Сдаются?

– Откуда же я знаю? Может, и сдаются. Нам-то отсюда не видно.

– Кто сейчас наверху?

– Герхард.

– Студент?

– Ага, он самый.

– Что ещё новенького? Связь наладили?

– Связи нет, – качает головой Вилли, – Ах, да: раненый умер, тяжёлый. Из ваших, кажется.

– Грубер?

– Вроде, он. В живот который осколками, да при прорыве ему ещё досталось..

Иоганн... А я ведь и не заглянул к нему ни разу...

– Ещё Рауш отправил несколько человек на прорыв. Пока затишье и русским выставили очередной ультиматум. Сказать, что мы ещё живы и ждём. Прошли или нет, – не знаю. Остальным, – приказ: беречь силы и отдыхать.

– Ладно, спасибо, Вилли.

Картина прояснилась: мы по-прежнему сидим в церкви, только теперь уже в её подвалах. Да когда же нас освободят? Воды нет, провизия заканчивается... Сколько нам ещё тут сидеть? Подземелье давит, постоянно клонит в сон. Ладно, пользуясь случаем, – поспим. Утро вечера мудренее, как говорится.

В этот раз меня разбудил кирпич, больно ударивший по спине. Я вскочил: что происходит? Наше подземелье содро-

галось как в лихорадке. Опять артобстрел? Смотрю на часы: начало седьмого. Утро или вечер? Скорее всего, утро, – не мог же я так долго спать! С потолка сыпется песок и обломки кирпичей. По ходу дела, крепость опять обстреливает артиллерия большой мощности. Солдаты повскакивали, жмутся поближе к выходу из подземелья: никому не охота быть погребённым под завалами. Мне кажется, что единственные спокойные люди в подвале сейчас, – это Викинг и Рауш. Взводный невозмутимо сидит у радики, положив руки на стол. Рядом, вздрагивая и тревожно глядя на потолок при каждом разрыве, суетятся радисты. Судя по всему, они по-прежнему пытаются выйти на связь с командованием. Викинг молча курит у стены, – как будто он не с нами и вообще автобуса ждёт. Рядом с ним неловко переминается с ноги на ногу Кройцер. Кивком приглашаю за собой Рюдигера и иду к Викингу.

– Привет, как спалось?

– Отлично, – выпуская вверх облачко дыма, отвечает Йенс.

– Давно артиллерия долбит?

– Минут десять.

– Как думаешь: пойдут наши в атаку на этот раз?

– Да кто же их знает? – с деланным безразличием пожимает плечами Викинг.

– Спасибо, приободрил.

– Обращайся, – всегда рад, – расплывается в улыбке пу-

лемётчик.

– Что взводный говорит?

– Всё как обычно: сидим, ждём.

– Я так и думал.

Постепенно, напряжение в подвале спадает, и солдаты начинают возвращаться на свои места. Артобстрел наверху продолжается, но мы к нему постепенно привыкаем. К тому же, сотрясающие стены подвала разрывы происходят раз в пять – десять минут, – видимо, перезарядка у «Карлов» не быстрая. Где-то к исходу четвёртого часа артподготовки, Рауш не выдерживает:

– Рацию, – на хоры! Лерман, Кройцер, – в прикрытие! Росбах, – остаёшься за меня! Пошли!

Радисты, с вытянувшимися враз лицами, подскакивают и начинают суетливо отсоединять антенну и готовить свой ящик к переноске. Викинг с напарником уходят наверх, – на разведку. Пропустив нагруженного Кюхлера вперёд, Рауш замыкает группу. В подвале, с уходом взводного, стал нарастать гул голосов. Солдаты делились своими мнениями на тему, – удастся операция по установлению связи или нет? Не знаю как остальные, а мы с Отто были уверены, что всё получится. Буквально через двадцать минут, в подземелье возвратился повеселевший Рауш. Глядя на него, даже заядлый пессимист понял бы, что мероприятие удалось. Так оно и оказалось. Все обступили взводного, ожидая услышать новости.

– Итак, господа, нам удалось связаться с полком. Сегодня, после окончания артиллерийской подготовки, будет принята очередная атака с целью нашего деблокирования. По моей команде, – выходим наверх в готовности оказать огневую поддержку. Внизу остаются раненые и пленные под охраной отделения Шойнеманна. Вопросы? Вопросов нет. У нас есть примерно час. Готовимся к бою!

Радостно переговариваясь, мы ринулись надевать снаряжение, проверять оружие и боеприпасы. Подвал загудел как пчелиный улей.

– Ну, наконец-то! Хоть какая-то определённости! – довольно ворчал Рюдигер, опоясываясь ремнём.

– Точно! Надоело сидеть и ждать когда нас тут похоронит, под этими сводами! – вторил ему Студент, сноровисто распахивая автоматные магазины по подсумкам.

– Надеюсь, в этот раз нас точно вытащат! – пыхтел рядом Вилли.

– Сплюнь! – чуть ли не хором ответили мы.

Суэта понемногу улеглась, все сидели в ожидании команды. Рауш умчался наверх, к рации.

– Мне кажется, – или обстрел стих? – это подал голос Рюдигер.

Ответить ему никто не успел, потому что в этот момент с лестницы раздался крик «к бою!» Мы, как ужаленные, подскочили и кинулись наверх. Там нас встретил Рауш, распределявший выбегающих солдат по позициям:

– Окна Север! Окна Юг! Не высовываться и не стрелять без команды! К алтарю! Окна Запад! Пулемёт на Юг! Пулемёт на входе!

Нам с Рюдигером досталась наша старая позиция перед входом, где мы и залегли. К счастью, вонь сгоревшей взрывчатки и дым от возобновившихся пожаров практически полностью перебил до смерти надоевший трупный запах. Воцарилась тишина, замерли солдаты у окон. Внезапно, над Цитаделью, усиленная динамиками, поплыла песня:

«Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой»

Это было настолько неожиданно, что я замер, чувствуя, как по телу забегали мурашки. Сильный женский голос уверенно выводил знакомые с детства строчки над израненной, умирающей крепостью. Песня внезапно оборвалась, из динамиков раздался мужской голос, который на безупречном русском произнёс:

«Товарищи! Осаждённые в цитадели Брест-Литовска! Внимание! Внимание! Немецкое командование обращается к вам последний раз и призывает вас к безоговорочной капитуляции. Ваше положение безнадежно. Не проливайте бесполезно вашу кровь, так как выход из осады невозможен. От

остальных вы отрезаны. Более ста километров отделяют вас от них. Ваши войска в спешке отходят, несколько воинских частей убегают. Для вашего деблокирования никто не придёт. Товарищи!»

Дальше я особо не слушал, потому что из Тереспольских ворот показались перебегающие фигурки в мышинового цвета форме. Наши! В смысле, – немцы! Вот они скрылись за казармой пограничников, но от ворот бегут всё новые и новые группы! Часть обогнула пленницы и свернула направо, занимая прилегающие к Тереспольским участки кольцевой казармы. Пока – тишина, ни выстрела.

Наконец, из-за здания погранзаставы показались бегущие солдаты. Так, вижу, как они достигли окончательно разбитого артпарка русских, залегли. Оставив небольшую группу прикрытия, побежали дальше. Пересекли спортплощадку, остановились. Огляделись, – и снова вперёд. Красиво идут. И по ним, по-прежнему, ни выстрела. Не добегая до церкви метров пятьдесят, – залегли в воронках. В воздух взвивается белая ракета. С секундным опозданием, откуда-то сверху – ответная. Наверное, Рауш выстрелил её в окно будки кинемеханика. Залёгшие немцы встают и бегом направляются в нашу сторону. Несмотря на радио и белую ракету, – бдительности они не теряют. Неожиданно, вскакивает Рюдигер. Не успеваю я и глазом моргнуть, как он выбегает вперёд и начинает, как полоумный, размахивать своим сопливым платком и орать во всё горло:

– Ааааа! Мы здесь! Мы здесь, това...

Закончить фразу ему не удаётся – бегущие камрады из штурмовой группы явно находятся в тонусе, поэтому немедленно открывают стрельбу по внезапно выскочившей, как чёртик из табакерки, фигуре. Как известно, – везёт дуракам и пьяницам. Что касается Рюдигера, то пьющим я его не видел.

Уж не знаю как, но Отто, после первых же выстрелов, удалось совершенно непостижимым образом сократиться в размерах и юркнуть за спасительную стену. Хорошо ещё, что совсем выбежать из церкви он не успел. Стреляющие по нему солдаты, – явно не Ворошиловские стрелки, так как попасть в Рюдигера они так и не смогли. Практически сразу, с двух сторон раздались истошные крики «Не стрелять!» Один голос принадлежал Раушу, который уже слетел с хоров, второй, – неизвестному из залёгшей было штурмовой группы. Стрельба прекратилась. На всякий случай не высовываясь, взводный прокричал в сторону наших освободителей:

– Обер-фельдфебель Рауш! 135-й полк! С кем имею честь?

После секундного замешательства, со двора донеслось:

– Лейтенант Хурм! 133-й! Прибыли к вам на выручку!

– Добро пожаловать в церковь святого Николая, господин лейтенант! Мы Вас уже заждались...

Часть III Покой нам только снится

Глава 1

Грязные, оборванные, небритые мы снова идём по крепости. Знакомые места! Именно в этот сектор, весь день 22 июня были направлены наши взгляды в ожидании внезапной атаки русских. Здесь, именно здесь, – казалось, была изучена каждая воронка, каждое дерево, каждый камень! И как всё изменилось теперь, после многочисленных артиллерийских обстрелов! От погранзаставы, – такое ощущение, – остались только стены, здание казарм 333-го полка практически лишилось одного крыла, да и вообще, очень пострадало от немецких снарядов. Спортплощадка, артиллерийский парк русских...

Мы двигаемся тем же путём, что и утром 22 июня, когда наша штурмовая группа стремительно ворвалась на Центральный остров. Правда, на этот раз, следуем в обратном направлении, – к Тереспольским воротам. Солдаты лейтенанта Хурма смотрят на нас со смесью восторга и восхищения. Их можно понять, – они ещё не успели толком поучаствовать в сражении и мы для этих молодых парней сейчас, – настоящие герои, прошедшие через ад. Не буду скрывать, – чувствовать это было очень приятно, даже несмотря на нава-

лившуюся усталость. Двое суток в окружении, отражая атаки русских, – звучало неплохо. Над Тереспольскими воротами и зданием казарм 333-го полка уже развевались немецкие флаги.

– Вот дают! Уже территорию поместили! – кивая на полотнища, удивляется Викинг.

– Ага: только вошли, – и уже флаги воткнули! Ещё и пороха не успели понюхать, а уже героев из себя корчат! – подхватил Отто.

– Угомонись, ветеран! – осаживает его Йенс.

– Нет, ну а что? Я не прав, что ли? Макс! – апеллирует Рюдигер ко мне, поправляя ремень своего маузера.

– Может, они их повесили, чтобы наша авиация на жакнула по своим?

– Да уж конечно! – возмущённо фыркает Отто, – Ты за эти два дня видел хоть один наш самолёт над крепостью? Где они, – эти хваленые асы Геринга? Мы, тут, значит, воюем не щадя своей жизни...

– Рюдигер, – заткнись уже! И так башка гудит, а тут ещё ты! – недовольно обрывает его Викинг.

Мы бредём по изрытой воронками земле, старательно обходя трупы, валяющиеся в беспорядке у нас на пути. Первыми ведут пленных красноармейцев, захваченных ещё утром 22-го. Эти доходяги несут импровизированные носилки с ранеными, хотя сами выглядят не многим лучше перебинтованных немцев. Данный факт не является чем-то удивитель-

ным, – за двое суток никто русских не кормил и уж, тем более, не поил: воды у нас самих не было. Чуть поодаль, за носилками идём мы, позади пыхтят радисты со своим «Телефункеном», который не раз спасал наши жизни в церкви. Кюхлер пытался запрячь для переноски рации красноармейцев, но Рауш был категоричен: своё барахло несите сами. Пленных русских едва хватало для транспортировки раненых. Даже Шойнеманн шёл сам, опираясь на Хефнера.

Я жадно смотрел по сторонам, пытаюсь запомнить Крепость такой, какой её никогда не видел там, в прошлом, да уже никогда и не увижу. Дым, развалины, битый кирпич под ногами и трупы, трупы, трупы. Безрадостная картина. Но Крепость сражается! Если у нас здесь относительное затишье, то со стороны Северного острова и Трёхарочных ворот стрельба не прекращается. Ну, вот мы почти и дошли. В проёме Терспольских ворот нас встречает какой-то майор.

– Это Фрайтаг, – командир батальона, – шепчет мне на ухо один из солдат Хурма.

Мы останавливаемся, к майору подходит Рауш и, молодцевато козырнув, бодро докладывает. О чём они говорят, – не слышно, но очень хорошо видно, как майор крепко пожимает руку нашего взводного.

Пленных красноармейцев, тем временем, куда-то уводят, к носилкам с ранеными подходит невысокий энергичный фельдфебель с повязкой медика на рукаве. Судя по всему, – это фельдшер. Он осматривает раненых и что-то говорит по-

дошедшему ассистенту. Тот кивает, торопливо записывает и прикалывает на грудь лежащим какие-то бумажки. После этого, ожидающие команды фельдшера немецкие солдаты, берут носилки и тут же уносят раненых через мост.

Вернувшийся от майора Фрайтага, Рауш сообщает, что наша группа до особых распоряжений пока направляется на отдых, – в расположение 12-й роты 133-го полка. Это здесь, рядом, на Западном острове. Изображаем подобие строя, идём через мост. Трупы с него уже убрали. Здесь практически нет запаха гниения человеческих тел, зато есть освежающий ветерок с реки. Оказавшись на Западном, – недолго идём по дороге и сворачиваем вправо. Здесь уже стоят палатки пулемётчиков двенадцатой роты, куда мы и направляемся.

Эх, как же это здорово, – вдоволь напиться воды и смыть с себя грязь и пот, пропитавшие нас насквозь! Мы плещемся в реке, не обращая внимания на стрельбу и взрывы в Крепости. Кажется, что война, – это где-то там, далеко. Пусть другие сражаются, – у нас заслуженный отдых. К сожалению, сменного белья нет, но такая мелочь сейчас не может испортить нам настроение. Мы молоды и мы живы, а остальное, – ерунда, мелкие неудобства! Намывшись и выстирав форму, валимся на траву. Хорошо!

На мосту не прекращается движение: бегают посыльные, какие-то подразделения следуют на Центральный остров, в обратном направлении ведут понурых пленных, несут ране-

ных. Там по-прежнему идёт бой, – русские сражаются.

После обеда появляется наша взводная повозка, которую ведёт Кепке. Даже его мы сейчас рады видеть! Видно, что ездовой боится: вздрагивает буквально от каждого выстрела и пригибает голову от далёких разрывов, настороженно озираясь по сторонам.

– Здорово, крыса тыловая! – жизнерадостно хлопает его по плечу Отто, – Где мой ранец, – привёз?

Кепке ошарашенно смотрит на Рюдигера, не в силах от такой наглости и фамильярности вымолвить ни слова.

– Чего замер, как статуя? Оглух, что ли? Вещички, – спрашиваю, – привёз?

– Рюдигер... – наконец-то начинает ездовой.

– О! Не забыл как меня зовут! – довольно хохочет Отто.

– Что Вы себе позволяете? Я... Я старше Вас по званию...

– Чивооо? – прислонив ладонь к уху и наклоняясь к Кепке поближе, переспрашивает Рюдигер.

– Не обращайтесь внимания, – мягко отстраняя Отто, подходит Студент, – он у нас немного контужен, так что не воспринимайте его поведение близко к сердцу.

– Да я в полном порядке, Герхард! – рвётся к ездовому Рюдигер, – Мне просто интересно узнать где был этот гефрайтер, когда мы...

– Кровь мешками проливали, – заканчиваю я за своего товарища и встаю рядом со Студентом, заслоняя Отто.

Кепке находится в полной прострации, – он явно не ожи-

дал подобной встречи.

– Ну, чего вылупился? – к нам подходит Викинг, – Разгружай телегу, порадуй своих боевых товарищей! Как там обстановка, в глубоком тылу?

– Что за тон? Я, знаете ли, не привык к такому фамильярному обращению! Я буду жаловаться! Где ваш Винсхайм? Совсем распустились! – пытаюсь рассмотреть что-то за нашими спинами, начинает верещать Кепке.

– Погиб наш Курт, – мрачно сообщает ему Викинг, – и с ним ещё немало парней полегло. Так что заткнись, пока мы тут тебя не удавили. Ребята на взводе, мы только что оттуда, – кивает он на крепость, – так что не доводи до греха.

– Я... Я не знал – пятась назад и заикаясь, начинает оправдываться ездовой, – Правда не знал! Господин обер-гефрайтер! Вот, всё здесь, в целости и сохранности... Пожалуйста!

Мы начинаем разбирать свои ранцы.

– Чесночок! – Рюдигер чуть ли не со слезами на глазах обнимает свой выдавший виды «торнистер». Сейчас Отто напоминает мне одного персонажа из очень известной саги, с одной лишь разницей, что тот постоянно говорил «моя прелесть!»

– Выкинь его подальше, – ты же помнишь о нашем споре? – подначиваю товарища я.

– Макс, это бесчеловечно! – чуть ли не со слезами на глазах поворачивается ко мне Рюдигер.

Глядя на его жалкий вид, решаю не портить тому празд-

ник:

– А, чёрт с тобой, чесночная душа! Оставляй! Но, только без фанатизма!

– Да я... Только в лечебных целях! – расцветает улыбкой Отто.

– Ага, знаем мы тебя, – роясь в своём ранце, бросает Студент.

– Герхард! Клянусь! Честное слово!

– Ну-ну...

Студент не в духе: в соответствии с приказом, «лодочников» и прочих, не входящих в нашу штурмовую группу, обязали вернуться в свои подразделения. Так что, пришлось им с Вилли расстаться. А они, кажется, по-настоящему успели сдружиться. Жаль, конечно. Вилли, – отличный парень. Но... Приказы не обсуждаются.

Наконец мы спим не на жёстких лавках в подвале церкви, а в человеческих условиях. Боже, – как мало нужно человеку для счастья! Интересно, – долго ли мы будем так отдыхать? Вездесущий Студент сказал, что остатки нашего батальона сейчас располагаются где-то у КП полка на Северном острове. Полковнику Йону уже доложили о том, что второй взвод 10-й роты вытащили из Цитадели, но пока никаких распоряжений на наш счёт не поступало. Так что, сейчас мы предоставлены сами себе.

Однако, всё хорошее рано или поздно заканчивается. Для нас этот момент наступил в районе полудня 26-го июня. По-

сле обеда Рауш построил наше немногочисленное воинство:

– Господа! Получен приказ!

У меня после этих слов как-то нехорошо засосало под ложечкой. Вот прямо чувствую, что приказ этот, – вовсе не о продолжении отдыха на каком-нибудь курорте.

– Взводу предписано к исходу дня покинуть Западный остров и вернуться в расположение 135-го полка.

– Это хорошо, – шепчет стоящий рядом Рюдигер, – со своими всегда веселее.

Господи, когда он уже успел нажраться своего чеснока? Я от этого амбре чуть сознание не потерял. Пошёл человеку навстречу, называется! Знал бы, – настоял на своём и выкинул все его вонючие запасы!

– Полк сейчас находится на Северном острове, где штурмует укрепления большевиков.

– А вот это, – плохо – тем же трагическим шёпотом комментирует Отто.

– Заткнись, Рюдигер! – шипит справа Викинг.

– Кратчайший путь на Северный лежит через Цитадель и Трёхарочные ворота. В районе ворот и в «Доме офицеров» русские ещё оказывают ожесточённое сопротивление. В настоящий момент, подразделения второго батальона 133-го полка вместе с артиллеристами и сапёрами 81-го батальона предпринимают последнюю, по словам майора Фрайтага, атаку на эти очаги обороны Центрального острова. В результате её успешного завершения, – прямая дорога на Северный

будет открыта. В противном случае, – нам придётся идти в обход, через разрушенный Бригидский мост.

Хм... Интересно: что это за «Дом офицеров» такой, о котором упомянул Рауш? С памятью моей, конечно, не всё идеально, но такого названия я не припомню. Да и офицеров в Красной Армии сейчас нет... В районе Трёхарочных ворот, «домом» можно назвать разве что только здания Белого дворца или Инженерного управления. Но об их героической защите я ничего не слышал. Последним очагом обороны была кольцевая казарма, а именно – участок, в котором сейчас располагается 33-й инженерный полк РККА. В моём времени там музей Оборона. Неужели история повернула?

– Итак, пока собираемся и ждём результатов атаки 133-го полка. Следующее построение, – через час! – продолжал тем временем Рауш – Вопросы? Вопросов нет. Вольно, разойдись!

Я всё-таки решился и подошёл спросить у взводного про заинтересовавший меня «Дом офицеров». Рауш понимающе кивнул головой и достал из нагрудного кармана когда-то нарисованную мною ещё на том берегу схему Брестской крепости. Лист был испещрён пометками, показывающими зону ответственности того или иного подразделения Вермахта. Боже, да эти сведения соответствуют, как минимум, штабной карте! Оказывается, Рауш перенёс обстановку с плана майора Фрайтага, – так, чтобы быть в курсе дела. Наверное, будь мы на линии фронта, – за такие художества наше-

го взводного уже бы искало Гестапо. Но здесь, фактически в тылу наступающих войск, схема расположения наших частей в Крепости, похоже, не является чем-то сверхсекретным. Именно этим я объясняю появление подобного документа у обычного обер-фельдфебеля. Что же, раз предоставляется такой случай, – почему бы и не полюбопытствовать?

Итак, смотрим на схему. Всё красное и лишь три области помечены синим, – нужно полагать, это последние места организованного сопротивления. «Домом офицеров» неожиданно оказался участок кольцевой казармы, где располагается 33-й Инженерный полк. На вопрос: почему это место назвали именно «Дом офицеров», а не как-нибудь иначе, – взводный ответить не смог, лишь пожав плечами. Может, из-за наиболее сильного сопротивления? Немцы подумали, что там остались одни фанатики-коммунисты и командиры, поэтому назвали именно так. Возможно? Возможно. Так, хорошо, пусть будет «Домом офицеров». Теперь меня интересует: что творится на Северном? Если не изменяет память, – из очагов сопротивления там должен остаться только Восточный форт майора Гаврилова. Да, всё так и есть. Вот он, помеченный синим кружком «Ostfort».

Хм, – на плане Рауша присутствует ещё один участок обороны. Ему почему-то не досталось имени собственного: на схеме он обозначен просто цифрами. Читается как пункт 145. Никогда не слышал о таком... Ещё одна неизвестная страница истории или, всё-таки, моё появление здесь как-то

повлияло на ход войны? И где этот ПКТ-145 расположен? Ага, прямо напротив «Дома офицеров», на противоположном берегу Мухавца. В моём мире там, кажется, какое-то кафе...

Вообще, конечно, логично, что эти два узла обороны держатся так долго. Получается, что огонь защитников «145-го», например, не даёт противнику пересечь мост или реку и подобраться к «Дому офицеров» с тыла. В свою очередь, стрельба из казарм 33-го инженерного полка не позволяет немцам подойти и уничтожить гарнизон на той стороне Мухавца. Единственный минус этой позиции состоит в том, что, при падении одного очага обороны, – практически сразу же погибает и второй. Интересно, – как этот «145-й» сейчас выглядит на местности? Будет возможность, – непременно посмотрю.

Ну, картина, в целом, мне ясна. В ближайшее время закончится организованная оборона Центрального острова, останутся только мелкие группы и одиночки. А вот на Северном, Гаврилов ещё продержится несколько дней.

Глава 2

И вновь пропитанная дымом, гарью и порохом Цитадель, над которой висит всё тот же тошнотворный трупный запах. Мы опять повторяем путь, по которому уже вошли на Центральный остров ранним утром 22-го июня: Тереспольские ворота – здание казармы 333-го полка.

Знакомые развалины погранзаставы, остатки артпарка. Миновав их, двигаемся вдоль кольцевой казармы, к Трёхарочным. Расположенное справа от ворот здание 33-го инженерного полка, именуемое немцами «Домом офицеров», и где сейчас расположен музей, – наполовину превратилось в груды битого кирпича. Здесь сапёры применили взрывчатку и просто обрушили стены. Под обломками погибла масса защитников, немногих выживших взяли в плен. Командиров последнего очага обороны Цитадели, – полкового комиссара Фомина и капитана Зубачёва, – должны были захватить тоже где-то в этом районе. Сейчас по тому, что осталось от казармы 33-го инженерного, лазают немцы: проверяют с помощью гранат подвалы, казематы и прочие подозрительные места.

Измощённые русские пленные разбирают завалы. Судя по всему, – это те красноармейцы, которые буквально ещё несколько минут назад были защитниками «Дома офицеров». И вот, теперь они достают из-под обломков трупы своих товарищей.

Рядом стоит уже знакомый нам лейтенант Хурм, прижимающий к лицу платок в тщетной попытке избавиться от всепроникающего смрада разлагающихся на жаре тел. Убитых русских пленные бросают в глубокую воронку, которая уже почти заполнена. Погибших немецких солдат, под надзором лейтенанта, аккуратно складывают в ряд на остатки газона у Трёхарочных ворот. Молоденький розовощёкий гефрайтер собирает с тел жетоны. Огонь на Центральном острове стих, – только изредка где-нибудь вспыхнет и тут же угаснет перестрелка: идёт охота на выживших русских. Цитадель взята.

Однако наш путь лежит дальше, – на Северный остров, где защитники ещё оказывают сопротивление и сдаваться пока не собираются. Проходим через Трёхарочные ворота. До этого я их видел только на старых, пожелтевших от времени фотографиях. Теперь предстоит познакомиться с ними вживую. Три одинаковых широких сводчатых проёма, отделанные белой штукатуркой. На контрасте с бордовым кирпичом примыкающей к воротам кольцевой казармы, – смотрятся Трёхарочные очень красиво. Даже несмотря на то, что стены выщерблены пулями и снарядами, посечены осколками.

Проходим через центральную арку. Господи, – сколько же здесь трупов! Лежащий перед нами мост буквально завален телами красноармейцев! А запах! Выйдя из ворот, в нос сразу же ударяет густой сладковатый смрад. Это невыносимо!

Чувствую, как взбунтовалось содержимое моего желудка и делаю два стремительных шага к перилам. Едва успеваю скинуть к ногам пулемёт, как меня сгибает пополам, и я стремительно избавляюсь от недавно съеденного обеда. Краем глаза вижу, как в нескольких шагах, оперевшись на винтовку, тем же самым занимается Отто. Вытерев рот рукавом, оглядываюсь. О, даже Викинг с Раушем, – и те вызывают из Мухавца Ихтиандра. По-моему, во взводе нет ни одного человека, которого бы сейчас не тошнило!

Чёрт, этот запах, конечно, омерзителен, но открывшаяся нам на мосту картина просто заставляет волосы встать дыбом! Досок, или из чего он там сделан, – не видно: только трупы. Мы, скользя под разъезжающимися под ногами телами, идём прямо по ним. Кажется, убитые лежат здесь как минимум в три ряда! Берега Мухавца также усеяны мёртвыми: куда ни глянь, – везде видишь смерть. Боже, что же здесь творилось! Трупы, трупы, трупы, – от увиденного можно сойти с ума! Спасибо Всевышнему, что я не попал в первую штурмовую группу, которая держала здесь оборону! Думаю, что моя психика точно бы этого не выдержала. Хотел бы я посмотреть на выживших здесь!

Оглядываюсь на Крепость. Самый целый участок кольцевой казармы располагается слева от ворот. В отличие от соседних, он почти не тронут огнём самоходок, стрелявших по Крепости в упор, и не так сильно испещрён пулевыми отметинами. Судя по всему, именно здесь располагалась та са-

мая столовая, захваченная в первые же минуты немецкими солдатами. Первый этаж, мост как на ладони. Да уж, прорваться красноармейцам под огнём пулемётов через Трёхарочный было просто нереально. Сколько же здесь убитых!? Тысяча? Две? Наверное, не меньше... Я реально потрясён увиденным.

Наконец, мост пройден. Теперь нужно быть настороже: Восточный форт рядом. Вот он, – виднеется между полуразрушенных домов комсостава. Дорога, когда-то бывшая аллеей, ведёт прямо, к Северным воротам. Теперь на месте деревьев виднеются лишь обугленные стволы. Я смотрю направо: а вот и тот самый «145-й». Два вала, в одном из которых, высоко, располагаются казематы, – вот и вся позиция, которую пять дней не могли взять немцы! На перекрёстке, образованном аллеей к Северным воротам и дорогой вдоль Мухавца, стоит самоходка. Ствол её орудия смотрит на мост. Похоже, она обстреливала кольцевые казармы с этой стороны. Вокруг неё суетятся солдаты, – судя по долетающим разговорам, русские умудрились каким-то образом самоходку подбить. Теперь орудие пытаются починить, и процесс ремонта близок к завершению. Интересно, – это тот самый штуг, что входил тогда к нам в крепость – или нет? Жаль, не запомнил его бортовой номер. Рауш ведёт нас налево, вдоль Мухавца. Двигаемся перебежками, – словить пулю от какого-нибудь русского снайпера ни у кого желания нет.

Вот и КП полковника Йона. Он расположился на свежем

воздухе, во дворе Западного форта, – близнеце Восточного. Трупный смрад здесь поменьше, да и убитых совсем мало, – видимо, уже прибрали. Стоит большая штабная палатка, рядом – ещё несколько, включая медицинскую, с огромным красным крестом на боку. Неподалёку видна антенна радиации, по траве стелются телефонные провода. Чуть поодаль от палаток стоит пара мотоциклов, какой-то броневедомо-мобиль, легковая машина и закрытый грузовик «Опель-Молния» с большими раструбами на крыше кузова. Наверное, это та самая установка, что призывала гарнизон Крепости к сдаче. Часть офицеров с биноклями располагаются на гребне внешнего вала форта, – видимо, наблюдают за последним очагом организованного сопротивления на Северном острове.

Строимся, Рауш выступает вперёд. Взвод встречает лично командир полка. Выслушав доклад взводного, полковник Йон оглядывает наше воинство и произносит небольшую речь:

– Солдаты! Вы до конца исполнили свой долг, – Рейх может вами гордиться! Я счастлив, что имею честь командовать такими славными парнями! Ваше мужество и самоотверженность не будут забыты! Крепость почти взята, – остался последний узел обороны большевиков! Нам, землякам фюрера, оказана великая честь овладеть этой Крепостью и мы оправдаем доверие нашего народа! Благодарю за службу! Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! – ревьём мы в единодушном порыве.

– Понимаю, что вы устали, но нужно собраться и раздавить последнее гнездо большевиков! Последнее усилие, – и оборона русских падёт! Подразделения первого и второго батальонов ведут здесь непрерывные бои вот уже пятые сутки. Им нужен отдых. Нам всем нужен отдых. Поэтому, я прошу! Прошу, а не приказываю! Помогите достойной победой завершить эту славную кампанию! – этим призывом полковник закончил своё выступление.

Всё-таки, – велика сила слова! Речь, сказанная Йоном, воодушевила солдат. Глаза камрадов вокруг меня горели. Они были готовы пойти в бой хоть сейчас, чтобы немедленно отдать жизнь за фюрера и «Тысячелетний Рейх».

– На нас надеются! Знают, – кому можно доверить ответственное дело! – с восторгом воскликнул Рюдигер, как только строй распустили и Рауш отошёл к штабной палатке.

– Мы не подведём! – не менее пылко вторил ему Студент.

– Умерьте свой восторг, парни, – попытался отрезвить возбуждённых речью командира полка солдат Викинг, – идти в атаку на отчаянно сопротивляющихся русских, – не самая хорошая идея.

– Да мы раздавим их как тараканов! – тоном, не терпящим возражений, ответил Отто.

– Не думаю, – покачал головой Йенс.

– Вечно ты сомневаешься! – недовольно нахмурил брови Рюдигер, – Нужно верить в победу!

– Мне кажется, Отто, что речь полковника произвела на тебя слишком сильное впечатление, – встрял в разговор я.

– Глупости! – отмахнулся Рюдигер, – Командир полка говорил правильные вещи, и я ему верю!

– Да уж, – поддержал меня Викинг, – что-то ты не на шутку возбудился.

– Пфф!

– Это магия Йона, – засмеялся я, – Будь Отто женщиной, – он бы прямо здесь полковнику отдался, – видишь, как глазки горят!

Викинг захохотал, Студент с Кройцером тоже не выдержали и присоединились к пулемётчику. Один только Рюдигер обиженно насупился и отвернулся от нас, всем своим видом показывая пренебрежение.

Тем временем, из штабной палатки вернулся Рауш и поставил нам боевую задачу: в сумерках скрытно выдвинуться на позиции и сменить один из взводов второго батальона, который располагается в домах комсостава недалеко от дороги к Северным воротам. Солнце уже садится, поэтому тронуться мы должны не позднее, чем через час.

Пока есть время, – пополняем запасы патронов и гранат. Завтра с утра должны подъехать приданные танки, после чего начнётся очередной штурм. Наученные горьким опытом, помимо боеприпасов набираем воды во все ёмкости, которые нам доступны. Я, помимо своей фляги, кладу в ранец ещё две: запас не помешает.

Смеркается. Рауш даёт команду на выдвижение. В небо взлетают осветительные ракеты, периодически постреливают блокирующие Восточный форт немцы. То ли для собственного успокоения, то ли по промелькнувшим теням. Русские молчат.

Перебегая между домами, добираемся до взвода, который должны сменить. Их КП располагается на первом этаже одного из зданий, – в комнате, выходящей окнами на Мухавец. Командует здесь пожилой, степенный фельдфебель. Он искренне рад нас видеть и с ходу сообщает, что взводного лейтенанта убил русский снайпер ещё в первый день. Показывает наши будущие позиции: стрелки занимают места внизу, пулемётчиков размещают на вторых этажах. Викинг с Кройцером бесшумными тенями скользят в соседнее здание. Поскольку я теперь тоже пулемётчик, то мы с Рюдигером забираемся по лестнице указанного взводным дома. Он стоит последним, у самой дороги, и находится дальше всех от валов Восточного форта.

Осматриваемся на втором этаже. Я выбираю небольшую комнату с видом на позиции русских. Комод, стол, большая двуспальная кровать, в углу детская колыбелька, игрушки. Никого. Под ногами хрустит битое стекло, – рамы вышибло взрывной волной. Крови нигде нет, – значит, хозяева успели отсюда выбраться целыми и невредимыми. Начинаем оборудовать позицию. Оттаскиваю подальше от окна стол, – пулемёт должен стоять в глубине комнаты, иначе красноармейцы

нас сразу заметят и легко убьют. Разворачиваем с Отто тяжёлую кровать. Отлично получилось: МГ на столе, мы с Рюдигером на кровати. Мягко, комфортно, удобно. В случае чего, – просто откатываемся и падаем на пол. Приникаю к прицелу, оценивая сектор обстрела. Вижу форт и немного – здание двухэтажной казармы внутреннего вала. На валах – окопы. Вроде бы, в них никого нет. Между нашим домом и позициями русских, – стоят пушки. Часть, – разбита, часть, – брошена. Где-то я подобную картину уже видел... Разбитый артпарк перед церковью! Точно! Чуть правее, – почти вплотную подходящие к валу форта дома комсостава. Эх, занять бы позицию там... Но, мы, к сожалению, с другой стороны.

Пространство от нашего дома и до самых валов укрепления, как и на Центральном острове, покрыто трупами, но тут картина несколько иная: примерно треть составляют убитые в форме мышинного цвета. Значит, давали здесь камрадам прикурить красноармейцы... Насколько я помню диспозицию, – Восточный форт полностью окружён: главный вал и прилегающие к форту территории полностью в руках немцев. Ждать сдачи русских можно до морковкиного заговенья: припасов, людей и патронов у защитников много, просто так это укрепление не взять.

Наступает ночь, однако пространство вокруг форта освещается взлетающими тут и там ракетами. Периодически, где-то со стороны главного вала, хлопает миномёт, запуская осветительную мину. Она взмывает вверх и плавно опуска-

ется, надолго заливая светом Северный остров. Нельзя сказать, что светло как днём, но выбраться из форта незамеченным практически невозможно.

Внезапно, на лестнице раздаётся шорох: кто-то поднимается на второй этаж. В мгновение ока сдёргиваю со стола пулемёт и направляю ствол в дверной проём. Русские?

– Парни, где вы тут? – раздаётся в темноте жалобный голос.

– Чёрт, Хефнер! Я тебя чуть не пристрелил! – громко возмущаюсь я, но палец со спускового крючка убирать не спешу.

В дверях появляется худая фигура нашего стрелка.

– Да мне что-то стало страшновато одному, – признаётся Карл, осторожно входя в комнату.

– Одному? А где остальные?

– Так нет больше никого, – пожимает плечами Хефнер, – Гётце и Шлимана забрали на правый фланг, – там, вроде как, возможен прорыв русских к Восточным воротам.

– Ты хочешь сказать, – нас всего трое здесь? – интересуется Рюдигер.

– Получается, что так, – соглашается Хефнер.

– Прекрасно! – в сердцах бросаю я.

– Да вряд ли русские будут прорываться здесь, – пытается успокоить меня стрелок, – к тому же там, за домом, самоходка стоит, – её починили.

– Откуда сведения?

– С танкистами говорил. Обещали, в случае чего, огнём прикрыть. Правда, снарядов у них всего четыре, зато к пулемёту, – полный боекомплект!

– И где они сейчас?

– Вроде как, спать легли.

– Отличное прикрытие, – ворчит Рюдигер.

– Ничего: стрельба начнётся, – проснутся, – переставляя свой MG-34 обратно на стол, замечаю я.

– Это точно, – радостно скалится Хефнер.

– Ох, и струсят тогда с перепугу, – мерзко хихикает Рюдигер.

– Ладно, смех – смехом, а звезда – кверху мехом. Втроём бодриться – точно не выспимся. Нужно поделить ночь на смены.

– Какая звезда? – недоумённо интересуется Отто.

Вот ведь морда нерусская, – матерюсь про себя, но вслух отвечаю:

– Долго объяснять. Значит, делимся так: до нулей сторожит Хефнер, до двух – я, до четырёх утра – Рюдигер. Вопросы? Вопросов нет. Бдим на первом этаже, в случае чего, – стреляем, не стесняемся.

Отправив Хефнера вниз, укладываемся на кровати. Мне не спится, а Отто, такое ощущение, потерял сознание сразу, как только коснулся головой подушки. Сначала было нормально, но потом Рюдигер затеял такой храп, что хоть уши затыкай. Промучился до смены, но уснуть так и не смог.

– Во даёт! С лестницы слышно! – восхищённо произнёс Хефнер, поднявшись наверх.

– Ага, удачи заснуть! – буркнул в ответ, – Давай винтовку, пойду дежурить. Всё спокойно?

– Как никогда! – заверил меня стрелок, забираясь на кровать, – Тишина и спокойствие!

Я спустился вниз. На первом этаже царил такой же беспорядок, как и на втором. Выглянул во двор: никого, метрах в двадцати стоит самоходка. Низкая, приземистая, грозная. Танкисты, похоже, и впрямь спят: даже охранения не выставили. Вот вояки! Возвращаюсь в дом. Всё тихо. Обосновавшись в комнатке – близнеце той, в которой сейчас спали мои камрады, я принялся наблюдать за освещаемым неестественным светом ракет фортом.

Прошло минут сорок, мои глаза начали потихоньку слипаться. Встряхивая головой, пытаюсь взбодриться. Взгляд скользит по испещрённой воронками земле. Опа! Здравствуйтесь! Сон как рукой сняло: замечаю фигуру, бодро двигающуюся в нашу сторону. Судя по характерной форме фуражки, – это явно русский, причём не рядовой. Вскидываю маузер к плечу, упираясь цевьем в подоконник. Фигура в прицеле особо и не прячется, – пригнувшись и прижимая колотящий по бедру планшет, неизвестный командир уверенно перебежал от воронки к дереву. Так мне его не видно, – пусть высунется немножко... Палец замер на спусковом крючке. Сердце бешено колотится, во мне проснулся охот-

ничий инстинкт. Ещё одна перебежка. До русского, – метров пятьдесят. Нужно подпустить поближе, чтобы наверняка. Стоп! Меня будто обжигает изнутри. Это же наш, русский! Какой ещё ваш? – нетерпеливо вопрошает меня внутренний голос, принадлежащий явно Максиму Ланге, – давай, стреляй! Так, стоять! Я, – вообще-то, тоже русский! Или ты забыл? С трудом, но запикиваю своего внутреннего немца в глубину подсознания. Нельзя мне стрелять! Попробуем по-другому.

Неизвестный, тем временем, приближается. До него уже метров пятнадцать. Так, залёг в воронке. Ещё чуть-чуть – и можно брать. Руки вспотели. Отставив винтовку, вытираю их об штаны. Вот, вылезает! Но что это? Русский встал на край воронки и поднял руки, зажав в каждой по белой тряпке. Он что, – сдаётся? Видя, что никакой реакции его появление не произвело, начинает медленно двигаться к моему дому, помахивая своими портянками. Пора! Вполголоса, чтобы не услышали камрады сверху, командую:

– Halt!

Потенциальный пленный сразу останавливается, испуганно пялясь в темноту, и начинает частить, мешая русские и немецкие слова:

– Сдаюсь! Капут! Не стреляйте! Капитулирен!

Распрямляюсь в окне, чтобы тот меня увидел. Внимательно оглядываю пространство за русским: вроде бы, никого. Так, сдающийся, наконец, меня заметил. Держа винтовку од-

ной рукой, делаю приглашающий жест второй:

– Komm!

Перебежчик кивает: мол, понял, и торопливо семенит к дому, беспрестанно повторяя, что сдаётся. Жалкое зрелище, честно говоря. Встречаю его в дверях, стволом указывая на комнату:

– Komm!

Пропускаю сторбленную фигуру пленного мимо себя, настороженно прислушиваясь, – не слышат ли мои камрады наверху? Нет, всё тихо. Толкаю стволом в спину, – иди уже, предатель хренов! Русский, вздрогнув, послушно делает несколько шагов вперёд.

Блондин, худощавый, но не измождённый. Судя по внешнему виду, голод и лишения его не коснулись. Так, звёзды на рукавах, три кубика в петлицах... Политрук? Да он отважный парень! Сдаться в таком виде, – это гарантированно подписать себе смертный приговор! Не успел я об этом подумать, как политрук начал «колоться»: добровольно и безо всякого принуждения:

– Я – комиссар Восточного форта! Имею важные сведения об обороне! Отведите меня к своему командованию! Я всё знаю, всё расскажу!

Вот так фрукт! Толкаю его к стене, чтобы тот упёрся в неё руками:

– Schweigen, kommissar!

Тот послушно замолкает. Обыскиваю. Первым делом, до-

стаю из кобуры пистолет. Что там у нас? Ага... Тульский Токарев, он же ТТ. Сегодня один, извини: очень быстро разбирают. Фу ты! Подсознание, – что ты делаешь? Прекрати! Вот сейчас вообще не к месту! Снимаю планшет.

– Там очень важные документы! – дёргается политрук, пытаюсь повернуть голову ко мне, – Их нужно непременно доставить вашему командованию! Там план форта и расположение всех помещений!

– Молчать! – не выдерживая, перехожу я на русский.

– О! Так Вы понимаете по-русски?! – обрадовано восклицает перебежчик.

– Немного, – бурчу в ответ, проклиная себя за несдержанность.

Из нагрудного кармана достаю удостоверение личности и партийный билет. Ну, и кто же ты такой, ясный сокол? Чёрт, видно плохо. Лампу бы сюда...

– Политрук Скрипник, Степан Сергеевич! Заместитель командира 3-й пулемётной роты 333-го стрелкового полка по политчасти! – видя, что я вожу носом по его документам, радостно отрекомендовался блондинчик.

Вот бы преступники так кололись на допросах, как ты тут поёшь! – с неприязнью подумал я. А вот фамилия мне твоя знакома... Да, я слышал её, – похоже, это действительно комиссар Восточного форта. Но, насколько я знаю из официальной истории, – он же в форт и застрелился, чтобы не попасть в плен? Хм, похоже, слухи о его смерти оказались

всего лишь слухами. Вот, товарищ Скрипник собственной персоной стоит передо мной: живее всех живых. Грохнуть, что ли, его? Исключительно для исторической достоверности, конечно. Ладно, – пусть живёт пока. Не буду руки пачкать.

Дальнейший обыск ничего не дал: остальные карманы оказались пусты. Ну что же, будем работать с тем, что есть. Итак, планшет. Открываю. Несколько карандашей, листы бумаги. Фотография семьи, неотправленное письмо, – это всё неинтересно. Ага, вот оно! Схема укреплений Восточного форта! Аккуратно, по линейке, вычерченный план, на котором скрупулёзно отмечены и подписаны все огневые точки. Было же время так стараться! И почерк, – почерк-то какой! Каллиграфия высшей пробы! Явно не под артобстрелом писал. Отсек с ранеными, продовольствием, здесь женщины и дети, тут колодец, здесь склад боеприпасов... Подготовился, молодец! На обратной стороне, – количество вооружения и личного состава. Командир – майор Гаврилов. Подчёркнуто красным карандашом. Чтобы не забыть, наверное. Ну, гадёныш... Наши там, не щадя жизни, уничтожают врага, а этот...

– Пулемёт! Ещё я вывел из строя их зенитный пулемёт, господин офицер! Теперь они не смогут держать под обстрелом подступы к внутреннему двору! Я специально! Прошу учесть мою помощь, господин офицер!

Вот же мальчиш-плохиш! Таких тварей я ещё никогда не

видел. Офицером меня назвал? Подлизывается, что ли, или в званиях не разбирается? Глядя на угодливую улыбку Скрипника, я понял, что последнее. Ну, сволота... Отступив на шаг назад, я со всей дури врезал прикладом в эту мерзкую рожу. Нелепо взмахнув руками, политрук упал как подрубленное дерево, опрокинув стоящий рядом стул. Как таких земля носит? Нагнувшись к телу, проверил пульс. Живой.

Так, и что теперь делать? В голове, – полный сумбур. Нужно успокоиться. Что мы имеем на данный момент? Я подобрал с пола схему Восточного форта. Нашим здесь ещё держаться два дня. Потом, – налёт авиации, двухтонная бомба и конец последнему очагу обороны. Майор Гаврилов останется жив и попадёт в плен только в конце июля... Значит, шанс выбраться из форта всё-таки есть. Главное, – держаться майора и всё будет пучком. Вот он, – подходящий момент для перехода! Раз Скрипник смог незамеченным пробраться до немецких позиций, – то и я смогу тем же путём дойти до форта. Что уж я там буду говорить Гаврилову, – покажет обстановка, но находиться дальше в шкуре немца становится чревато. Рано или поздно, мне придётся стрелять и убивать своих предков, а на это, как говорил один киношный персонаж, «я пойтить не могу». И так считаю подарком судьбы тот факт, что за пять дней войны мне посчастливилось не замараться уничтожением своих. Итак, – решено.

Теперь нужно создать комфортные условия перехода. За Скрипника я не переживаю, – этот меня вряд ли запомнил,

а, если и запомнил, – дальнейшая судьба его незавидна. После того, как он всё выложит немцам, – его просто расстреляют. Уж я-то этот приказ «о комиссарах» помню. Так что планшет и документы оставляю здесь. А вот схему Восточного форта с пометками предателя, – возьму с собой. Будет чем удивить Гаврилова. Политрук, конечно, на допросе расскажет, что рисованный им план пропал, но мне это, честно говоря, будет к тому времени уже совершенно фиолетово.

Смотрю на часы: скоро два, пора будить Рюдигера. Скрипник пока в ауте, так что можно смело идти наверх. Поднимаюсь по лестнице, – из комнаты доносится богатырский храп. Надо же, – Хефнер мало того, что умудрился уснуть рядом с Отто, так и сам выдаёт не хуже Рюдигера, – только занавески развеваются! Тщетно пытаюсь растолкать своего второго номера, – не просыпается! Шуметь нельзя, поэтому решаюсь на хитрость. Наклоняясь к самому уху Рюдигера, шепчу:

– Отто! Проснись! Чеснок украли!

Не знаю, что уж больше возымело на него действие: мои слова или штык, которым я покалывал в бедро своего напарника, но Рюдигер моментально проснулся.

– Что? Где? – вскакивая, зашарил руками Отто, нащупывая свою винтовку.

– Тсс! Тихо! Смена. Хефнера не разбуди! На месте твой чеснок, пошутил я. Пошли, – чего покажу.

Убедившись, что чеснок и Родина в безопасности, кряхтя, как столетний дед, Рюдигер встал с кровати. Почёсывая бед-

ро и отчаянно зевая, Отто стал спускаться вниз по лестнице.

– Чего-то задница болит.

– Ну, я не знаю чем вы тут с Хефнером занимались, пока я дежурил...

– Что?! – сонливость с Отто как рукой сняло.

– Да расслабься, – шучу я! Хотя... Любовь, как известно, зла...

– Дурак! – беззлобно выругался Рюдигер.

– Ладно, смотри, – зайдя в комнату, я показал на лежащее тело.

– Ох, мать моя – женщина! Кто это? – подпрыгнул от неожиданности Отто, пытаясь сдёрнуть с плеча винтовку.

– Комиссар, – лаконично ответил я.

– От... откуда он здесь?

– В гости зашёл, пока вы спали. И я его, – того... В плен взял. Прикладом по башке.

– И что теперь с ним делать?

– Сейчас приведём в чувство, – и веди его к Раушу. Насколько я понял, – это перебежчик из форта, хочет что-то важное сообщить.

– Так ты его допрашивал? – глаза Рюдигера от удивления чуть не вылезли из орбит.

– Немного. Моего русского недостаточно для полноценного допроса, но кое-что понять удалось.

– Ну, ты даёшь! – восхищённо произнёс Отто, наклоняясь к лежащему Скрипнику.

– Укусит! – пугаю я Рюдигера. Тот, как ужаленный, отскакивает от политрука, ударяясь каской об стол.

– Да что ты ведешься-то постоянно? – еле сдерживая смех, шёпотом выдавливаю я.

– Ну тебя к чёрту!

– Ладно, давай будить это тело.

– Обыскивал?

– Обижаешь! Вот его планшет, документы и оружие. Кстати, – сними-ка с него ремень и портупею.

Отто, чертыхаясь, переворачивает политрука на спину:

– Тяжёлый, зараза! Откормленный!

– Это потому, что он без сознания. Обмяк, – вот и кажется тяжёлым. Давай его амуницию сюда.

Вкладываю ГТ в кобуру, документы убираю в планшет и протягиваю всё это Рюдигеру:

– Держи, передашь Раушу. И этого отведёшь, – сейчас мы его поднимем.

Пинаю лежащего в бок, – никакой реакции. Да, хорошо я его приложил. Придётся потратить драгоценной влаги. Отвинчиваю пробку и брызгаю на лицо политрука. Тот моментально приходит в сознание, делает глубокий вдох и со стоном открывает глаза, пытаюсь подняться, но тут же падает обратно. На этот раз пинок под рёбра приводит его в чувство.

– Ааа, – держится Скрипник за голову и пытается встать.

Помогать я ему не собираюсь, поэтому процесс обретения предателем вертикального положения в пространстве заты-

гивается.

– Aufstehen!

После призыва подняться, – дело идёт на лад. Пусть немецкий язык и не мелодичен, но команды на нём действуют на людей просто магическим образом! Особенно, – на войне.

Политрук уже не так словоохотлив, – видимо, удар прикладом по голове пошёл на пользу. Ну и славненько: успеет ещё наговориться.

– Веди его!

– Komm! – машет стволом Рюдигер и Скрипник, пошатываясь, выходит в коридор.

– Дворами веди, – одёргиваю я Отто, который уже было собрался продефилировать с пленным вдоль дома со стороны форта – не проснулся ещё, что ли?

Отто испуганно кивает и заворачивает политрука в другую сторону. Прощай, камрад! Надеюсь, больше не увидимся.

Так, у меня на всё – про всё, минут десять. Бесшумно взлетаю на второй этаж и быстро достаю из ранца фляги с водой: колодец в форту, – это хорошо, но вода лишней не будет точно. Цепляю фляги к поясу: я готов. С сожалением смотрю на пулемёт, но тащить его с собой смысла не вижу. Предстоит хорошенько поползать, и лишний вес мне сейчас ни к чему. Да и коробки с патронами мобильности явно не добавят... А немцы пусть думают, что рядового Макса Ланге

взяли в плен безумные русские. Здорово придумал? Я тоже думаю, что ерунда полная. Ну, да ладно. Прощайте, – камрады! Здравствуйте, – товарищи! Надеюсь, меня не пристрелят...

Часть IV Восточный форт

Глава 1

Бесшумно выскользнув из двери, я на секунду замер: пока всё тихо. В небо, по-прежнему взлетают ракеты, периодически постреливает пулемёт где-то на главном валу. Так, до форта отсюда метров двести... Ну что, – начнём?

Пригнувшись, добегаю до воронки перед домом, где отсиживался политрук Скрипник перед тем, как сдаться в плен. Сердце бешено колотится, грозя выпрыгнуть из груди. Спокойнее, спокойнее... Подгадав время между ракетами, совершаю ещё одну перебежку. То ли камрады подустали, то ли сигналки экономят, но в освещении территории появились паузы. Это мне на руку. Аккуратно выползаю из очередной воронки и двигаюсь дальше. Никогда не думал, что скажу это, – но спасибо немецкой артиллерии! Количество разнообразных следов попаданий снарядов на этом отдельно взятом клочке земной поверхности просто поражает. Да тут можно и в свете прожекторов, кажется, ползать: никто не заметит. Двигаюсь дальше и, вскоре, достигаю подножия внешнего вала. На удивление, путь сюда занял всего несколько минут. Нужно осмотреться. Осторожно пробираюсь мимо развалин какого-то строения. Странно: мне казалось, что

никаких построек в этом месте быть не должно. И что же здесь такое? Ага, руины когда-то были трансформаторной будкой.

Довольно странно, но никаких следов защитников форта я не вижу. На гребне вала совершенно точно есть стрелковые ячейки, однако они сейчас пусты. Днём, – понятно: их занимают немцы, чтобы с наступлением темноты вновь покинуть, – боятся, что русские контратакуют. В этом случае, миномётный обстрел и огонь прикрытия с главного вала вызвать будет невозможно, из-за боязни накрыть своих. Но почему ночью, когда противник отходит, – обороняющиеся не выставляют здесь хотя бы посты? Загадка.

Спереди-справа вижу подковообразный дворик и двухэтажный каземат, вмурованный во внутренний вал. Именно оттуда защитники и ведут столь губительный, судя по количеству валяющихся перед фортом трупов в фельдграу, огонь по наступающим немцам. На втором этаже должен стоять зенитный четырёхствольный пулемёт, который аннигилирует фашистов, пытающихся приблизиться со стороны домов начсостава. Значит, там, скорее всего, и сидят сейчас наблюдатели. Вариантов два: или они меня пока не заметили, или уже держат на прицеле. Первое мне нравится намного больше, но за основную версию лучше, всё-таки, взять второе. Как говорится: готовься к худшему, но надейся на лучшее.

Итак, остался последний рывок. Вопрос, – куда рвать? В сторону каземата точно не стоит, – убьют. Лезть на гребень?

Ну, и что это даст? Там можно сидеть до посинения, но, в итоге, дождёшься только утреннего прихода немцев. Значит, всё вышеперечисленное отпадает. Ещё есть возможность забежать в пространство между внутренним и внешним валом, но тогда меня застрелят из горжевых казематов. Да уж, – ситуация...

Посмотрев на нехитрые укрепления вблизи, мне пришла мысль, что форт действительно невозможно взять теми силами, которые сейчас есть у немцев. Полковые пушки эти валы не пробьют, а артиллерия повышенной мощности уже ушла. Ладно, это всё хорошо, конечно, – но мне-то что сейчас делать? Из домов комсостава картина виделась несколько иначе: главное, – добраться до форта, а там уж внутрь попадём! Ага, щас! С разбегу – об телегу. Проползти двести метров открытого пространства оказалось намного проще, чем попасть к обороняющимся. Как поётся в одной песне... Стоп! Поётся? А ведь это идея! Откашлявшись, я подполз к краю воронки и затыкнул:

«Расцветали яблони и груши
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой!»

Прислушался. Тишина. Ну что же, времени ещё полно и песен я знаю много:

«Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла!»

Усилия мои не пропали даром: после четвёртого куплета, наконец, послышался хриплый голос, который поинтересовался:

– Эй, певец! Ты кто такой и откуда здесь взялся?

Хороший вопрос, но объяснять реальное положение дел в данный момент, – излишне, поэтому ответить постарался как можно проще:

– Свой я! С Центрального острова!

В принципе, – даже душой кривить не пришлось. Как-никак, – больше двух суток просидел в Цитадели!

– С Центрального, говоришь... Один?

– Как перст!

– Ну, коли так, – то ползи сюда!

– Я бы с радостью, – да, боюсь, срежет меня ваш пулемётчик вон из того каземата, что внутренний двор простреливает.

– Гляди, – какой глазастый! Ладно, жди пока здесь, а с пулемётчиками сейчас договоримся!

Пока неизвестный ползал «договариваться», мне пришла в голову очередная умная мысль. Заключалась она в том, что

мой внешний вид может быть воспринят нашими бойцами с, как бы половчее выразиться, – некоторой агрессией, что ли. Примут меня за немца, – и всё: поминай, как звали, даже мяукнуть не успею. Поэтому, нужно срочно избавляться от формы. Как я раньше об этом не подумал? Но, – лучше поздно, чем никогда.

После военно-полевого стриптиза, которого, я надеюсь, никто не видел, мой внешний вид кардинально преобразился. Чёрные трусы до колен, ремень и сапоги. На поясе, – три фляги, штык и пистолет. Майку тоже пришлось снять, потому что немецкий орёл на груди выдавал Штирлица с головой. На всякий случай, оставил зольдбух Ланге, спрятав его в сапоге. Надеюсь, по-жёсткому обыскивать меня не будут. Прикопав форму со снаряжением тут же, в воронке, я стал ждать возвращения своего недавнего собеседника. Через несколько томительных минут, хриплый голос сообщил:

– Всё в порядке, давай сюда, – только без шуток! А то мы, – люди нервные...

– Какие уж тут шулки! Иду! Встречайте!

Шумно выдохнув, я осторожно приподнялся из своего укрытия, с опаской глядя на каземат. Тишина. Перевалившись через край воронки, пополз вперёд, ориентируясь на то место, откуда, вроде бы, раздавался голос неизвестного красноармейца. Чёрт, – да где он? Немцы исправно запускали ракеты, но даже в их свете я никого не наблюдал. Воронки, трупы, раздутая мёртвая лошадь... Куда ползти? Ага, – ви-

жу! Справа от меня, буквально в паре метров, замечаю неподвижную фигуру в фуражке, которая держит меня на прицеле автомата. Здравствуйте!

– Куда дальше? – шёпотом интересуюсь у бойца.

– Ползи до лошади, – там встретят, – не отрываясь от ППД, даёт ориентир обладатель хриплого голоса.

Забираю влево и оказываюсь на краю очередной воронки. Чьи-то сильные руки хватают меня с двух сторон и затягивают вниз.

– Да он голый! – вырывается чей-то удивлённый возглас.

– Не голый, а раздетый! – поправляю я неизвестного, пытаюсь вырваться из цепкого захвата.

– Ша, живчик! Веди себя прилично, – ты в гостях! – на меня наваливается всем телом кто-то тяжёлый, вдавливая в землю.

– Да бл...

– О! Вроде, и правда наш! – радостно констатирует тот, кто назвал меня голым.

– Не мороси, Сёма: сейчас будем посмотреть, какой он «наш».

Меня бесцеремонно переворачивают на спину и начинают обыскивать.

– Трусы оставьте, демоны!

– Не ссы: моряк ребёнка не обидит! – сопит в ухо напарник Сёмы.

– Опа! А ремешок-то, – немецкий, – присвистнув, конста-

тирует он.

– Какой есть, – огрызаюсь я.

– Микола! – окликает морячок бойца с ППД.

– Всё в норме, Костя, – он один! – отвечает тот.

– И это радует, что один. Братва, к нам в гости пришёл очень интересный персонаж! Сдаётся мне, что его будет очень рад видеть наш командир. Так что, придётся вам тут пока побыть с Семой вдвоём, без отеческого присмотра. Справитесь?

– Давай, веди. Обойдёмся без тебя как-нибудь, «папаша», – ухмыляется Микола.

– А ну, пошли, фраерок, – тыча в поясницу моим же «люгером» командует тот, кого называли Костей.

– С Одессы, что ли? – интересуюсь у своего конвоира, – больно говор у тебя своеобразный.

– А что, – земляков ищешь? – усмехается Костя.

– Почему нет? – пожимаю плечами, – Земляка встретить, – как дома побывать.

– С неё самой! Одесса – мама! Давай, топай, голодранец!

– Куда идти-то?

– Держи курс прямо, – не ошибёшься.

Ну, что же: прямо, – так прямо. Слева, – внешний вал, справа, – внутренний: куда дальше? В кирпичной стене чернеет прямоугольник дверного проёма.

– Заходим! – командует одессит.

Сразу за порогом расположился пулемётный расчёт, ле-

жащий за уменьшенной копией ДШК. Я такой уже видел, правда, – издалека. Что за система, – хоть убей, не знаю. В нос бьёт запах лошадиного навоза: похоже, здесь была конюшня. Вспоминаю план, начерченный Скрипником: чуть дальше должен располагаться каземат с женщинами и детьми, потом лазарет, ещё пара отсеков и продовольственный склад. И, как раз за ним, – помещение штаба, где сидит майор Гаврилов. Идти прилично, если, конечно, мы именно туда двигаемся.

Казематы на всём протяжении представляют из себя коридор, одной стороной обращённый в пространство между валами. С другой стороны, – непосредственно отсеки. Валы соединяются между собой потернами, – крытыми ходами, с бойницами по обеим сторонам. Сейчас мы, как раз, проходим мимо одной из них. Бойцов, кроме дежурных у амбразур, не видно. Тихо. Только из госпитальных отсеков доносятся крики и стоны. Проходим дальше. Так, – здесь, судя по часовому и закрытым дверям, – какой-то склад. Сдаётся мне, что меня точно ведут к командиру форта.

Красноармейцы, встречаемые по пути, с интересом смотрят на нашу процессию.

– Шпиёна поймал, Константин? – интересуется один из бойцов.

– Командир разберётся, – шпиён это или наш, пролетарий, – усмехается тот.

Наконец, подходим к очередному каземату, у двери в ко-

торый сидит пограничник. При нашем появлении, он поднимается и поправляет свою СВТ:

– Куда?

– Пригляди пока за мальцом, Андрюха, а я майору доложу.

– К стене! – командует мне пограничник, снимая винтовку с плеча.

Послушно выполняю команду. Судя по всему, – служба здесь поставлена как надо. Костя стучит в дверь и, после разрешающего «войдите», скрывается внутри. Буквально через минуту, вновь появляется в дверях и кивком головы приглашает войти:

– Залетай, фраерок!

После полумрака коридора, щурюсь от неяркого света горящей на столе керосиновой лампы. Костя заходит следом. Оглядываюсь. Довольно просторный каземат, в центре стоит стол с лампой, чуть поодаль, в углу, – ещё один, с телефонами. Интересно, – с кем они тут связь держат? На столе лежит мой ремень с флягами и оружием. Сбоку, вдоль стены, – две армейские металлические койки, на одной из которых кто-то спит, беззаботно похрапывая. Оперевшись руками на стол, напротив меня стоит невысокий, с густой чёрной шевелюрой, плотно сбитый командир. Вспоминая когда-то виденную фотографию, – понимаю, что это и есть Гаврилов. Гимнастёрка с двумя шпалами в петлицах подтверждает правильность догадки.

– Здравия желаю, товарищ майор!

– Мне доложили, что Вы прорвались к нам из Цитадели? – кивнув на моё приветствие, спросил Гаврилов.

– Вам не соврали, – дипломатично ответил я.

– Ваше имя, звание, номер части?

– Прежде, чем я начну отвечать на Ваши вопросы, – прошу дать команду посторонним покинуть помещение, – я показал головой на Костю, который стоял за моей спиной.

– Хм, – это что-то новенькое, – удивлённо покачал головой Гаврилов, садясь за стол.

– Информация, которой я располагаю, предназначена только для Вас.

– Даже так? Лично для меня?

– Совершенно верно. Поэтому, – говорить буду только с Вами. Прикажите бойцу выйти.

Вижу, что майор колеблется. Попробую аккуратно надавить, – главное, не переборщить.

– Я настаиваю на этом, – твёрдо глядя командиру Восточного форта в глаза, гну свою линию.

– Слышь, ты, настойчивый... – начал было за спиной Костя, но майор не дал ему закончить, оборвав того на полуслове:

– Вороненко!

– Я, товарищ командир!

Испытующе посмотрев на меня, Гаврилов, наконец, принял решение:

– Подожди за дверью.

– Так... Тащ майор...

– Выйди я сказал!

– Есть!

Дождавшись, пока за моей спиной хлопнет закрывшаяся дверь, удовлетворённо киваю:

– Спасибо за доверие, товарищ майор!

– Присаживайтесь, – указав на стул, предложил Гаврилов.

– Спасибо, не откажусь.

– Итак, – что же такого Вы хотите мне сообщить, что попросили убрать свидетелей? Я Вас слушаю, – Гаврилов положил руки на стол и с интересом уставился на меня.

– В то, что я сейчас скажу, возможно, будет сложно поверить, но я постараюсь быть убедительным.

– Я весь во внимании.

Если честно, что говорить, – абсолютно без понятия. Логичным показалось признаться в своём инновременном происхождении, причём сделать это так, чтобы майор Гаврилов мне поверил. Как этого добиться? Нужно рассказать ему что-то, о чём знать никто, кроме него, не мог. Поразить осведомлённостью, грубо говоря. К сожалению, о каких-либо фактах из жизни командира Восточного форта я не осведомлён, кроме, пожалуй, одного...

– Как Вы думаете: кто в Крепости, кроме меня и Вас, конечно, – может знать о том, что на сегодня, 27 июня 1941 года, дивизионной парткомиссией назначено слушание дела

командира 44-го стрелкового полка майора Гаврилова? Тема обсуждения, – тревожные настроения, распространяемые среди подчинённого личного состава.

Глаза майора сузились, он весь подался вперёд, сверля меня взглядом, и, наконец, процедил:

– Никто, кроме самой дивизионной парткомиссии. Вы что, – оттуда? Больно уж молодо выглядите для партийного работника!

– Нет, Пётр Михайлович, – берите ещё выше.

– Выше? – майор удивлённо поднял брови.

– Я – из будущего.

– Это что, – шутка?

– Было бы смешно, если бы не было так грустно. К сожалению, – это правда. Давайте попробую Вас в этом убедить.

– Да уж постарайтесь, – скептически ухмыльнулся Гаврилов, скрестив руки на груди.

– Я Вас умоляю, Пётр Михайлович: не смотрите на меня как на врага народа! Я не контужен, не умалишённый и, уж тем более, не Петросян.

– Вы знаете нашего завсклада?

– Это однофамилец, не обращайтесь внимания. Итак, давайте договоримся: я не буду рассказывать о таких вещах, о которых мог бы знать любой человек.

– В том числе, – немецкий шпион!

– Совершенно верно. Говорить буду о Вас, точнее, – о том, что Вы делали с 22 июня и по настоящее время.

– Почему именно с 22-го?

– Потому что именно на этот период времени сделан упор в Большой Советской Энциклопедии.

– В каком смысле?

– В смысле, – статья написана, по Вашим воспоминаниям.

Издания, если я не ошибаюсь, 1979 года. Это, кстати, и год моего рождения.

– Голова кругом! И что же там написано? – место скепсису уступил интерес. Это хорошо.

– Ну, процитировать я её не смогу, конечно, но, в общих чертах, суть изложу. Сразу после первых разрывов, Вы поняли, что началась война. В соседний дом угодил снаряд, посыпалась штукатурка, взрывной волной выбило оконные рамы. Успокоив больную жену и сына, – отправили их в подвал, а сами, одевшись, побежали в штаб полка на Центральный остров. Добравшись, Вы не обнаружили там ни секретных документов, ни знамени полка, – внутри полыхал пожар и, видимо, всё сгорело. Собрать своих подчинённых также не удалось, – от силы, их набралось человек двадцать. Пока верно излагаю?

Гаврилов утвердительно кивнул:

– Видимо, бойцы забились в подвалы и укрытия, переживая артобстрел.

– Были и такие, но основную массу, в том числе курсантов полковой школы, – уже увёл старший лейтенант Бытко, который добрался до расположения полка раньше Вас.

– Василий жив?! – вскинулся майор.

– Погиб вчера днём. Он вывел первую группу за пределы крепости, а потом вернулся за остальными, но во второй раз выйти с Цитадели уже не смог...

– Какой был командир! – горестно покачал головой Гаврилов.

– Удивительно, кстати, что Вы с ним не встретились тем утром, – ведь рядом находились.

– Да там темно ещё было, – с досадой хлопнул по столу Пётр Михайлович, – взрывы, дым, пожары... Народу-то много бежало, – пойди, разбери кто где?

– Собрав оставшихся бойцов, Вы повели их к расположению своего первого батальона, который располагался слева от Северных ворот. Там же и приступили к организации обороны вместе с командиром 18-го отдельного батальона связи капитаном Касаткиным. Правильно?

– Да, – вон он, спит, – буркнул Гаврилов, кивнув на койку.

– Скажите, Пётр Михайлович: а почему Вы не вывели остатки полка в район сосредоточения? Ведь защищать крепость не входило в задачу 44-го стрелкового?

– Сначала думал, что подтянутся мои, отставшие, из Цитадели... Потом, – ждали подхода наших... Ну, а затем, – стало поздно. Немцы блокировали Крепость и выйти уже было невозможно.

Честно говоря, я приготовился к тому, что буду долго и упорно доказывать майору о том, что я из будущего. Но Гав-

рилов, кажется, поверил мне почти сразу. Если не притворяется, конечно... Хотя, по поведению, – не похоже.

– Скажите, а вот это вот всё, – майор развёл руки в стороны, – надолго?

– Имеете в виду Восточный форт или войну в целом?

– И то, и другое.

– Война закончится нашей Победой, но ждать этого ещё долго: до мая 1945 года. А форт немцы возьмут через два дня: 29 июня.

– В сорок пятом???

– Да. Сейчас наша армия несёт колоссальные потери, в войсках хаос и неразбериха. Вы это могли прочувствовать на себе, когда бежали мимо мечущихся по Крепости бойцов и командиров. Помните? Вот, примерно, то же самое сейчас творится везде. Впрочем, это отдельная тема для разговора.

– Уму непостижимо... – Гаврилов обхватил голову руками, затем резко перегнулся через стол, глядя мне прямо в глаза:

– А что будет с моей семьёй? Они... Они...

– Всё будет хорошо, товарищ майор, – я поспешил его успокоить, – И у сына, и у жены. Вы встретитесь с ними после войны и будете жить вместе, долго и счастливо.

– Фух! – выдохнул Гаврилов, вновь опускаясь на стул.

– Скажу больше, – за оборону Восточного форта Вам будет присвоено звание Героя Советского Союза.

– А сам я... Когда? – вновь поднял на меня взгляд майор.

– Вы правда хотите знать дату своей смерти?

Гаврилов лишь пожал плечами. Что же, – я отлично его понимаю.

– Скажу так: Вам будет сильно за семьдесят.

– Успокоили, – хмыкнул он.

– Чем смог, как говорится.

– Ладно, раз про меня Вы всё знаете, – расскажите тогда о себе: кто Вы, как сюда попали? У вас, в будущем, – изобрели машину времени?

– К сожалению, такой машины пока нет, – покачал я головой, – а то, как очутился здесь, – для меня самого загадка. Там, в 2019-м году, решил померить старый китель времён прошедшей войны... Только одел, – и оказался вот в этом теле, в 1941 году.

– 2019 год? – изумился Гаврилов, – при коммунизме, наверное, живёте?

– Ага, почти. Ещё чуть-чуть, – и построим.

– Получается, Вам сорок лет? Ну, если год рождения 1979...

– Да, всё так и есть, мы с вами почти ровесники. Правда, в этом облике я выгляжу несколько моложе, но так мне нравится даже больше.

– А чьё это... тело?

– До моего в нём появления, – оно принадлежало немецкому солдату. Точнее, – австрийскому. Китель-то я тогда немецкий мерил!

– И в какой момент Вы в него вселились?

– Пару часов назад, – бодро соврал я. Что-то мне подсказывает, что ни к чему Гаврилову знать о моём фашистском прошлом.

– Что этот солдат делал? – с жадным любопытством продолжал засыпать меня вопросами майор.

– Службу нёс, – пожал я плечами, – стоял на посту в одном из домов комсостава.

– И как ты понял, что это именно тот год и вообще война? Ничего, что на «ты»? Кстати, я даже имени твоего не знаю...

– Иван я, фамилия, – Алексеев. Если представляться по всем правилам, – то Алексеев Иван Матвеевич, – пожал я протянутую руку.

– Майор Гаврилов, Пётр Михайлович, очень приятно.

– Так вот, Михалыч, – понял я всё практически сразу. Воспоминания немца никуда не делись, поэтому сориентироваться в обстановке было делом пяти минут. Самое интересное началось дальше...

Гаврилов никак не отреагировал на подобную фамильярность, из чего я сделал вывод, что возражений против такого обращения майор не имеет.

– Что началось? – заинтересованно наклонился поближе ко мне командир Восточного форта.

– Скажи мне сначала: где твой комиссар сейчас находится?

– Какой комиссар? Артамонов, что ли? – не понял вопроса

Гаврилов.

– Нет, не полковой, а местный, по фамилии Скрипник?

– Ах, этот, – протянул майор и махнул рукой, – А бес его знает, – мотается, должно быть, где-то.

– И я даже знаю где. В плен он сдался, два часа назад.

Мне показалось, что Гаврилов даже не удивился. Посмотрел на меня и лишь пожал плечами, сказав пока загадочную для меня фразу:

– Каждый спасается как может...

– Поразительное спокойствие!

– А что тут скажешь? – развёл руками майор, – этого следовало ожидать.

– Так вот, – я его встретил, там, – у домика. По полной форме, с планшетом. И нёс он немцам вот что...

С этими словами я нагнулся и вытащил из-за голенища сапога слегка потрепанный листок, который и развернул, подвинув к сразу изменившемуся в лице Гаврилову:

– Схема Восточного форта с пояснениями и списком вооружения. Полюбуйся!

Майор схватил аккуратно вычерченный план и поднёс поближе:

– Да, почерк его, – вне всяких сомнений...

– Кроме того, Скрипник похвалялся тем, что вывел из строя зенитный пулемёт. Не знаю, – правда это или нет, но я бы проверил...

– Вороненко! – багровея, гаркнул Гаврилов.

Дверь тут же распахнулась и в каземат ворвались пограничник вместе с одесситом. Судя по всему, они ожидали увидеть вражеского диверсанта, убивающего командира Восточного форта, потому что оружие держали готовым к стрельбе. Обнаружив нас, мирно сидящих за столом, – парни, кажется, даже немного расстроились.

– Пулей к зенитному «Максиму», – проверить и доложить его состояние!

– Будет сделано, тащ майор! – бодро отрапортовал Вороненко и скрылся в полумраке коридора.

– Силаев, – вернись на пост!

– Понял! – кивнув, пограничник вышел.

– Касаткин не проснётся от такой движухи? – с интересом глядя на даже не шелохнувшегося начальника штаба, поинтересовался я у Гаврилова.

– Нет, ему и артобстрел не помеха. Тут все такие, – устали в край...

– В общем, политрук Скрипник перешёл с твёрдым намерением максимально облегчить немцам штурм форта. Сейчас, скорее всего, его допрашивают, так что с утра день может начаться с сюрпризов, – предупреждаю майора.

– И что ты предлагаешь? – с затаённой надеждой в голосе интересуется у меня Гаврилов, – Как мы вышли из положения в той, твоей истории?

– Ну, самое главное, – утром нужно убрать из казематов детей и женщин. Мы-то, – ладно, у нас профессия такая, а

им погибать незачем.

– Куда убрать?

– Дать в руки белый флаг, – и пусть выходят.

– Немцы их постреляют!

– Немцы их не тронут, – помотал головой я, – наоборот.

подумают, что гарнизон решил сдаться. После появления женщин и детей, будут ждать нас. Пока ждут, – не стреляют. Раз не стреляют, – бойцы не гибнут. Правильно?

– В принципе, верно... Что ещё?

– А всё. Тут больше делать и нечего. То, как сейчас организована охрана и оборона, – лучше не придумаете. Остаётся только ждать.

– Чего ждать? Подхода Красной Армии? Манны небесной? Чего нам тут ждать?? – вскакивает из-за стола Гаврилов.

– Спокойнее, товарищ майор! Не нервничайте. Ждать нам здесь 29-го числа, – об этом я уже говорил.

Пометавшись по каземату, как тигр по клетке, Гаврилов, наконец, успокаивается и снова садится за стол напротив меня. Яростно растерев щёки руками, он спрашивает:

– Что произойдёт 29-го июня? Чем закончится наша оборона?

Ответить я не успеваю, – дверь распаивается и в каземат залетает запыхавшийся Вороненко, таща за собой какого-то бойца.

– Вот, товарищ майор! Привёл!

– Кто это?

– Этот скользкий тип, – пулемётчик. Захожу я к ним в каземат, а они установку четырёхствольную разобрали и сидят, лыбятся, – вредители! У, контра!

– Сам ты – контра, горлопан! – стряхнув с себя руку Вороненко, боец представляется:

– Рядовой Евстафьев, – второй номер зенитной пулемётной установки М4!

– Что там у вас произошло? Почему разобран пулемёт? – интересуется Гаврилов.

– На первом стволе пробит кожух, поэтому система охлаждения потеряла герметичность, – пытаемся починить.

– Когда обнаружили?

– Да с полчаса назад, примерно. Начали стрелять, – вроде как, немцы ползут, – а тут такое...

– И чем кожух повреждён? Осколком, пулей? – влезаю в разговор я.

– Нет, – обстрела-то ночью не было, да и дырочка маленькая... Вроде как, гвоздём пробили, – смущается Евстафьев.

– Вы от пулемёта отлучались?

– Нет, всё время при нём! Хотя...

– Ну, – договаривайте! – торопит бойца Гаврилов.

– Приходил к нам комиссар... Ну, политрук Скрипник, в смысле. Сказал, чтобы помогли коробки с лентами ребятам поднять снизу. Они там их патронами снаряжали. Ну, мы и пошли. Политрук у установки остался, – сказал, присмотрит.

А больше не уходили никуда...

– Ясно. Пулемёт почините?

– Постараемся, товарищ майор!

– Постарайтесь, Евстафьев, – надеюсь на вас. Установка нам нужна как воздух! Этот пулемёт, – сердце обороны! Идите!

– Есть! – чётко развернувшись через левое плечо, Евстафьев вышел.

– Вороненко, – свободен!

– Слушаюсь! – одессит прикрыл за собой дверь.

– Вот ссука! – грохнул кулаком по столу Гаврилов, как только подчинённые покинули каземат, – Это надо же быть такой тварью!

Я был солидарен с майором, но свою вспышку ярости уже реализовал, вмазав политруку прикладом. К тому же, за битый час беседы я изрядно продрог, сидя в одних трусах среди холодных кирпичных стен. Пора как-то приодеться. Послушав ещё немного виртуозные матюки Гаврилова, я нашёл паузу в его выступлении, и сказал:

– Михалыч, – мне бы одежонку какую, – пока я совсем не околел. У вас тут не жарко, однако.

– Что? Одежонку? – ещё не отойдя от гневного монолога, переспросил майор.

– Ну, форму мне какую-нибудь можно сообразить? Да и перед личным составом как-то легализоваться нужно, что ли. А то сижу тут, за панибрата, с целым майором, вопросы

задаю подчинённым... Я, кстати, в прошлой жизни старшим лейтенантом был... Напекаю как бы...

– Точно! Надо бы тебя приодеть, – извини, не догадался сразу! Ну, с формой у нас всё в порядке, – как-никак, складь под боком. Сейчас подберём. Старший лейтенант, говоришь... – задумчиво глядя на меня, потёр подбородок Гаврилов.

– Нет, по возрасту не подойдёшь. Лейтенант – максимум. Да и то, в удостоверении фотография должна быть, так что этот вариант отпадает. Вот что, Иван: будешь сержантом.

– Ну, хоть так... – пожал плечами я.

– Да не горюй: зато, – самым настоящим! Сейчас тебе и документ справим!

Майор шагнул к ящику из-под патронов, достал оттуда целую стопку каких-то бланков и печать. Я с интересом смотрел за его действиями. Гаврилов сел за стол, обмакнул ручку в чернильницу и начал писать. Закончив, помахал листком в воздухе, давая просохнуть чернилам, после чего дыхнул на печать и поставил отиск на бумаге. Полюбовавшись на дело рук своих, встал и торжественно вручил свежесозданный документ мне:

– Поздравляю с досрочным окончанием полковой школы младших командиров, товарищ сержант!

– Служу трудовому народу!

Брови майора удивлённо взлетели вверх. Внимательно посмотрев в мои честные глаза, он усмехнулся:

– Забудь эту фразу, потомок! Служат у нас сейчас исключительно Советскому Союзу!

Настала моя очередь удивляться:

– Как же так?! Я читал историю, что до 23 февраля 1943 года военнослужащие отвечали «Трудовому народу!», а «Советскому Союзу!» уже после этой даты...

– Не знаю, что там ты читал, и при чём здесь 43-й год, но познания твои неверны.

Глядя на мой озадаченный вид, Гаврилов снизошёл до объяснений:

– Вам, как младшему командиру, окончившему полковую школу, должно быть известно, что Приказом Народного Комиссара Обороны от 21 декабря 1937 года за номером 260, отменяется временный Устав 1924 года и вводится новый Устав внутренней службы, – УВС-37. А в нём есть глава 3: Приветствие в строю и вне строя. Пункт 31 данной главы гласит, что, если начальник благодарит, – то военнослужащий отвечает «Служу Советскому Союзу!» Ну что, запомнили, товарищ сержант?

– Так точно!

– Сейчас проверим! Благодарю за службу!

– Служу Советскому Союзу!

– Так-то лучше! Историк...

Хмыкнув, Гаврилов добавил:

– Ладно, давай, ознакамливайся пока с документом, а я на счёт формы распоряжусь. Вороненко!

Пока майор в дверях объяснял одесситу что и где из предметов обмундирования взять, я рассматривал выданную мне бумагу. Это был небольшой листок, примерно соответствующий нашему формату А5. Машинописный текст гласил, что это не просто бумажка, а Свидетельство об окончании полковой школы 44-го стрелкового полка. Всё честь по чести: выдано командованием 42-й стрелковой дивизии младшему командиру 4-й роты 44 с.п. тов. Алексееву И.М. в том, что он призван в ряды РККА в 1941 году в полкшколу. Окончил курс обучения полковой школы 20 июня 1941 года. Выдержав испытание в полковой комиссии на звание командира отделения по специальности «стрелок» с общей оценкой знаний «хорошо» и удостоен звания «сержант». Далее, – шли подписи: командир полка майор Гаврилов, комиссар полка батальонный комиссар Артамонов, начальник штаба капитан Ширяев и командир роты младший лейтенант Сгибнев. Судя по всему, Пётр Михайлович был мастер расписываться за подчинённых, – иного объяснения появления свежих подписей напротив вышеприведённых фамилий, у меня нет.

Впрочем, это не моё дело: главное, – я получил вполне правдоподобный документ, худо-бедно удостоверяющий личность. Если мне не изменяет память, то у рядового и младшего командного состава с этим были проблемы, особенно в начальный период войны. Этим активно пользовались немецкие диверсанты, – тот же «Бранденбург-800». Красноармейские книжки, вроде как, были, но далеко не у

всех. Моя, например, сторела вместе со штабом. Так, при случае, и скажу. И, – попробуй, докажи, что это не так.

Тем временем, Гаврилов закончил инструктаж одессита и, отправив того за формой, вернулся за стол.

– Ну как, – ознакомился уже? – кивнув на свидетельство, поинтересовался майор.

– Да, просветился. Даже не верится, что эта бумажка, – официальный документ...

– Самый что ни на есть, – не сомневайся. Другого, извини, предоставить не могу.

– Да я понимаю... И за это свидетельство, – большое спасибо!

– Чем богаты! – улыбнулся Гаврилов и тут же сменил тему разговора:

– Зенитный пулемёт меня беспокоит, – смогут восстановить, как думаешь? Или, может быть, точно знаешь? – пытливо посмотрел на меня майор.

– Знаю. Не смогут.

– Вот бл...! – в сердцах хлопнул по столу Гаврилов.

– Но, кое-что всё-таки сделают, – поспешил подсластить пилюлю я, – Судя по тому, что помню, – бойцы снимут один ствол, и из него будут вести огонь. Так что, не всё так печально.

– Ну, хоть что-то...

В дверь постучали, – это вернулся Вороненко, который принёс обмундирование. Поскольку своих размеров я не

знал, а одессит, – и подавно, то взял он форму «на выпуклый военно-морской глаз». Как ни странно, – глаз оказался довольно зорким, потому что гимнастёрка и галифе пришлось впору. Отпустив Вороненко, Гаврилов удовлетворённо оглядел меня:

– Как по тебе шито! Вот, держи: – с этими словами, он протянул фуражку, в которой лежали маленькие, эмалированные треугольники, – Прикрепишь сам.

Пока я, достав из ножен немецкий штык, дырявил петлицы, майор вернулся к вопросу, ответ на который я дать не успел из-за так внезапно ворвавшегося одессита:

– Так, чем там закончится наша оборона 29-го числа?

– Немцы сбросят на форт бомбу, в результате чего сведет склад боезапаса. После этого, – выживших возьмут в плен.

– Бомбу? Что это за бомба, способная пробить толщу вала? – с недоверием спросил Гаврилов.

– Да есть у них одна... 1800 кг весом.

– Сколько???

– Да, почти двухтонная, – подтвердил я, – командир штурмующего нас полка, полковник Йон, – завтра с утра поедет в Тересполь, договариваться на этот счёт с авиацией.

– Мда... – протянул майор, – дела... И меня тоже, после бомбы... Ну, в плен возьмут?

– Тебя – нет, – увлечённо ковыряя петлицу, пробормотал я.

– То есть, – как? – опешил Гаврилов, – Всех возьмут, а меня нет?

– Ну, не всех... Далеко не всех. Мы спрячемся.

– Куда же тут можно спрятаться? – искренне удивился майор.

– В моей истории, гарнизон готовил прорыв, копая проходы из казематов в толщу вала. Есть такое? – оторвавшись от своего увлекательного занятия, поинтересовался я.

– Да, как раз сегодня днём хотели попробовать, – эффект неожиданности использовать... – растерянно признался Гаврилов.

– Не стоит. Попытка не удастся, и только зря положите людей.

– Значит, всё напрасно...

– Ну, а ты что думал? Форт окружён со всех сторон. Кругом немецкие солдаты, пулемёты, миномёты, огонь артиллерии по запросу, – шансов выйти никаких. Тем более, – днём.

– До 29-го июня ещё два дня. Что будут делать немцы? Опять пытаться штурмовать?

– Как такового, – штурма больше не будет. Сегодня с утра подойдут танки и начнут стрелять по казематам. Так что, лишних бойцов нужно от амбразур убрать.

– Танки?

– Да, пара французских «Сомуа» и трофейные Т-38. Калибр там ни о чём, поэтому толку не будет. Правда, немцы восстановили самоходку свою, 75-мм, но она тоже ничего не

решит.

– Твоими бы устами, – да мёд пить.

– Не веришь? – обиделся я.

– Если бы не верил, – то лежал бы ты сейчас в воронке и остывал.

– Вот и хорошо. Слушай, а этот одессит, – Вороненко, – он у тебя тут кто? Ординарец?

– Да нет, так... Просто активный боец, на кого можно положиться. Настроение у гарнизона, – сам понимаешь...

– Знаешь, я тут в кино одном видел... В своём времени, понятное дело, – у вас рация была и вы пытались связаться с нашими.

– Рация есть, – спасибо Константину Фёдоровичу, – он же командир батальона связи.

– И как? Удалось?

– Нет. Сначала, вроде как, вышли на каких-то лётчиков, потом, – тишина.

– Ну да, – отошли войска далеко уже...

– К Кобрину, что ли? – с недоверием глянул на меня майор.

– Ха! Какой Кобрин? Завтра немцы Минск возьмут!

– Как Минск? – опешил Гаврилов.

– Да вот так! Отступает армия. Так что, твой форт ещё хорошо сражается.

– Иван, а как далеко они продвинулись? Я немцев имею в виду.

– Под Москвой остановим.

– А Киев? Ленинград?

– Киев в сентябре оставят, а в Ленинград фашисты так и не войдут. Окружат, город будет в блокаде до 1944, но врагу так и не покорится.

– Уму непостижимо... – Гаврилов растерян.

– Сам в шоке. Война будет долгой, на уничтожение.

В дверь опять постучали: рядовой Евстафьев доложил, что восстановить зенитную пулемётную установку не удалось, поэтому они сняли один пригодный для стрельбы ствол и воевать будут с ним. Для меня это новостью не стало, а вот Гаврилов, похоже, всё-таки рассчитывал на другой исход дела.

– Ладно, Михалыч, – пойду я пробегусь по казематам, ознакомлюсь с положением дел, да и воды вон, раненым отнесу, – сказал я майору, кивая на свой ремень, что лежал на столе, – Если ты не возражаешь, конечно.

– Вода, – это хорошо. С тобой пойду. Заодно, – женщин подготовлю к выходу, – поднялся из-за стола Гаврилов.

– Как скажешь, – подпоясываясь, ответил я.

Мы вышли из штабного каземата. Сидевшие в коридоре пограничник и одессит сразу вскочили на ноги.

– Силаев, – я на обход позиций; если проснётся Касаткин, – скажешь, чтобы ждал здесь. Вороненко, – вернитесь в дозор, всё в порядке, – это мой сержант, из полковой школы. Зовут, – Иваном, фамилия, – Алексеев. Знакомьтесь.

– Андрей, – коротко представился пограничник.

– Иван, – пожимая протянутую ладонь, откликнулся я.

– Костя, – подмигнул одессит.

– Всё, пошли, – поторопил меня Гаврилов, – покажу наше хозяйство.

Глава 2

Вороненко убежал в темноту, мы же с майором, чуть погодя, двинулись в противоположную сторону. Идя по коридору, Гаврилов кратко давал характеристику казематов. В этой части форта, с левой стороны от штаба, в основном располагались помещения личного состава. Единственное исключение, – склад боеприпасов, который находился через два отсека от штаба. Казематы не были приспособлены к размещению людей, так как до войны использовались как конюшни. Лошадей отпустили всего несколько дней назад, ибо кормить и поить их было нечем.

Красноармейцы, укутанные в шинели, располагались прямо на полу, тесно прижавшись друг к другу. Все они, кроме дежурной смены, спали. Пройдя до конца внешнего вала, мы вернулись немного назад, и майор свернул в потерну, ведущую ко второй, внутренней, подкове укрепления. Эта часть форта представляла из себя двухэтажный кирпичный каземат, также вмурованный в толщу земли. Именно его я видел из воронки. На первом этаже располагалась команда по набивке лент для зенитной установки, – человек тридцать. Часть бойцов отдыхала, дозорные бодрились у бойниц. Дальше мы не пошли: как объяснил Гаврилов, – на этаже находится множество различных помещений и все их обходить, – смысла нет. В этих казематах располагался 393-й Отдельный

Зенитно-Артиллерийский Дивизион, поэтому сейчас гарнизон внутреннего вала состоит, в основном, из бойцов этой части.

Поднявшись по лестнице наверх, нашему взору предстал и сам пулемёт, выведенный из строя Скрипником. На высокой тумбе стояла зенитная установка М4, ещё до недавнего времени четырёхствольная. Вживую такую штуку я вижу в первый раз. Она находилась в глубине отсека, как раз напротив широкого окна, выходявшего во внутренний двор. Позиция, – идеальная. Любого, попытавшегося приблизиться, пулемёты буквально сметали огнём. Жаль, что я не застал её в работе, но количество трупов перед фортом говорило само за себя: прорваться во двор не удалось никому. В соседнем помещении находился пулемётный расчёт: уже знакомый Евстафьев и неизвестный боец-пограничник. Они установили ствол на станок и были готовы встречать огнём врага. Сектор обстрела отсюда был не намного меньше того, что закрывала до этого установка за стеной. Получив от расчёта уверения в том, что собранный ими пулемёт вполне исправен, – мы вновь спустились на первый этаж и нырнули во вторую потерну.

Она привела нас точно к лазарету. Тяжёлый запах крови ударил в нос. Крики и стоны здесь не прекращаются ни на секунду. У входа, прикорнув на столе, спала коротко стриженная женщина – военфельдшер. Мы остановились напротив неё. Я расстегнул ремень и стал отцеплять фляги с водой.

Видимо, почувствовав какое-то движение, женщина открыла глаза и вскочила на ноги, увидев Гаврилова:

– Товарищ командир...

– Сидите, – мягко положив руку ей на плечо, произнёс майор.

– Вот вода, для раненых... Возьмите, Раиса... Не знаю Вашего отчества, к сожалению, – выкладывая фляги на стол, пробормотал я.

– Ивановна, – чуть помедлив, удивлённо глядя на меня, произнесла Абакумова.

– Раиса Ивановна, – берите.

– Как они? – негромко спросил Гаврилов.

– Ох, товарищ майор... Ночью умерли ещё четверо... Мы делаем всё, что в наших силах, но...

– Я знаю и Вас ни в чём не виню, – поспешно заверил военфельдшера командир форта, – без Вашей помощи многие бы вообще не выжили.

– Они умирают у меня на руках... И я бессильна... – на глазах её выступили слёзы.

– Держитесь, – скоро всё закончится.

– Подходят наши?! – радостно встрепенулась Абакумова, – Вы что-то знаете?

– Красная Армия спешит нам на выручку, – проклиная Гаврилова за такое неуклюжее желание успокоить женщину, встречаю я, – больше, увы, сказать пока не можем.

– Идите к раненым, – нашёлся, наконец, майор.

– Да, конечно... – засуетилась военфельдшер, прижимая к груди фляги с водой.

Незаметно подталкивая Гаврилова к выходу, киваю на прощание этой замечательной женщине.

– Михалыч, ты что плетёшь? – свистящим шёпотом возмущаюсь я, как только мы оказываемся в коридоре, – Кто тебя за язык тянет?

– Да ты и сам хорош! Красная Армия спешит на выручку! – передразнивает меня майор.

– А что я должен был сказать? Что послезавтра половину из нас похоронит под обломками, а остальных возьмут в плен?

– Ну, не знаю...

– Иногда, лучше жевать, чем говорить, – вспоминаю рекламу из будущего.

– В каком смысле?

– В прямом! Лишнего не болтай!

– Ладно, признаюсь, – погорячился. Доволен?

– Закрыли тему. Куда дальше?

– Пошли теперь к женщинам, – вперёд, по коридору.

Честно говоря, я думал, что ничего более тягостного, чем стоны и крики раненых, уже не увижу. Увидел.

В каземате, где располагались женщины и дети, на полу стояла одинокая лампа. Света она давала немного, но разглядеть находящихся здесь людей позволяла. Шинели, гимнастёрки, одеяла, – видимо, бойцы стащили сюда почти всё,

чтобы хоть как-то защитит от подземной сырости обитателей этих отсеков. Везде, куда падал взгляд, лежали и сидели женщины, прижимая к себе детей. Многие спали, остальные с неммым ожиданием смотрели на нас. Меня поразила царящая здесь тишина: ни плача, ни криков. Даже малыши, – и те молчали. К нам, баюкая на руках грудничка, подошла совсем молодая девушка:

– Вот, товарищ командир, Олечка моя, – всё есть просила, кричала, а теперь не просит. Видать, от голода сознание потеряла.

Взглянув на застывшее личико её ребёнка, я с ужасом понял, что дочь этой женщины мертва.

– Ничего, солнышко, вот прогоним немца, покушаем, и опять у мамы молочко появится. Подожди ещё чуть-чуть, ладно? Ненаглядная моя, кровиночка, потерпи... – прижимая свёрток к себе, ласково продолжала ворковать девушка.

В накинутаой на плечи шинели, к ней подошла пожилая женщина, поправляя выбившуюся из-под косынки седую прядь волос. Приобняв девушку за плечи, она тихо сказала:

– Лидочка, – она умерла, голубушка, – не мучай себя, положи ребёнка.

– Ну что Вы, Клавдия Ивановна, такое говорите? Олечка просто уснула и скоро проснётся.

– И так, – со вчерашнего вечера, – горестно произнесла женщина, обращаясь к Гаврилову.

Я посмотрел на майора, – его лицо окаменело, он невидя-

щим взглядом смотрел в пустоту.

– Мама, а мы тоже умрём? – вдруг раздался детский голос из темноты.

– Ну что ты, сынок, – конечно, нет! – поспешила успокоить своего ребёнка мать, – Скоро вернётся наш папа и освободит нас.

– А Вася у тёти Нади лежит весь холодный и больше не встаёт, – он что, – заболел?

– Вася? Не знаю... Наверное...

– Дяденька командир, а где мой папа? – ко мне подошла маленькая, лет пяти, девочка.

Я, честно говоря, растерялся и даже не сразу сообразил что ответить. Она, тем не менее, доверчиво глядя на меня, продолжала:

– Мама говорит, что он сражается здесь. Тогда почему он не приходит к нам? Он, что ли, занят?

– А как у твоего папы фамилия? – наконец, нашёлся я.

– Лейтенант Яковлев.

Опустившись на корточки, ответил серьёзному маленькому человечку:

– Ты знаешь, я здесь боец новый, – только сегодня ночью пришёл. Поэтому, извини, но папу твоего пока не встречал. Думаю, он действительно занят, раз не приходит. Но ты не беспокойся, – когда встречу твоего отца, – обязательно передам, чтобы зашёл. Договорились?

– Хорошо. А ты не забудешь?

– Ну что ты! Обещаю!

– И не дашь немцам нас убить? Мама говорит, что они хотят, чтобы мы умерли.

– Нет! Больше никто из вас не умрёт! – вставая, горячо заверил я девочку.

Гаврилов, наконец, вспомнил зачем мы здесь:

– Товарищи женщины! Командование считает, что далее вам здесь находиться нельзя. Мы... Мы, к сожалению, не в силах обеспечить вам защиту... Поэтому, утром вы покинете форт.

Новость потрясла обитателей каземата: женщины зашумели, сразу заплакали дети.

– Да как же мы вас оставим? – всплеснула руками Клавдия Ивановна, – В плен, значица, сдаваться? Вы – здесь, а нам, – к германцу идти?

– А кто за ранеными будет ухаживать? Да как мы мужей бросим? Немцы нас расстреляют! – понеслись выкрики со всех сторон.

– Тихо! – рявкнул Гаврилов, – Прекратить базар!

Шум не сразу, но стих.

– Разрешаю остаться только тем, кто состоит на службе и имеет воинские звания! Остальные уйдут. Это приказ и он не обсуждается! – повысил голос майор, пресекая возникший было снова ропот, – Ваша главная задача, – спасти детей. Здесь, в форту, их ждёт неминуемая гибель. Да и нам будет легче сражаться, зная, что вы в безопасности. Сейчас, – пять

утра. На сборы и прощание, – даю два часа. В семь, – выход. Готовьтесь.

Женщины снова загомонили, окружив нас с Гавриловым. Майор ещё раз объяснил, что их с детьми выход, – дело решённое. Кому уходить и кому оставаться, – решит ответственный за эвакуацию, который вскоре сюда прибудет. С огромным трудом вырвавшись из гудящего, как улей, каземата, мы направились к штабу.

– Та девочка... Она говорила, что её отец, – лейтенант Яковлев, кажется. Ты не знаешь где он?

– Погиб во время попытки прорыва, несколько дней назад. Жене-то сказали, а та, видимо, дочери сообщить правду не смогла...

По-прежнему дежуривший у двери Силаев, доложил, что всё в порядке, без происшествий. Гаврилов кивнул и шагнул внутрь: Касаткин ещё спал. Майор подошёл к столу с телефонами и крутанул ручку одного из них:

– Дежурный? Командира роты ко мне через 15 минут.

Те же действия он повторил и с другими двумя телефонами, вызывая ротных в штаб.

– Удобно, – кивнул я на аппараты, когда Гаврилов закончил говорить.

– Связь своё дело знает, – кивнул он на спящего капитана, – провели линии в три каземата, на большее проводов не хватило. Два в концах внешнего вала и один, – на первый этаж внутреннего.

– Вот что я подумал, товарищ майор: определи-ка ты меня на какой-нибудь участок обороны.

– Ну, уж нет! – запротестовал Гаврилов, – Чтобы я человека из будущего под пули да осколки подставлял? Да ты знаешь, что твоя голова бесценна? И не только для меня, – для всей страны! Случись что с тобой, – я себе этого никогда не прощу!

– И что же ты предлагаешь?

– При мне будешь находиться. Ординарцем. Как раз и объяснение отличное тому, что сидишь тут, разговоры разные слушаешь.

– Так у тебя уже есть, – вон, за дверью сидит, с СВТ.

– Ты про Силаева? Нет: пограничник, – моя охрана.

– А есть от кого?

– Да были тут... Приписники-западники...

– О как! И здесь, значит, вредят.

– Ну да, бывало. Сам понимаешь, – бойцы у нас разные, а проверить каждого из почти полтысячи человек, – дело хлопотное.

– Некогда и некому, значит, было.

– В точку.

– Кто тем отсеком командовал, где зенитный пулемёт стоял?

– Вообще, там Домиенко распоряжается. Конкретно за пулемёт отвечал Скрипник.

– Кто такой Домиенко?

– Лейтенант, – командир роты. Он здесь был начальником связи дивизиона, толковый командир.

– Кого на замену Скрипника планируешь?

– Пока не думал, – потёр лоб Гаврилов, – сейчас Домиенко оттуда придёт, – определимся. Взводного, наверно, какого потолковее.

– Ставь меня. Ну, порекомендуй, в смысле.

– Опять за своё?

– Рано мне пока твоим ординарцем становиться, – вопросов много ненужных будет. Откуда взялся, кто такой, почему именно он?

– С нашей школы полковой, – скажу, – отличный парень, грамотный сержант!

– Да у тебя тут куча народу из этой самой школы и твоего полка! И, кого ни спроси, – никто этого «грамотного сержанта» не знает. Ничего не смущает, Михалыч?

– А мы не будем объявления расклеивать по всему форту! Здесь знаешь сколько народу? Бойцы, в лучшем случае, только своего командира да соседа по каземату знают, – и всё! Половина из них даже фамилии моей не назовут! Так что, вот тебе моё командирское решение: назначаешься ординарцем, и это не обсуждается!

– Ладно, убедил, – нехотя признал я правоту майора.

– Вот так-то лучше, товарищ сержант. Давай, буди капитана, – сейчас командиры соберутся.

Только я тронул Касаткина за плечо, как он тут же открыл

глаза, – будто и не спал.

– Ты кто?

– Сержант Алексеев!

– Откуда взялся?

– Пока ты спал, Константин Фёдорович, я себе ординарца взял. Вставай, совещаться будем.

Начальник штаба поднялся, с хрустом потянулся и, взяв лежащий у изголовья кровати планшет, пересел за стол. Вытащив карандаш и несколько листов бумаги, Касаткин приготовился писать:

– Что там у нас, товарищ майор, опять случилось?

– Женщин хочу из форта вывести, да информацию кое-какую обсудить...

– Давно пора, – одобрительно кивнул капитан, – А что за информация?

– Сержант, вон, пробился с Цитадели, – майор кивнул на меня, – А по пути впечатлений набрался. Вот и расскажет, а мы послушаем.

– О! Давно новостей не было, – сидим тут, в окружении...

– Иван, – почисти пока оружие, займись делом, – скомандовал Гаврилов, протягивая мне свой ТТ, и кивая на ящик из-под патронов, – ветошь и масло там.

Взяв пистолет, я расположился за дальним столом, отодвинув мешающие телефоны. Повезло, что именно это оружие было в моей коллекции и разбирать его, – дело привычное, а то «грамотный сержант» сел бы в лужу, поручи ему

майор почистить вот этот, лежащий рядом, ППД, например. Да уж, нужно как-то восполнять этот пробел в образовании. И уставов бы местных неплохо почитать, – пригодится, для общего развития.

Глава 3

В каземат, тем временем, начали прибывать вызванные Гавриловым командиры рот. Первым появился маленький, низенький лейтенант, своим телосложением здорово напоминающий колобка, туго перетянутого ремнями портупей. Несмотря на подобное сходство, держался он солидно и уверенно, хотя был ещё довольно молод.

– Здравия желаю! – коротко козырнув, бросил лейтенант.

– Здравствуйте, товарищ Коломиец! – ответил на приветствие майор, – Присаживайтесь. Как прошла ночь?

– В общем и целом без замечаний, товарищ командир. За исключением одного неприятного происшествия. Дозорные доложили, что встретили перед внешним валом человека, якобы нашего, с Центрального острова. Однако, отвели его сразу к Вам, в штаб, а не ко мне в каземат, как положено. Таким образом, командир дозора «прыгнул через голову» своих непосредственных начальников, за что и понесёт заслуженное наказание.

– Я так понимаю, – речь идёт о Вороненко?

– Точно так, товарищ майор. Вроде бы, боец лихой, но с дисциплиной... – лейтенант покачал головой.

Скрипнула дверь и в помещение штаба зашёл ещё один командир, – полная противоположность Коломийца. Высокий, худой, черноволосый лейтенант с эмблемой связиста

в петлицах. Вид он имел слегка помятый, но голосом был бодр:

– Прошу разрешения, здравия желаю! – практически без паузы произнёс лейтенант, заходя внутрь.

– Здравия желаю, товарищ Домиенко! Присаживайтесь, – кивнул на свободный стул Гаврилов.

Ага, значит вот он какой, – командир внутренней «подковы», где располагался зенитный пулемёт.

Не успел лейтенант воспользоваться приглашением, как в каземат вошёл энергичный, подтянутый кавказец с аккуратной щёткой чёрных как смоль усов. Вскинув руку к фуражке, он чётко доложил:

– Товарищ майор! Командир второй сводной роты лейтенант Зульфугаров по Вашему приказанию прибыл!

– Присаживайтесь, лейтенант.

Оглядев подчинённых, Гаврилов сообщил им о решении вывести утром женщин и детей из форта. Возражений этот шаг ни у кого не вызвал, – Коломиец вон вообще, оказывается, давно хотел то же самое предложить. Ну, раз хотел, – то и назначается ответственным за организацию процесса. Инициатива любила инициатора ещё с сороковых годов, оказывается. Следующими темами, затронутыми на совещании, были самовольный уход к немцам политрука Скрипника и выход из строя четырёхствольного зенитного пулемёта. Гаврилов не стал связывать одно с другим, просто попросив командиров усилить контроль за подчинённым личным состава

вом:

– Хотят сдать, – пусть сдаются, в спины стрелять не будем.

– Да как же так, товарищ майор? Трусов нужно карать! Перед строем! По законам военного времени! – взвился, сидящий до этого спокойно, Зульфугаров.

– Им дай волю, – разбежится наше воинство, – поддержал его Коломиец.

– И что же это за войско такое, которое только под страхом смертной казни можно заставить сражаться, товарищи лейтенанты? – обвёл взглядом сидящих перед ним командиров майор, – Получается, все красноармейцы спят и видят, – как бы в плен сдать?

– Зачем так говорить, товарищ майор! Конечно, не все в плен хотят, но разговоры идут: там, сям, шепчутся... – покрутил кистью Зульфугаров.

– Да, дисциплина понемногу ослабевает, – согласился Домиенко, – многие бойцы не верят, что на выручку придут наши и задумываются о целесообразности дальнейшего сопротивления.

– Вы нам скажите, товарищ майор, – долго ещё здесь сидеть? Какая обстановка вокруг? Что нам людям говорить? – интересуется Коломиец.

– Стрельба с Центрального острова прекратилась, – плохой признак, – покачал головой Зульфугаров.

– Кстати, а что Вам рассказал тот человек, что ночью в

форт пробрался? Вороненко сообщил, что это, – Ваш сержант, из полковой школы, – задал вопрос Коломиец.

Головы присутствующих, как по команде, повернулись в мою сторону.

– Да, это мой сержант, – подтвердил Гаврилов, – ночью ему удалось пробраться в форт, через немецкие посты. Я вас всех и собрал здесь, в том числе для того, чтобы слышали про обстановку в крепости из первых, так сказать, уст. Подойди сюда, Иван!

Отложив недособранный ТТ майора, я подошёл к Гаврилову.

– Вот, знакомьтесь: сержант Иван Алексеев, мой ординарец. Запомните его в лицо. Все указания и распоряжения, которые я буду вам через него передавать, – прошу выполнять в точности. Рассказывай! – кивнул он мне.

Прочистив горло, начинаю говорить:

– С утра 22-го июня и по сегодняшнюю ночь, я сражался на Центральном острове...

Конечно, собравшимся командирам вовсе не обязательно было знать, что боевые действия сержант Алексеев вёл в составе немецкой штурмовой группы. Поэтому, в рассказ пришлось внести небольшие коррективы. Мол, держал оборону рядом с клубом, в здании Инженерного управления. Поэтому, – всё видел и всё знаю, кроме западного участка Цитадели. О ходе боевых действий там, – имею представление только со слов пробившихся из того района бойцов и команди-

ров. В общих чертах, рассказал про оборону Центрального острова, безуспешных попытках прорыва из окружения, артиллерийских обстрелах, жажде. Закончил своё повествование подрывом немецкими сапёрами здания 33-го инженерного полка, в результате которого был уничтожен последний организованный узел обороны в Цитадели.

– Случилось это около двух часов дня, 26 июня, – «вспоминал» я, стоя перед затаившими дыхание и не сводившими с меня глаз командирами, – раздался мощный взрыв и стена казармы рухнула, превратившись в груды кирпичей. Как только осела пыль, – немцы устремились к развалинам. Оттуда уже никто не стрелял. . . Я видел, как солдаты извлекали из-под обломков наших бойцов: контуженных, раненых. Самому мне удалось спрятаться в здании напротив, – в одном из полуразрушенных подвалов Инженерного управления, и увидеть этот последний бой защитников Центрального острова. Потом, – скрывался среди развалин до темноты, после чего решил пробираться на выход из крепости. Для этого, – снял с убитого немца форму. Думал, – может, за своего сойду. Переплыл Мухавец в створе разрыва кольцевых казарм, но выйти вдоль реки просто так не получилось, – там расположились немецкие войска. Несмотря на то, что на мне была их форма, – решимости открыто выйти в себе не нашёл, в последний момент испугался. Хотел пройти до Восточных ворот, вдоль вала, – но, на самом гребне и перед ним, также находился враг. Поняв, что покинуть крепость здесь не удаст-

ся, пополз обратно, вдоль Мухавца. Добрался почти до моста у Трёхарочных ворот и там пересёк дорогу, следуя к домам комсостава. Двигался осторожно, поэтому немцев услышал первым. Они смеялись и курили в одном из домов. Немецкий я знаю неплохо, поэтому из их разговора понял, что сегодня днём из Бреста должны подойти танки и навсегда покончить с русскими в форту.

– Танки? – удивлённо переспросил Касаткин, переглянувшись с командирами рот.

– Да, танки. Плюс, у немцев за домами стоит самоходное орудие. Не сомневаюсь, что оно тоже будет участвовать. Не думаю, что нам стоит их бояться, – калибр для пробития стен маловат.

– Гранатами закидаем! – хищно оскалился Зульфугаров.

– Вряд ли они предоставят такую возможность, – ответил я лейтенанту, – Расстреливать форт можно и с расстояния, не подходя для этого в упор.

– Это мы потом обсудим, товарищи! Давайте послушаем, что было дальше! – не выдержал Коломиец.

– Дальше... – собираясь с мыслями, почесал затылок, – дальше я долго не мог понять, – о каком форте они говорят? Пока не увидел ярко освещаемые ракетами подковообразные валы. Похоже, что эти сооружения немцы и называли Восточным фортом. Также, из их разговоров, я узнал, что русские окружены со всех сторон. Поняв, что выбраться этой ночью за пределы Крепости мне не удастся, я решил проби-

раться к вам, сюда. Предупредить о танковой атаке, ну и продолжать бить врага. Аккуратно обойдя беседующих немцев, вышел к крайнему, у аллеи, дому и пополз к валам. На подходах к форту меня окликнули дозорные, и я оказался здесь. Вот, в принципе, и всё.

– И как дозорные отреагировали на немецкую форму? – поинтересовался Домиенко.

– К тому моменту он был уже без неё, – ответил ему Коломиец, – видимо, снял по дороге. Так было дело, товарищ сержант?

– Да, я её скинул в воронке, – подтвердил я, – оставив лишь ремень и сапоги.

– Вы уверены, что немцы уничтожили всех защитников? – прямо глядя мне в глаза, задал вопрос капитан Касаткин.

– Об этом разговора не было, – я выдержал его взгляд, – в казематах и подвалах наверняка ещё скрываются бойцы и командиры. Много где на территории Крепости раздаются одиночные выстрелы. Но, судя по тому, что я за это время видел и слышал, – Восточный форт является последним очагом организованного сопротивления в Крепости. Именно организованного.

– Если Вы незаметно смогли пробраться к нам, то и мы сможем тем же путём, по-одному или мелкими группами, выйти отсюда, – начал Зульфугаров, – сосредоточиться в домах комсостава и, ударив вдоль Мухавца, прорваться из Крепости!

– Сомневаюсь в успехе этого мероприятия. Мне просто повезло. Скрытно вывести за ночь, под светом ракет, почти полтысячи человек с оружием и боеприпасами, – нереально, – покачал головой я.

– Так что же нам теперь, – вечно здесь сидеть? – в негодовании вскочил на ноги лейтенант.

– Сколько нужно, – столько и будем сидеть! – хлопнул ладонью по столу, вставая, Гаврилов, – Или, вы думаете, – напрасно погибаем? Посмотрите, – сколько войск немцы держат вокруг нас! Мы сковываем вражеские силы! Притягиваем их! Сегодня сюда придут танки, и это значит, что где-то там, где сейчас сражается в тяжелейших боях наша Красная Армия, – этих танков не будет! Батальона или даже полка, что нас окружил, – тоже там не будет! Донесите эту простую мысль до каждого своего бойца! Пока мы живы, – обязаны драться! Держаться до последнего!

Командиры тоже поднялись со своих мест и стояли навывтяжку, слушая слова майора.

– Итак, решили: через час, – отправляем женщин и детей. Желаящие проститься, – время ещё есть. Попытки прорыва с этого момента, – прекратить. С бойцами провести разъяснительную беседу о том, что наше нахождение здесь не напрасно. Домиенко, – назначьте вместо Скрипника на второй этаж, к пулемёту, толкового командира. Касаткин, – обеспечьте вместе с Коломийцем сборы женщин. По готовности, – доложить. Вопросы? Всем всё понятно? В таком

случае, больше никого не задерживаю.

Командиры вышли, и мы остались с Гавриловым одни. Посмотрев на меня, майор спросил:

– Может, не стоило говорить о прекращении попыток прорыва? Всё-таки, лишая их последней надежды вырваться отсюда, оставив на выбор смерть или плен... Боюсь, что многие пойдут по лёгкому пути...

– Всё правильно сказал, Пётр Михайлович, – прорыв обречён на неудачу и лишние человеческие жертвы. А плен, – это ещё не значит прекращение борьбы. После того, как немцы скинут свою двухтонную бомбу, – из защитников форта в живых останется больше четырёхсот человек. К немцам в лапы попадут около трёхсот восьмидесяти, если мне не изменяет память. Остальные будут сражаться в развалинах Крепости или уйдут из неё на соединение с нашими войсками, на восток. Так что, как видишь, малодушных окажется совсем немного. Я имею в виду тех, кто сдастся до 29-го июня.

– В какую категорию попаду я?

– Собрав остатки защитников, ты будешь воевать здесь до двадцатых чисел июля. К тому моменту вас останется совсем мало и ты прикажешь выходить из Крепости поодиночке, кто как сможет. В результате, будешь обнаружен немцами в одном из казематов горжевого вала между Северо-Западными и Северными воротами. Там же примешь свой последний бой, отстреливаясь из ТТ и маузера. Кстати, где этот раритет?

– Хм, всё-то ты знаешь, – хмыкнул майор, подходя к кровати и доставая из-под подушки символ революции, – немецкий пистолет «Маузер К96» в деревянной кобуре.

– Откуда он у тебя?

– Подарок комбрига, за борьбу с бандитами на Кавказе, – протягивая мне кобуру, ответил Гаврилов.

– Хорошая вещь, – оценил я, извлекая оружие.

– Одна беда, – патроны тяжело достать...

– Ничего, у немцев разживёшься.

– Да уж постараюсь, – рассмеялся майор.

– Кстати, Михалыч: научи меня с оружием обращаться! Я, из всего стрелкового многообразия, могу только ТТ разобрать-собрать, а вот остальное...

– Ты серьёзно? – брови Гаврилова удивлённо взлетели вверх, – даже «мосинку» не знаешь?

– «Даже»! – передразнил я его, – В моём будущем личное стрелковое оружие ограничивается одной-единственной системой: автоматом Калашникова. Уж его-то я знаю! А у вас тут, – простор для изучения: «мосинка», ППД, ППШ, ППС, СВТ, АВС и так далее! Плюс пулемёты и пистолеты... А что же я за сержант, если не смогу показать бойцу как винтовку разобрать? Плюс уставы ваши... Там я вообще, – ни ухом, ни рылом!

Чем больше я говорил, тем сильнее мрачнел Гаврилов.

– Нет, ну а что ты думал? – глядя на его постное лицо, развёл руки в стороны, – Что я специально готовился к за-

броске в прошлое и изучал устройство вооружения да организацию войск? Скажу тебе больше: я вон, военфельдшера от лейтенанта или какого-нибудь воентехника 1-го ранга не отличу!

– Второго.

– Что второго?

– Лейтенант – это воентехник второго ранга.

– Во! Сам чёрт ногу сломит! Кубика в петлицах два? Два!

Значит, – лейтенант, а уж на счёт остального, – извини!

– Мда, с сержантом я погорячился... Тебе и до рядового ещё, – как до Луны...

– Поможешь разобраться? – в лоб спросил я Гаврилова.

– Время, конечно, ты нашёл самое подходящее... Ну да ладно, попробуем! Вон, медведей, – и тех в цирке на велосипеде учат кататься. А тут, – вполне себе сообразительный человек из будущего...

– Спасибо за столь образное сравнение, – надеюсь, со мной будет проще, чем с медведем.

– Да уж хотелось бы надеяться... Ладно, пока Касаткина нет, – давай сюда ППД, покажу что и как... Сержант, блин...

Ну, что я могу сказать? Не так страшен чёрт, как его малютки. Буквально за десять минут, я уже разобрался с ППД и «мосинкой», а изучать СВТ Гаврилов посоветовал с помощью пограничника, – оружие, мол, новое, поэтому ничего зазорного в том, что сержант попросит показать, как с ним обращаться, нет. Что касается уставов, то майор выудил из

ящика две книжечки: «Полевой Устав» и «Боевой Устав пехоты», оба 1939-го года выпуска.

– Грызи гранит военной науки, товарищ сержант! – произнёс Гаврилов, вручая их мне.

Немного подумав, достал откуда-то сумку-планшет и протянул мне:

– Держи! Пора и имуществом уже обзаводиться, а то гол как сокол...

– Спасибо, Михалыч!

– Давай, изучай, – пока время есть.

Только я уселся за стол, как зазвонил телефон. Вживаясь в роль ординарца, поднял трубку:

– Штаб слушает! Сержант Алексеев!

– Капитан Касаткин! – раздался голос начальника штаба, – Доложите майору: женщины и дети готовы к выходу!

Я отрепетовал полученное сообщение Гаврилову. Тот кивнул и, надевая фуражку, сказал, что выдвигается.

– Сейчас будет, ждите!

– Принял! – произнёс Касаткин и отключился.

– Сиди здесь, занимайся, – скоро вернусь.

Пользуясь тем, что остался один, выглянул в коридор. Пограничник на месте. Поманил его к себе:

– Андрей, – зайди!

Может быть, Силаев и удивился, но виду не подал.

– Слушай, у меня к тебе вопрос вот какого плана... Научи СВТ пользоваться! Разбирать, собирать, газовый регуля-

тор настраивать... Я эту винтовку видел, конечно, но в руках держать не доводилось.

– Да тут ничего сложного, – с готовностью снимая СВТ с плеча, начал рассказывать пограничник...

Через несколько минут устройство самозарядной винтовки Токарева перестало быть для меня тайной, – действительно, ничего сверхъестественного. И чего все говорили, что она сложна и капризна? Да, вчерашнему крестьянину, только недавно призванному в армию, – и «мосинку» тяжело освоить, но мне, инженеру с высшим образованием, – никаких проблем. В общем и целом, СВТ понравилась. Учитывая тот факт, что на вооружении Вермахта подобных систем вообще не было, – становилась понятна любовь немецких солдат к этой винтовке. А захватили они их, в качестве трофеев, немало. Именно используя конструкцию советских самозарядных винтовок, немцы и создадут свои «G-41» к концу 1941-го года.

Пока пограничник меня учил, – разговорились. Выяснилось, что войну он встретил в помещении своей погранкомендатуры, которая располагалась как раз напротив Тереспольских ворот. Там же Андрей и получил своё первое боевое задание, – лейтенант Кижеватов поручил ему оповестить находящихся в Бресте командиров о начале крупной провокации немцев. Рядовой Силаев смог добраться до города, но на квартирах никого не застал. Вернувшись в крепость, понял, что пробиться в Цитадель уже не сможет, и остал-

ся здесь, на Кобринском укреплении. Среди паники и хаоса, Гаврилов занялся организацией обороны этого участка Крепости. Почувствовав твёрдую руку опытного майора, пограничник влился в разношёрстный коллектив, который удалось к тому моменту сколотить командиру 44-го стрелкового полка. Сначала дрались на валах у Северных ворот, потом пришлось отступить в форт. Как-то само собой получилось, что пограничник прибил к Гаврилову и взял на себя задачу охраны командира. Сначала их было трое: Силаев и два пехотинца, но после того, как один из приписников-западенцев выкатил под ноги майора гранату, в живых остался только Андрей.

– Считаю, что в нашем полку прибыло: я теперь тоже за Гавриловым присматривать буду.

– Учту, – улыбнулся пограничник и тут же спросил:

– Слушай, говорят, – ты к нам из Цитадели пробился? Как там мои? Может, встречал кого?

– Нет, никого не видел. Думаю, пограничники с первыми же разрывами ушли на Западный остров. Если кто и остался, – то ваша комендатура была слишком далеко от меня, и что там происходило, – я не в курсе. Но ты не отчаивайся, – может, выжили твои товарищи и пробиваются сейчас с боями к нашим...

– Эх, – вздохнул Андрей, – где они сейчас, наши?

– Судя по тому, что канонады давно не слышно, – отступили прилично...

Вернувшись, Гаврилов и Касаткин сообщили, что вывод женщин и детей прошёл без эксцессов. Немцы высыпали из своих укрытий, думая, что гарнизон сдаётся. Однако, кроме нескольких перебежчиков, больше никто не появился. Поняв, что защитники о сдаче и не помышляют, фашисты вновь вернулись на позиции.

– Странно, что нас не атакуют или, хотя бы, не обстреливают артиллерией, – задумчиво потирая подбородок, произнёс Касаткин.

– Думаю, что ждут танков. Во сколько они должны подойти? – спрашивает у меня Гаврилов.

– Судя по тому, что я слышал, – не раньше десяти утра.

– Сейчас – семь... Неужели, они на эти три часа оставят нас в покое? Даже не верится.

– Мы не обидимся, – улыбается капитан.

Действительно, немцы пока не предпринимали никаких действий в отношении окружённого гарнизона. Ничего не изменилось ни в пол-одиннадцатого, ни в одиннадцать. Нет, Коломиец около десяти часов доложил, что слышит рёв двигателей какой-то техники, но этим всё и закончилось. Тишина. Нервы у всех на пределе. Между тем, наступил полдень. И тут началось...

Зазвонили сразу все три телефона, – командиры рот сообщали, что наблюдаютдвигающиеся к форту танки. В ответ, – отсекают огнём пехоту, лишних бойцов от амбразур убрать. Бух! Бух! Задрожал каземат, – немцы открыли огонь по ва-

лам из миномётов. Отзвонился Домиенко: танки встали, ведут огонь по амбразурам казематов внутреннего вала, пехоты не видно, потерь не имеет. После этого, связь прерывается. Прошу Гаврилова отпустить меня туда, – узнать в чём дело. Нехотя, косясь на начальника штаба, отпускает:

– Только быстро! Одна нога здесь, – другая там!

– Понял, товарищ майор! – бегом кидаюсь к выходу.

В коридоре, сжимая свою СВТ, замер у амбразуры Силаев. Смотрю поверх его головы, – ничего, кроме остатков зелёной травы внутреннего вала, не вижу. Сворачиваю налево, к ближайшей потерне. Оказавшись в ней, – кидаю взгляд в боковые амбразуры: трава, кирпичные стены казематов. Сидящие в коридоре бойцы, обняв винтовки, флегматично наблюдают за моими перемещениями. Идём дальше. Вот и отсеки внутреннего вала. Бах! Бах! Где-то наверху, в стену бьют вражеские снаряды. Звук такой, будто кто-то огромным молотком колет кирпичи. Вижу лейтенанта Домиенко, который безуспешно пытается вызвать штаб в телефонную трубку.

– Что-то со связью! Нужно послать человека, проверить линию! – кричу я ему.

Увидев меня, лейтенант кивает и кричит куда-то в сторону сидящих в простенках красноармейцев:

– Еремеев! Еремеев! Связь!

Взлетаю по лестнице наверх и еле уворачиваюсь от кувыркающегося по полу в мою сторону кирпича. Тот пролетает

мимо и разбивается об стену за спиной. Ничего себе! У амбразуры лежат два припорошенные пылью тела. Сначала думаю, что бойцы мертвы, но замечаю, как после очередного удара снаряда в стену, те поднимают головы.

– Как обстановка? – кричу я им.

– Отлично! – отплёвываясь, отвечает один из красноармейцев и поворачивает ко мне голову. С трудом узнаю второго номера пулемётного расчёта.

– Евстафьев, – ты, что ли?

– Он самый! – радостно щерится тот.

– Кто там по нам лупит?

– Самоходка и три танка! Танки – тьфу! А вот эта стерва даёт прикурить!

– Где они? – пытаюсь шагнуть к амбразуре, чтобы выглянуть наружу.

– Не вздумай! – в два голоса орут пулемётчики, – башку оторвёт! Спускайся вниз или из внешнего вала смотри!

– Понял! Тут, наверху, есть кто ещё?

– Никого, – только мы! Стены пушки не пробивают, но кирпич разлетается знатно! Если попадут в окно или амбразуру, – хана!

Махнув рукой, – мол, понял, скатываюсь вниз.

– Ну, как там? – внизу стоит Домиенко.

– Хреново! Но парни живы. Снизу не видать танков?

– Да какое там! – машет лейтенант, – Скос мешает!

– Ладно, я попробую сбоку глянуть!

– Давай, осторожнее там!

Снова мчусь по потерне, вылетаю в коридор и бегу в сторону позиций роты Зульфугарова. А вот и он, лёгок на помине, – вглядывается в амбразуру.

– Что видно?

– Вон они, гвоздят без перерыва! – зло отвечает тот.

Смотрю на улицу: метрах в ста от форта, выстроившись в линию, стоят танки. Штук, два наших Т-38 и французское убожище S-35. Ну, эти два понятно, – у них хоть пушки есть, а наши-то зачем подогнали? Для количества? Со своими пулемётами они здесь бесполезны. Неудивительно, что толку от такой «танковой атаки» не будет. Впрочем, на безрыбье, как говорится... Опа! Не успела эта мысль до конца оформиться в моей голове, как за танками показалась атакующая пехота. Немцы двигались перебежками, но и это не могло их спасти от губительного огня защитников. Бух! Бух! Во дворе форта, прямо перед нами, упали несколько мин. Что это они? Так ведь можно и своих задеть! Упавшие мины окутались бело-серым дымом, превращаясь в завесу. Ага, вот оно что... Хотят подобраться поближе под прикрытием дыма!

– К бою! – закричал Зульфугаров, – пулемёты к амбразурам!

Бойцы кинулись занимать позиции. Рядом с нами пристроились два красноармейца с ДП-27. Высунув ствол в проём, они приготовились встречать наступающую немецкую пехоту.

– Стрелять по готовности!

Защитники замерли. Клубы дыма заволокли внутренний дворик. Сначала ничего не происходило, затем из завесы вылетело около десятка гранат на длинных ручках. М-24, – услужливо напомнил немец в моей голове. Часть из них не долетела, часть отскочила от стен каземата.

– Бойся! – заорал Зульфугаров.

Бойцы синхронно пригнулись, пережидая разрывы, после чего снова прильнули к амбразурам. Кто-то вскрикнул, хватаясь за лицо, – зацепило. К раненому тотчас устремились несколько красноармейцев, оттаскивая товарища в глубину каземата. Оставшиеся на позициях, открыли дружный огонь по выбегавшим из дыма немцам. Атака вышла скоротечной: ни одному солдату, преодолевшему завесу, не суждено было вернуться назад.

– Так их, гадов! – орал во всю глотку лейтенант, перебегая между бойцами.

Фух! Я вытер невесть откуда взявшийся пот со лба. Отбились. Судя по стрельбе с противоположной от нас оконечности вала, – Коломиец тоже достойно встретил наступающих. Пора возвращаться.

Гаврилов метался по каземату как раненый зверь. Касаткина на было. Завидев меня, живого и невредимого, облегчённо вздохнул:

– Ну, слава богу! Как там?

– Всё нормально: Домиенко ищет порыв на линии, Зуль-

фугаров отбил атаку немецкой пехоты.

– Что танки? – деловито поинтересовался майор.

– А, ерунда: два наших Т-38, самоходка и француз. С такими калибрами, – удачи им не видать. Скоро боезапас закончится и они отойдут. По потерям: убитых не видел, но есть раненые. Короче говоря, один-ноль в нашу пользу.

– Неплохо. Что дальше?

– Дальше, – скорее всего, немцы вызовут огонь артиллерии, но эффективность его... Сам понимаешь: без толку. Так что, расслабляемся и ждём авиацию.

– Да уж, умешь ты успокоить... – покачал головой Гаврилов.

Зазвенели телефоны: командиры рот докладывали об отбитой атаке и потерях. Убитых не было, – только четверо легкораненых. Майор повеселел. Как я и предполагал, немцы отвели бронетехнику и начали артиллерийско-миномётный обстрел позиций упорно не желающих сдаваться русских.

Глава 4

Остаток дня, ночь и весь следующий день форт подвергался ожесточённому обстрелу. Атак немцы больше не предпринимали. Я продолжал повышать свою квалификацию, изучая уставы РККА, изредка бегая по поручениям Гаврилова. К немецкому обстрелу все привыкли, благо урона он никакого не приносил. Под утро в дело вступила немецкая зенитка, – похоже, та самая «восемь-восемь», что была придана 135-му полку. Её огонь не оказал на защитников того эффекта, какого ожидали немцы. Стены она тоже не пробивала, так что впустую тратила снаряды. Среди обороняющихся появилось ещё несколько раненых, но на общем настрое гарнизона это никак не сказалось.

В ночь на 29-е июня, вместо щедро пускаемых фашистами осветительных ракет, появились прожектора. Уж не знаю где их взяли немцы, но форт стали освещать именно они. Артиллерийский обстрел не прекращался ни на минуту. Наступило утро последнего дня обороны...

Гаврилов не находил себе места, нервно меряя шагами каземат. Даже спокойный Касаткин не выдержал:

– Ну что ты мечешься, командир? Форт держится, причин для беспокойства нет...

– Чувствую я, Константин Фёдорович, что немцы что-то задумали... Слышишь? – и артобстрел прекратился.

Действительно, стало слишком тихо. Касаткин недоумённо пожал плечами:

– Может, сдаться опять предложат?

– Не думаю, капитан, не думаю...

Тревожную обстановку прервал зуммер телефона.

– Гаврилов! – схватив вперёд меня трубку, представился майор.

Выслушав говорившего, он медленно опустил её на аппарат:

– Коломиец звонил. Его наблюдатели слышат гул самолётов. Похоже, бомбить нас идут...

Мы прислушались. Ничего.

– Может, мимо летят? – предположил начальник штаба, – С чего ты взял...

Чудовищной силы взрыв качнул каземат, не дав договорить капитану. За ним – ещё один, и ещё. Мы упали на пол, закрывая головы руками. Я насчитал шесть попаданий. Сомнений не было, – немцы начали бомбить Восточный форт. Вал устоял, но ощущения внутри казематов были не из приятных. Вновь раздались звонки телефонов: сначала одного, затем второго. Командиры рот докладывали, что потерь не имеют и запрашивали дальнейших указаний. Готовиться отражать очередную атаку, – так звучал приказ Гаврилова.

На этот раз, обходить позиции отправились все вместе. Бойцы, пережившие первую в их жизни бомбёжку, в основной массе своей находились в прострации. Подбадривая их,

мы двигались в сторону роты Коломийца. Напротив лазарета, в коридоре, сидела Абакумова, зажав уши руками. Между пальцев у неё текла кровь. Касаткин бросился к военфельдшеру, спрашивая, не ранена ли она? Помотав головой, та что-то тихо ему ответила. Контузия. Оставив начальника штаба, мы с Гавриловым бросились дальше. У Коломийца всё было под контролем: он расставлял бойцов у амбразур. Убедившись, что правый фланг обороны вполне дееспособен, быстрым шагом отправились через потерну к Домиенко. Бежать нельзя, ибо вид бегущего командира вызывает в рядах бойцов панику. Добравшись до казематов внутреннего вала, увидели лейтенанта, руководящего обороной вверенного ему участка. Здесь тоже всё в порядке.

Осталась рота Зульфугарова. Ей досталось больше всего: завалило один из казематов, в нескольких треснул и частично осыпался потолок. Пыль, крики, мат... Несколько бойцов, обдирая в кровь руки, лихорадочно разбирали нагромождения кирпичей, пытаясь вытащить из-под них своих товарищей. Как оказалось, четыре из шести авиабомб разорвались именно над этим участком обороны. Множество раненых, убитых. Все, включая Зульфугарова, получили контузии. Сам лейтенант лежал сейчас без сознания, командование в свои руки взял старшина Павленко. Среди хаоса и неразберихи, раздавался его зычный голос, отдававший распоряжения о выносе раненых и требовавший красноармейцев вернуться к амбразурам. Увидев Гаврилова, старшина

доложил, что рота понесла потери, количество пока не уточнено. Тем не менее, боеспособность не потеряна и личный состав готов к отражению атаки гитлеровцев. Майор выслушал рапорт Павленко и приказал принимать тому руководство ротой.

– Держитесь, – сейчас немцы опять в атаку пойдут! Что с пулемётами?

– «Максима» вместе с расчётом завалило, – похоже, всё, гранты. Остались только два ручных!

– Чёрт подери! – с досадой выругался Гаврилов, – Ладно, отбивайтесь пока тем, что осталось. Будет совсем туго, – докладывай. Со связью что?

– Телефон там остался, под обломками, – махнул рукой Павленко в сторону обвалившегося каземата.

– Значит, посыльного пришлешь. Давай, старшина, действуй! – хлопнув того по плечу, закончил Гаврилов. Мы посторонились, пропуская бойцов, тащивших на плащ-палатке охающего раненого с неестественно вывернутой ногой.

– Немцы! – раздался чей-то дикий крик.

Не сговариваясь, бросились с майором к ближайшей амбразуре. Пыль, поднятая взрывами во дворе, почти осела. Со стороны домов комсостава, перебежками, двигалась немецкая пехота. Чуть позади, шёл танк, – трофейный Т-38. Подпустив атакующих метров на сто, – из казематов внутреннего вала открыла стрельбу рота Домиенко. Как по команде, в тот же момент, подключились и фланги внешнего вала. Слева

заработали оба «ДП», захлопали винтовки. Немцы, поняв, что огонь защитников и не думает ослабевать после авианалёта, тут же отошли.

– Разведка боем? – вслух подумал я.

– Похоже на то, – внимательно наблюдая за отходящими фашистами, задумчиво произнёс Гаврилов.

– Прекратить огонь! Все в укрытие! – подал голос Павленко, призывая красноармейцев отойти от бойниц, – Остаются только дозорные!

– Сейчас опять обстреливать начнут, – пояснил он нам.

Действительно, как только последние фигурки отступающих немцев скрылись из вида, по форту вновь начала бить артиллерия и миномёты. Следуя по вздрагивающему от разрывов коридору, мы вернулись в штабной каземат. Касатки на ещё не было. Гаврилов схватился за телефоны, – звонил в роты, уточнял потери. Я, пользуясь случаем, копался в своей памяти, вспоминая время, в которое на Восточный форт прилетит двухтонная бомба. Вроде как, к вечеру. Именно темнота помешает немцам качественно зачистить казематы. Сейчас 9 утра. Значит, в запасе ещё есть несколько часов. Достав из планшета схему, стал думать, как лучше вырваться из Крепости после взятия форта. За этим увлекательным занятием меня и застал Гаврилов.

– Что это у тебя?

– Немецкий план крепости с расположением блокирующих частей.

– Откуда ты его взял?

– Начертил, – не подумав, ляпнул я.

– Не понял...

– Немец тот, в которого я вселился, – его работа. Правда, на сегодняшний день, обстановка могла и поменяться.

– Дай-ка поглядеть... – майор склонился над схемой.

– Вот, думаю, где лучше выходить.

– А что тут думать? Вот здесь, между Северными и Северо-Западными воротами проскользнуть ночью, – и на север, в Беловежскую Пущу.

– Так себе план.

– Обоснуй.

– Смотри: во-первых, ты сразу попадаешь в Брест, который сейчас наводнён войсками. Во-вторых, нужно пересечь вот здесь вот дорогу, по которой идут потоком воинские части, а потом, – ещё и железку. Немцев на этом маршруте, – как блох на бездомной собаке.

– Откуда они там возьмутся? Мост-то один, – железнодорожный!

– Уже не один. Немцы навели севернее крепости понтонную переправу и гонят через неё войска.

– Ну, если так, тогда остаётся это направление, – вот здесь, через южный городок. Чёрт, там у нас Варшавское шоссе...

– Именно. Пересечь его, – та ещё задача.

– Да уж...

– Сдаётся мне, что идти нужно через Западный остров.

Там и ждать нас не будут, и от города подальше. Переправиться на тот берег, сделать крюк и выйти к Бугу севернее. А уж оттуда, можно и в Пущу, но я бы пошёл на восток, догонять нашу отступающую армию.

– Пожалуй, да, – из имеющихся вариантов, этот самый лучший, – потёр подбородок Гаврилов, – Чем тебе Беловежская Пуща не нравится? Лес там, – что надо!

– А не нравится мне тем, что в этом районе, с самого начала войны, сидит в окружении очень уж много народу. Чуть ли не корпус, – точно не помню. И они пытаются всеми силами пробиться на восток. Немцы, естественно, оставлять в тылу такую группировку не горят желанием, поэтому там сейчас бой не на жизнь, а на смерть. Так что, пробиться сквозь боевые порядки фашистов и прорваться к нашим, чтобы снова оказаться в окружении, – так себе идея.

– Куда ни кинь, – всюду клин...

– Вот поэтому я и предлагаю идти на восток.

– И где сейчас фронт? Сколько до него идти?

– Думаю, пока на Березине, но это ненадолго.

– Ого! – присвистнул Гаврилов, – далеко забрались...

– Ничего, одолеем... Наполеон вон, вообще Москву взял, а толку?

– Тоже верно. Но как, – имея такую армию, технику... Отступать!?

– Не дави на больную мозоль. Тут целая совокупность факторов: от ошибок отдельных лиц до случайного стечения

обстоятельств. Как-нибудь потом, если будет время, расскажу. Слушай, у тебя нет, случайно, нитки с иголкой? Я тут проковырял дырки под треугольники, насквозь, вместе с воротом. И лапки мне теперь шею натирают, – не вмоготу! Хочу отпороть петлицы и нормально сделать. Или просто подворотничок новый поверх прошить?

– Ну и сержант, – насмешливо протянул Гаврилов, – и форму подогнать не может, и нитки с иголкой нет. Я планшет тебе дал, – там посмотри, должны быть.

Действительно, порывшись в недрах выданной мне сумки, я обнаружил искомое. И швейные принадлежности, и несколько подворотничков: полный комплект.

– Нормально подшивайся, потомок, – не позорь предков! – ехидно произнёс майор.

– Да я на флоте служил...

– То-то я и гляжу, – руки не оттуда растут.

– Нет, чтобы помочь товарищу!

– Ага, щас! Криво пришьёшь, – оторву, будешь тренироваться, пока не научишься! Давай, приводи себя в порядок, а я пойду по позициям пройдусь. Не нравится мне что-то эта тишина...

Я прислушался: действительно, обстрел прекратился. Странно... Гаврилов вышел. Сняв гимнастёрку и накинув на плечи так же выданную мне шинель, – принялся за дело. Если с петлицами я проблем не испытал, то с подворотничком... Как его тут пришивать-то? Ладно, глаза боятся, – ру-

ки делают. Так, вроде бы, готово! Хотя... Вряд ли подворотничок должен быть в гармошку... Мда... Переделываем... А что, если взять их сразу два? Вроде бы, поплотнее получается... Открылась дверь и в каземат зашёл Касаткин. Увидев моё рукоделие, капитан восхитился:

– О! Хоть один нормальный сержант нашёлся! А то ходят все зачуханные... Не воины Красной армии, – а сборище оборванцев.

– Так им, может, некогда, – война ведь. Да и не у каждого нитка с иголкой есть...

– Это факт, – согласился со мной начальник штаба, усаживаясь за стол и доставая из планшета какие-то листки.

– Ещё восемь человек умерли, раненых, – покачав головой, стал делать какие-то отметки карандашом капитан, – Когда уже это всё закончится?

Снаружи раздалась стрельба, – такое ощущение, что прямо напротив нашего каземата. Касаткин вскочил и бросился к двери, вытаскивая на ходу пистолет из кобуры. Я, чертыхнувшись, отбросил гимнастёрку и схватил ППД. Что там ещё такое? Выбежали в коридор: пограничника у дверей не было. Стреляли явно наши, – из винтовок. Осторожно выглянул в амбразуру. Так и есть, – из ближайшей к нам потерны, слева, несколько бойцов ведут огонь куда-то вверх. Как был, в галифе, белухе и с автоматом, – бросаюсь к стрелкам.

– Куда стреляем? – интересуюсь у младшего сержанта-артиллериста.

– Да вон, – немцы по валу шастают!

– Дай-ка гляну...

Трава, синее небо, – никакого движения не наблюдаю. Видимо, спрятались. Командую прекратить огонь и прислушиваюсь. Точно, – на валу слышны голоса. Не там, конечно, куда стреляли бойцы, а намного ближе, – почти у нас над головами.

– Тишину настроили! – рывкаю на красноармейцев, которые начали шумно делиться между собой результатами своих выстрелов. Те испуганно замолкают. Прислушиваюсь, подняв руку вверх.

– Вот здесь... Клаус, не высовывайся! Русские стреляют... Нужно глубже... Копай ниже! Тридцати килограммов хватит...

Голоса затихают, – видимо, немцы отошли подальше от гребня вала.

– Что там? – шёпотом спрашивает артиллерист.

– Копают что-то, – так же негромко отвечаю я.

– Траншеи, что ли? – удивляется сержант.

– Нет! – меня осеняет страшная догадка, но вслух её говорить не решаюсь, – Хрен знает, что они делают, но ничего хорошего для нас, – это точно. Если немцы появятся – стреляйте!

Поворачиваюсь и натываюсь на вопросительный взгляд Касаткина. Делаю страшные глаза и киваю на коридор, – мол, отойдём. Капитан пропускает меня вперёд. Возвращаемся в

штабной каземат, – Гаврилова ещё нет.

– Ну, что ты там услышал? – требовательно спрашивает начальник штаба.

– Немцы. Похоже, сапёры. Копают внешний вал, чтобы заложить взрывчатку.

– Так, – быстро ориентируется Касаткин, – Напротив потерны у нас склад боеприпасов, если сдетонирует, – мало не покажется.

– Похоже, они не только здесь роют, – над ротой Коломыйца тоже.

– Не исключено, что по всему валу копают, – подхватывает капитан, – И помешать мы им никак не можем...

– Нужно отвести людей от предполагаемых мест подрыва!

– Мысль здравая, только точных мест, за исключением склада, мы не знаем.

– Может, разобрать его? Ну, боеприпасы по отсекам разнести?

– Смеёшься? Там ящиков, – до потолка, в несколько рядов.

– Что обсуждаем? – с порога интересуется появившийся в дверях майор.

Касаткин объясняет причину беспокойства. Я подтверждаю, что слышал разговоры немецких сапёров. Гаврилов меняется в лице и произносит длинную непечатную фразу. В итоге недолгого обсуждения, принимается решение внимательно слушать по отсекам и начинать свободными бойца-

ми растаскивать склад. Дело серьёзное, поэтому за него отцы-командиры берутся лично и идут оповещать гарнизон о грозящей нам опасности.

Вскоре, по коридору затопали бегущие бойцы. Закончив подшиваться, я натянул гимнастёрку и помчался помогать. В дверях первого каземата с боеприпасами, стоял капитан Касаткин и руководил выносом ящиков. Судя по маркировкам, – здесь, в основном, патроны и гранаты. Во втором каземате распоряжался лейтенант Коломиец: этот отсек занимали снаряды и мины. Подошёл Гаврилов и, увидев меня, дал задание пройти по форту, послушать переговоры немецких сапёров, если получится. Я добросовестно обошёл все 28 казематов и 4 потерны, но ничего не услышал. Пока ходил, моё внимание привлёк окрик одного из сержантов:

– Семенюк! Фольварков! Дуйте на склад, – там помощь нужна!

Два бойца, отойдя от бойниц, двинулись в мою сторону. Семенюк... Знакомая фамилия... Где-то я её слышал... Вспомнил!

– Стой! Ты – Семенюк? – спрашиваю высокого чернявого красноармейца.

– Это я, а что? – интересуется второй, поменьше, с петлицами младшего сержанта.

– Дело есть, поговорить нужно.

– Ну, что там застряли? – снова кричит сержант.

– Этого я забираю, – майор вызывает, ищи замену!

– Тыфу ты! – досадливо морщится сержант и тут же выкрикивает другую фамилию:

– Тарасов! Бегом с Фольварковым на склад!

Семенюк смотрит на меня с удивлением:

– Зачем я майору понадобился?

– Пошли, там всё узнаешь. Не бойсь, – не съест.

Уворачиваясь от таскающих ящики с боеприпасами бойцов, добираемся до штабного каземата. На моё счастье, Гаврилов на месте, – даже искать не пришлось. Велев подождать младшему сержанту за дверью, захожу внутрь. Майор что-то пишет, увидев меня, спрашивает:

– Ну как? Слышно что-нибудь?

– Тишина. Я тут бойца привёл одного, – посоветоваться нужно.

Гаврилов бросил взгляд на часы:

– Это срочно? Что за боец?

– В моей истории, младший сержант Семенюк спас знамя 393-го ОЗАД. И оно должно сейчас быть у него. Или на нём.

– Откуда знамя? Каким образом спас? – отрывается от писанины майор.

– Насколько мне известно, знамя дивизиона Семенюку поручил охранять его командир. Фамилию не помню. Перед падением обороны форта, этот Семенюк закопает знамя в одном из дальних казематов, где рота Коломыйца сейчас сидит. После войны, – приедет и откопает его. По-моему, – это единственное знамя, обнаруженное в Крепости. Главный

экспонат будущего музея обороны.

– Вот как, – откидываясь на стуле, задумчиво произносит Гаврилов, – А от меня-то ты что хочешь?

– Приказ закопать знамя, по непроверенным данным, отдал именно ты. Так что, – давай, командуй. А то, так с ним в плен и попадёт ещё, чего доброго.

– Давай сюда этого сержанта!

Я приоткрываю дверь:

– Заходи!

Пропускаю будущего героя вперёд, становлюсь с ним рядом.

– Младший сержант Семенюк! – бросая руку к виску, представляется тот.

– Майор Гаврилов, – не спеша поднимаясь из-за стола, произносит командир Восточного форта.

– Что же Вы, товарищ младший сержант, не докладываете о том, что являетесь хранителем знамени дивизиона?

Семенюк не то, что удивлён, – он буквально ошарашен словами Гаврилова. Некоторое время приходит в себя, затем, краснея, начинает говорить:

– Товарищ майор... Охранять знамя мне поручил мой командир, – старший лейтенант Шрамко... Об этом никто не знал, я никому не говорил... Я хотел... Хотел передать его нашим, когда они придут...

– Где знамя? – подойдя почти вплотную, Гаврилов сверлит взглядом Семенюка.

– На мне, товарищ командир! Вот!

С этими словами, он суетливо расстёгивает ремень и задирает гимнастёрку: вокруг торса, почти до подмышек, Семенюк обмотан красной материей. Мать моя женщина! Неужели, я это вижу собственными глазами? Смотрю на Михалыча: тот тоже, как замороженный, не сводит глаз со знамени. Младший сержант порывается снять его с себя, чтобы продемонстрировать его майору, но Гаврилов, внезапно севшим голосом, останавливает эту попытку:

– Не надо. Я верю. Молодец! Молодец, что сберёг!

– Служу трудовому народу!

– Кто ещё знает о том, что оно у тебя?

– Только двое, товарищ майор, – чуть помявшись, признаётся младший сержант, – Тарасов и Фольварков, – это мои земляки.

– Ладно, пусть знают. Но больше, – никому!

– Так точно, товарищ майор! Не скажу!

Совершенно неожиданно, Гаврилов порывисто обнимает Семенюка. На глазах у майора слёзы. Отстранившись, он произносит:

– Своё не смог, а это сохраню! Слушай мою команду, товарищ младший сержант! – Гаврилов совладал с собой, – Знамя ни в коем случае не должно попасть в руки врага! Обстановка тяжёлая, помощи ждать неоткуда. Возможно, сегодня последний день обороны. Поэтому, – приказываю: спрятать знамя здесь, в одном из казематов форта. На всё – про всё

даю час. Об исполнении, – доложить!

– Сделаю, товарищ майор!

– Иди, Семенюк! Иди, родной! – Гаврилов крепко пожал тому руку.

– Родион! На пару слов! – останавливаю я, рванувшего было к двери, младшего сержанта.

– Значит, смотри: когда знамя удастся потом откопать, – неизвестно. Поэтому, – совет: заверни его в брезент или во что покрепче, потом опусти в ведро, лучше всего, – оцинкованное. Тоннель к центру Земли бить не надо, но и на поверхности бросать не годится. Метр, – больше ни к чему. Всё, давай, удачи!

Хлопнув Семенюка по плечу, провожаю его за дверь.

– Чего сам не пошёл? – спросил меня Гаврилов, когда сержант вышел.

– Честно говоря, – боюсь помешать историческому моменту. Вдруг, закопаем не там? А у него должно получиться как надо, – трижды сплюнув через плечо, я постучал по деревянному столу.

– Ты смотри, – какой суеверный! – хмыкнул майор.

– А сам-то, почему не стал прятать? Лично, так сказать?

– Зачем внимание привлекать? Я с лопатой, – да на это пол-гарнизона сбежится смотреть.

– Логично, – согласился я, – Чем меньше людей в курсе, – тем спокойнее.

– Вот и я о том. Ладно, пойдём, узнаем как там дела, на

складе...

Дела были не очень: от силы, удалось вынести одну десятую часть запасов. Посмотрев на это, Гаврилов приказал прекратить работы и увести из ближайших отсеков личный состав подальше. Распоряжение оказалось весьма своевременным: буквально через полчаса, немцы подорвали первый заряд...

Глава 5

Мы с Касаткиным и майором в этот момент находились в штабе. Только что убежал Семенюк, доложив о выполнении приказания. Капитан недоумённо уставился на Гаврилова, но тот лишь махнул рукой, – дескать, мелочи. Тут-то и прогремел взрыв. Был он намного слабее попавших в форт с утра авиабомб, но качнуло нас знатно. С потолка посыпался песок, мы инстинктивно пригнулись.

– Началось, – поглубже натягивая фуражку, тоскливо произнёс Гаврилов.

– Это где-то у Коломыйца, – отряхиваясь, констатировал Касаткин и бросился к телефону. Однако, связи с первой ротой не было.

Ба-бах! От взрыва, я улетел под стол, на ноги мне приземлились какие-то ящики и, судя по мату, майор Гаврилов. Лампа упала, расплёскивая горящий керосин. Схватив валяющуюся рядом чью-то шинель, я вскочил и начал сбивать ею пламя. В горле запершило, дышать становилось нечем. Дверь в коридор заклинило и Гаврилов с Касаткиным пытались её выбить. Расправившись с очагом пожара, я нащупал сброшенный взрывом на пол автомат и начал шарить в поисках подсумка с запасным диском. Его я, естественно, не нашёл, зато зацепил свой планшет и пару гранат-«лимонок». Прихватив это богатство, кинулся помогать отцам-команди-

рам выламывать дверь. Бах! Ещё один взрыв, – почти в коридоре! Мимо меня, сбитые распахнувшейся дверью, как кегли, пролетели Касаткин с Гавриловым. Странно, – до этого момента дверь открывалась в другую сторону... Впрочем, сейчас не до таких мелочей.

Я вывалился в абсолютно задымленный коридор, пытаюсь вдохнуть свежего воздуха, но тут его не было. Воняло сторевшей взрывчаткой и каменной пылью. В ушах звенело, поэтому оценить звуковое сопровождение царившего внутри форта хаоса мне не довелось. Рядом с дверью, на коленях, держась руками за голову, ползал Андрюха-пограничник. Его СВТ, с расщепленным в хлам прикладом, валялась тут же. Вспышка – грохот! Впереди, по коридору, сверкнуло, и казематы ещё больше заволокло пылью. Несмотря на некоторый дискомфорт в организме, – соображалось, на редкость, хорошо. Как я вижу, – детонация склада вполне себе состоялась. Вон, напротив него появился пролом в стенке коридора, сквозь который виден двор. Больших взрывов было два: первый у Коломийца, второй над складом. А то, что происходит сейчас, – это ноу-хау немецких сапёров, опробованное ещё при штурме казарм 33-го Инженерного полка. Опускают на верёвочках заряд взрывчатого вещества напротив окон, – и рвут, пока деморализованные защитники ползают в затянутых дымом и пылью внутренних помещениях. Именно такая штука и открыла, надо полагать, заклинившую дверь штаба в другую сторону.

Так, пограничник, вроде как, жив, – просто здорово контужен. Где наше командование? Совсем забыл про них. Ага, вот они. Отчаянно кашляя, с пистолетами в руках, в коридоре появляются Касаткин с Гавриловым. Живые. Правда, не совсем здоровые. Склоняюсь к Андрюхе, спрашиваю как самочувствие. Голоса своего не слышу, ответа пограничника, – тем более. Впрочем, он, кажется, ничего и не говорит. Сидит у стены, продолжая держаться за голову, и только рот открывает, как рыба. Взрывы стихли, что дальше? Новая атака? Гаврилов что-то кричит, надсадно кашляя и показывая пистолетом в сторону взорвавшегося склада. Посмотреть, что там? Пошли, поглядим.

Перехватывая поудобнее ППД, осторожно крадусь по коридору. Не видно ни черта. Единственный ориентир, – свет из пролома напротив склада, на него и идём. Весь пол усыпан битым кирпичом и досками от разорванных ящиков, поэтому я постоянно спотыкаюсь. Надеюсь, там больше ничего не бахнет, и всё, что могло сдетонировать, – уже взорвалось. Из провала, который раньше был дверьми склада, валит дым. Похоже, остатки боеприпасов завалило землёй. На фоне вызывающе синего солнечного неба замечаю несколько любопытных голов, принадлежащих явно немецким сапёрам. Они высунулись где-то там, в районе расположения роты Зульфугарова. Вскидываю автомат и даю очередь в их сторону. О, звук частично включился: слышу свою стрельбу. Естественно, ни в кого не попадаю, но головы исчезают. Ах

вы, гады! Вытаскиваю из кармана гранату, разгибаю усики чеки и выдергиваю кольцо. Это – не М-24, тут ждать не нужно. Выскакиваю через пролом на улицу и швыряю гранату вверх, на вал. Яркость дневного света нереально ослепляет, но кинуть Ф-1 туда, куда хотел, получилось. Сразу же запрыгиваю обратно, в коридор. Взрыва не слышу, да это и не важно. Главное, – показать, что форт ещё жив и сдаваться не собирается!

Ан нет, всё-таки, кто-то собирается: вижу выбегающих из казематов бойцов с поднятыми руками. Их не так уж и много, но сам факт... Впрочем, для нас, оставшихся, – это даже хорошо. Своим выходом, эти бойцы подарили нам несколько свободных от обстрелов и атак минут. Немцы, наверное, приняли выход пары десятков человек за сдачу всего гарнизона и, с нетерпением, ждут остальных, радостно потирая лапки. Это будет, конечно, но чуть позже. Время сейчас, – около пяти вечера. Бомба – убийца пока на аэродроме, и прилетит она явно не раньше 18:00. Так что, – пока держимся!

Пользуясь затишьем, обходим позиции. Меньше всех, понятное дело, пострадали обитатели внутреннего вала. Там, у роты Домиенко, потерь вообще нет. Раненых и убитых больше всего у Коломыйца: именно там прокапывали лазы в толщу вала бойцы Восточного форта. Видимо, сапёрам повезло наткнуться на один из таких и заложить там взрывчатку. От взрыва завалило два каземата: в одном навсегда похоронило около двадцати раненых, во втором, – примерно столько же

красноармейцев. По докладу лейтенанта, в плен пошли сдаваться восемь человек.

К роте Зульфугарова теперь можно пройти только через внутреннюю подкову и потерну, – коридор горжевого вала завалило. Здесь боевых потерь практически нет, – контуженые да пара легко раненых осколками кирпича. Зато, к немцам ушли сразу человек сорок. Старшина Павленко сначала хотел перестрелять всех «изменщиков» из пулемёта, но потом махнул рукой: пусть идут. Зульфугаров пришёл в сознание, и даже потихоньку передвигался, держась за стеночку, но командовать пока не мог. Насколько я помнил, эпицентр попадания немецкой двухтонной бомбы придётся именно в этот район, о чём и шепнул Гаврилову. Тот кивнул и распорядился перейти остаткам третьей роты в казематы внутреннего вала, как только появятся самолёты противника. До этого момента, – держаться и отбивать атаки немцев. Раненых было решено перенести в лазарет прямо сейчас, – потом можно и не успеть. Улучив момент, я спросил у Гаврилова:

– Михалыч, я не знаю, что ты там говорил бойцам в моей истории, но они все, как один, в своих воспоминаниях потом напишут, что разрешение сдаваться в плен отдал именно ты. Подумай над этим. И ещё: ты собираешься кого-нибудь посвящать в наши планы?

– Про плен, – думал, возьму ответственность на себя. Как ты правильно тогда сказал, – в плену борьба не заканчивается. Что касается посвящения кого-то ещё в наши планы, –

то делать я этого не буду. Кто выживет с нами, кто способен пойти до конца, – с теми и останемся. Да и как ты себе это представляешь? Рассказать про тебя? Скажут, – умом тронулся. Спрятать пятьсот человек, чтобы немцы не нашли? Невозможно. Так что, успокойся.

– Как скажешь, – пожал плечами я, в глубине души принимая правильность решения майора.

Пыль потихоньку улеглась, в форту наступила тишина и тревожное ожидание. Касаткин остался с Коломийцем, а мы перебрались в казематы внутреннего вала, чтобы не пропустить появление вражеской авиации.

И она прилетела. Едва заслышав гул самолётов, Гаврилов отправил меня с приказом выводить людей Зульфугарова. Но они и сами всё прекрасно слышали, поэтому уже бежали по потерне к нам. Последними вышли сам лейтенант и поддерживающий его старшина Павленко.

– Все? – коротко поинтересовался у них Гаврилов.

– Все, – подтвердил лейтенант.

– Приготовиться! Ждём!

Глава 6

Самолёты долго кружили над крепостью, прежде чем начать нас бомбить. Мельком глянул на небо: Ju-88. Это хорошо, что не Ju-87, который наши называли «лаптёжник». Те способны положить бомбу точно в ведро, мне кажется. А эти... Нет, пикировать Ju-88 тоже способны, конечно. Однако же, с утра мазали. Из десяти, – попали только восемь, а разорвались из них шесть. Процент, возможно, неплохой, но ведь цель достаточно большая и, к тому же, неподвижная. Ладно, сейчас мы это ощутим на собственной шкуре...

Понеслась душа в рай! Тум! – сначала тупой удар, свидетельствующий о том, что бомба встретилась с землёй, потом разрыв. По форту будто огненный смерч пронёсся. Взрывы следовали один за другим, почти без перерыва. Качались стены, скрипели и отваливались кирпичи с потолка, ударная волна била по ушам так, что никакие прижатые к голове руки не спасали. Всё заволокло дымом и пылью. Я насчитал десять разрывов на двенадцать сброшенных бомб. Две, получается, не взорвались. Три упали перед нашим внутренним валом, две на сам вал, остальные, – где-то сзади, в районе горжевых казарм. Несмотря на сущий ад, – потерь у нас нет: только контуженые. Оглушённые от грохота и ослепшие от дыма, мы выглянули в амбразуры. Пыль, – ничего не видно. И вот, в это серо-чёрное облако, устремляются несколько бой-

цов. Прямо вот рядом стоящих! Отбрасывая в сторону винтовки и что-то крича, они выбираются через оконные проёмы на улицу. Не стесняясь ни своих товарищей, ни командиров. Я бы так не смог. Мне кажется, сдаваться нужно или всем, – или никому.

Понемногу, пыль начала оседать. Вдруг, со второго этажа кто-то крикнул:

– Немцы! Немцы атакуют!

– К бою! – тут же скомандовал Гаврилов и мы ринулись к амбразурам, готовясь отразить атаку.

Впрочем, это опять была разведка боем со стороны немцев. Убедившись, что гарнизон, кроме нескольких десятков человек, капитулировать не собирается, – противник снова отступил.

Так, теперь, – основное блюдо. Если я всё правильно помню, – 1800-кг бомба разорвётся как раз на той оконечности внешнего вала, откуда ушли бойцы роты Зульфугарова. Теоретически, нас задеть не должно. Но такой взрыв, да в ста метрах от тебя... Может, того... отбежать подальше? Хорошая мысль приходит опосля, так что дёргаться уже поздно. Остаётся только как-то сгруппироваться...

Земля вздрогнула. Тум! Ну, теперь держись! Как я к этому ни готовился, – а рвануло всё равно неожиданно. Чудовищный силы взрыв сотряс Восточный форт. В глазах на мгновение потемнело, по ушам ударил страшный грохот: было такое ощущение, что наше укрытие подпрыгнуло в воздух на

добрый метр, а потом опустилось обратно. Я полетел на пол, больно ударившись локтём при падении. Свет превратился во тьму, в казематы картечью влетели комья земли впере-мешку с камнями. В окна и амбразуры пахнуло нестерпимо горячим, остро запахло сгоревшей взрывчаткой. Всё вокруг заволокло пылью, от которой было не продохнуть. Жуткая картина. Такое ощущение, что мы заживо погребены в этом каземате. Кашляя и матерясь, стали подниматься бойцы.

– Ещё один такой налёт, – и нам здесь всем хана! – мрачно заметил невидимый в темноте красноармеец.

– Сдаваться надо! Сдохнем здесь ни за грош! – заистерил, срываясь на визг, ещё один.

Притихший было каземат, наполнился шумом и гвалтом.

– Прекратить панику! Доложить о потерях! – перекрики-вая гомон, раздался откуда-то сбоку зычный голос Гаврило-ва, – Раненых – в лазарет, живые, – к амбразурам! Команди-ры – ко мне! Домиенко!

Как ни странно, убитых в результате авианалёта опять не было, – только раненые. Контузиями различной степени тя-жести, по-моему, обзавелись все.

Бомбардировка оказала на гарнизон больше психологиче-ский эффект. Крупно повезло, что последняя бомба попала именно туда, куда надо, чтобы минимизировать потери за-щитников: на скат внешнего вала. Его толща оказалась пер-вым препятствием на пути разрушительной взрывной вол-ны. Второй преградой стал внутренний вал форта, в котором

мы и находились. Пока не ясна обстановка у Касаткина с Коломийцем, но не думаю, что там хуже, чем у нас. Мою догадку подтвердил посыльный от начальника штаба, которым оказался сухопутный одесский моряк Вороненко. Он вихрем ворвался в каземат и оторопело застыл в дверном проёме:

– Ох ты, мама моя родная!

– Проходи, не стесняйся, – кашляя, пригласил я Костю внутрь.

– О, живой, братишка! – искренне обрадовался он, – Где тут майор наш?

– Кто меня ищет? – из пыльного тумана появился Гаврилов.

– Это я, – рядовой Вороненко! Капитан прислал. Иди, говорит, узнай как обстановка...

– Терпимо. Что у вас?

– Нормально! По ушам, правда, хорошо вдарило, а так, – жить можно!

– Это радует. Ладно, пошли к капитану, здесь Домиенко сам разберётся.

Касаткина мы встретили по пути, – не выдержал, помчался сам узнавать положение дел на нашем участке.

– Ну, слава богу, – живой! – облегченно выдохнул капитан, – А я тут уже, грешным делом, плохое подумал. Бомбили-то вашу сторону знатно!

– Да уж, постарались немцы... Что у Коломийца? Убитые? Раненые?

– Раненых шесть человек, убитых нет, – чётко доложил начштаба.

– У нас тоже потери минимальные. Но, сдаётся мне, оборона наша подходит к концу...

– Да, взялись за нас немцы крепко...

– Собирай людей, я сейчас буду.

– Сделаем.

Дождавшись, пока Касаткин с Вороненко скроются за поворотом коридора, Гаврилов повернулся ко мне:

– Ну, вот и всё, Иван. Тошно на душе...

– Понимаю твоё состояние, но оборона действительно исчерпала себя. Пора принимать неприятные решения.

– Да, ты прав, но...

– Что «но»?

– Может, дотянем до темноты, а там, – на прорыв? – горячо заговорил майор, – В последний, решительный, бой?

– Благодаря сапёрам, до темноты доживут немногие... А там, идти под светом прожекторов и под дулами танков и пулемётов? Самоубийство. Успокойся, не губи людей!

– Эх! – в сердцах ударил по кирпичной стене Гаврилов, – Умом понимаю, а сердцем...

– Делай что должно – и будь что будет, – криво процитировал я Марка Аврелия.

– Хорошо сказано. Ладно, пойдём!

В казематах горжевой казармы Восточного форта, Касаткин собрал всех бойцов роты Коломийца: чуть меньше двух-

сот человек. Я занял место в строю рядом с лейтенантом. Гаврилов медленно обошёл нас, вглядываясь в усталые, запыленные лица красноармейцев. Наконец, он остановился.

– Товарищи! Сильный и коварный враг напал на нашу Родину! Напал вероломно, без объявления войны! Несмотря на это, мы, бойцы Красной армии, оказали достойный отпор агрессору! Здесь, в Брестской Крепости, нашли свою гибель немало фашистов! Посмотрите вокруг: подступы к Восточному форту завалены трупами немецких солдат! Целых семь дней продолжается наша героическая оборона! Хочу поблагодарить вас за стойкость и мужество! Невзирая на тяжёлое положение, вы до конца остались верны долгу и присяге! Спасибо, товарищи! К сожалению, сегодня наше сопротивление потеряло смысл... Фашисты оставили попытки взять штурмом форт и нащупали слабое место обороны... Их сапёры взрывают валы и помешать этому мы не в силах... Погибать под завалами, не нанося никакого урона врагу, – считаю недопустимым! Попытки прорыва приведут только к новым бессмысленным жертвам. Мы должны жить, чтобы и дальше бить врага! Бить до полной победы! Это решение, поверьте, далось мне нелегко. Кто желает сдаться, – осуждать не буду... Оборона закончена, я распускаю гарнизон.

– А как же Вы? – выкрикнул в наступившей тишине лейтенант Коломиец.

– Я в плен не пойду, – упрямо качнул головой майор, – Вольно – разойдись!

Строй сразу же распался. Бойцы зашумели, задвигались, обсуждая потрясшую всех новость. Гаврилов стоял, глядя на разбегающихся красноармейцев. К нему подошли Коломиец, Касаткин и Абакумова.

– Как же так, товарищ майор? – растерянно вопрошал Коломиец, – Неужели, конец?

– Я всё сказал, – грубовато ответил Гаврилов, – Дальнейшее сопротивление считаю бессмысленным.

– Я останусь с ранеными, – твёрдо сказала Абакумова.

– Приказать я Вам не могу... Спасибо за всё, – присмотрите за ними...

– Пётр Михайлович! – Касаткин был спокоен и деловит, – Что будем делать с оставшимися запасами продовольствия и боеприпасов?

– Взрывать нечем, так что оставим всё как есть. Или у Вас есть какие-то другие предложения, Константин Фёдорович?

– Других нет, – пожал плечами Касаткин, – Для меня было честью сражаться вместе с Вами!

– Спасибо, капитан! Не поминайте лихом! Алексеев! – это уже мне, – Пошли к Домиенко, закончим с этим...

Для бойцов, находящихся в помещениях внутреннего вала, Гаврилов произнёс примерно такую же речь, сложив с себя полномочия командира и предоставив им полную свободу действий. Из форта потянулись первые сдающиеся...

Мы вернулись в штабной каземат. Ломая спички, я светил Гаврилову, который выгребал из ящиков документы и скла-

дывал их на стол. Какие-то ведомости, бланки, приказы, – бумаг было не очень много. Вытащив всё, что не должно достаться врагу, майор поджёг образовавшуюся кучу. Печать 44-го стрелкового полка он сунул в карман. Пока мы занимались уничтожением документации, у входа в штаб собралось несколько человек: Вороненко с каким-то молодым бойцом, пограничник Силаев, лейтенант Коломиец. Заметив их, Гаврилов спросил:

– Чего вам?

– Мы с Вами, товарищ майор, – ответил за всех Вороненко, – В плен ещё успеем.

– Хорошо, – немного подумав, кивнул майор, – План такой: прячемся в форту, а когда уйдут немцы, – собираемся здесь и думаем что делать дальше. Если найдутся ещё желающие, – передайте им мои слова. Выполняйте!

– Сделаем в лучшем виде! – повеселел одессит.

Пока догорали бумаги, я нашёл на полу второй диск к своему ППД, взял из ящичка несколько гранат и пару пачек патронов, – пригодятся. Гаврилов нацепил маузер, снял фуражку и пригладил свою роскошную шевелюру:

– Ну что, вроде, всё сделали...

– Воды неплохо бы захватить, да пожрать чего-нибудь...

– Мысль здравая, – одобрил майор, – пошли.

Запихав несколько консервных банок с тушёнкой в найденную противогазную сумку и наполнив фляги дурно пахнувшей водой из вырытого в одном из казематов колодца, мы

двинулись искать подходящее для прятков с немцами место. Форт покидали последние защитники. Кто-то, – с радостью, кто-то, – с неохотой. Сержант, встреченный нами в коридоре, со всей силы саданул винтовку об стену, разбив приклад в щепки.

– Вот, так-то лучше! – пробормотал он, с удовлетворением глядя на изуродованную «мосинку».

Отбросив в сторону обломки, он посмотрел на Гаврилова: – Ничего, товарищ майор, – мы сюда ещё вернёмся!

Ласково погладив стену каземата, сержант легко выпрыгнул наружу и, засунув руки в карманы, независимой походкой зашагал в сторону домов комсостава.

Форт затих и опустел, – только из лазарета доносятся стоны раненых. Мы с майором Гавриловым совершаем последний обход уже оставленных позиций. Под ногами хрустят гильзы и битый кирпич. Сквозняк гоняет по коридорам обёртки из-под пачек патронов, обрывки бумаг и окровавленных бинтов. На стенах – выщербины от пуль и осколков. Старый форт, ты с честью вынес испытания огнём и сталью, но осталось ещё одно, не менее важное: укрыть от врага горстку твоих последних защитников...